

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕ СЯ!

С. 350

ПРОЛЕТАРИИ

ВСЕХ СТРАН

C-330
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОЛЕТАРСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

П 29

356

ОРГАН Ц. Б. КОММУНИСТИ-
ЧЕСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

П 29
356

№ 2

МАЙ—ИЮНЬ—1923

МОСКВА

Наборщики. . . . . Елкин, Речменский,
Уткин, Назаренков,
Бушняков, Буздин,
Ратников, Федоров,
Константинов.

Метранпажи: . . . . . Алексеев, Тимофеев.

Зав. техн. частью: Гусев, Леонов.

Монтаж: . . . . . Г. Клуцис и С. Сенькин
(представители ячейки Р. К. П. (б) Вхутемасс).

Обложка. . . . . Г. Клуцис.

Марка. . . . . С. Сенькин.

Проекты: . . . . . Трибуна — экран —
киоск, установка,
чертеж + фото ра-
фия. Г. Клуцис.

Проекты: . . . . . Знамя, плаката,
чертеж.
С. Сенькин.

Редакция: . . . . . Редакционная кол-
легия.

І. ПУБЛИЦИСТИКА.

А. РОМАНЕНКО.

О НАШЕЙ УЧЕБЕ.

І. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

Борьба капиталистических и социалистических форм—борьба двух основных тенденций—во всех областях нашей общественной системы,—так совершенно правильно сформулировал вопрос Н. И. Бухарин, а более детально в применении к определению современных задач, стоящих пред всякой школой, развил т. Хотимский на II Всероссийском съезде губсовпартшкол и комуниверситетов.

„По какому пути пойдет перерождение нашей общественной системы, в направлении ли капитализма или социализма зависит от того, какой класс скорее выставит лучше организованную армию командиров производства, не только командиров-техников, но и в то же время—политических организаторов производства“¹⁾.

Другими словами: победа социализма в значительной степени зависит от того, удастся ли нам в действительности подготовить во всех наших школах работников современного качества. Именно: „современного качества“, как требует того наш Ильич в статье „Лучше меньше, да лучше“.

Эти руководящие положения применимы не только в определении основных принципов построения программ и методов совпартшкол и комуниверситетов, но, как наиболее точные и общие для

¹⁾ Из доклада тов. Хотимского на том же съезде.

данного периода времени, должны быть положены в основу при оценке задач любой школы республики.

В этих условиях лозунг пролетарского студенчества: **„В БОРЬБЕ ПРОЛЕТАРИАТА ЗА ГЕГЕМОНИЮ МАРКСИЗМА В НАУКЕ“** как нельзя более своевременен. Этот лозунг, в процессе своего практического осуществления, выпячивает в качестве своего центрального момента—метод диалектического материализма. Он знаменует собой, однако, длительный период омарксистизирования всей науки, взятой в целом, сверху и донизу. Он означает долгую и упорную классовую борьбу за оплодотворение науки на производственной основе.

И, конечно, отсюда становится понятным, почему этот лозунг пока еще не совсем ясно и отчетливо уложился в головах и привился на практике учебы нашей молодежи, но зато этот лозунг в общих чертах верно и очень живо воспринимается революционным студенчеством, ищущим путей его осуществления.

Этот лозунг, вне всякого сомнения, в ближайшие же годы планомерно и твердо овладеет и теми слоями беспартийного студенчества, которые до сих пор все еще стоят несколько в стороне от повседневной революционной работы.

Только в этом направлении, только в этом лозунге, могут быть реализованы все творческие силы нашей учащейся молодежи.

В самом деле, сейчас во всех ВУЗ'ах, где свирепствует зачетная лихорадка, положение учебы таково, что внушает, как говорят, серьезные опасения и требует глубокого исследования и анализа.

Отнюдь не претендуя на постановку точного диагноза и ни в коем разе не собираясь преподнести здесь нечто вроде рецепта избавления от всех зол и бед высшей школы,—мы ставим себе в этой статье пока скромную задачу лишь попытаться подойти к правильной постановке вопроса о положении учебы в ВУЗ'ах.

ВСЯ ЖЕ РАБОТА В ПОЛНОМ ЕЕ ОБЪЕМЕ, ЕСТЬ ДЕЛО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПАРТИИ ПРОЛЕТАРИАТА В ЦЕЛОМ И РУКОВОДЯЩИХ ЕЕ КРУГОВ В ОСОБЕННОСТИ. Это, наконец, дело самого рабочего класса и революционных элементов крестьянства. Но поскольку здесь речь идет о нынешнем состоянии учебы, то в первую голову этот вопрос больно ущемляет те слои рабоче-крестьянской молодежи, которые брошены пролетарским государством на рабфаки и в ВУЗ'ы.

Ведь не требует теперь, пожалуй, никаких доказательств, то очевидное положение, при котором: один механический напор пролетарского студенчества, одно простое наполнение революционными элементами молодежи аудиторий высшей школы, не дает еще гарантий в неизбежной победе пролетариата и на этом фронте.

Надо еще посмотреть, изучить и прощупать, кто и какими способами и средствами обрабатывает мозги нашей аудитории. Нет ли и здесь опасности перерождения или деклассирования молодежи, не только после выхода ее в качестве молодых спецов из стен высшей школы, но и во время, и за время учебы в этой школе.

Наконец, кого дает нам теперь и кого выпустит в ближайшее время высшая школа,— вот в чем лежат вопросы, которые не могут не волновать, не могут не останавливать внимания всех, кому дороги великие завоевания Октября.

Если мы теперь подойдем поближе к любому университету и, что называется, окунемся с головой в его повседневную жизнь, то к глубокому изумлению одних, к тупому привычному равнодушию других, к законному, быть может, негодованию третьих, а лучше всего с трезвым революционным анализом и с деловито-спокойным отношением четвертых, отметим: состояние высшей школы на 6-м году пролетарской революции, в смысле постановки учебы, в общем характеризуется не многим иначе, чем положение дел высшей школы прошлого столетия.

В самом деле, возьмем № 11 „Вестника Европы“ за 1883 год, где помещена статья известного основоположника русской физиологической школы И. М. Сеченова. В этой статье под заголовком „Беглый очерк научной деятельности русских университетов за последнее двадцатипятилетие“ мы читаем буквально следующее:

„У нас даже в 50-х годах на университеты продолжали еще смотреть, как на рассадники готового знания, в которых юношество обучается высшим наукам“.

А мы спрашиваем, как у нас теперь смотрят на ВУЗ'ы?

Мы не можем даже найти резкой принципиальной разницы во внутренней структуре учебы в университетах 50-х годов и теперешних ВУЗ'ов.

И далее, тот же автор пишет:

„К этому (т.-е. только к обучению юношества высшим наукам А. Р.) приспособлена была вся деятельность университетов, и она, собственно проходила в том, что профессора читали лекции, стараясь преподнести слушателям последние выводы науки, а слушатели пассивно (курсив наш. А. Р.) воспринимали их. Научной работы — того, что („что“ — с ударением И. М. Сеченова) теперь составляет истинную ученость — от профессоров в сущности не требовалось; она была достоянием немногих избранных (заметьте! А. Р.) и, замкнутая в тиши кабинетов, очень редко вступала в живую связь с аудиторией“.

Такая красноречивая характеристика, казалось-бы, как говорят, „не нуждается в комментариях“, но мне могут, пожалуй, возразить, что, мол — аналогия, вообще, вещь не надежная, что теперешние-де университеты завели и живую связь профессора с аудиторией. Однако, такое возражение легко можно опровергнуть указанием на те факты, которые говорят, что такая „живая“ связь существует как редкое исключение, а как правило пока что господствует лишь словесная связь, как формальная...

Еще более сокрушительным опровержением такого рода возражениям, является следующее место из цитируемой статьи И. М. Сеченова.

„Тогда (в предшествующий еще 50—60 годам период. А. Р.) и в Германии, откуда заимствовалась наша ученость, вероятно, еще не вполне сознавалась мысль, что университеты, для выполнения их назначения служить рассадниками знания, должны быть не только учреждениями, где наука проповедуется (см.! А. Р.), но и рабочими научными центрами, где она развивается“ (курсив наш А. Р.).

К этой последней цитате мы бы позволили себе добавить еще и следующее: „... где она, т.-е. наука, к тому же еще революционизируется в сторону ликвидации дуализма теории и практики, где она при помощи метода диалектического материализма, на производственной основе перерабатывается, т.-е. „на почве организации людей в производстве“ (эта последняя формулировка дана одним из студентов свердловцев), становится достоянием широких масс пролетариата и революционных элементов крестьянства.

Как видно, И. М. Сеченов, этот гениальный физиолог, как естествоиспытатель был, если можно так определить, стихийным диалектиком-материалистом, ибо по-Ильичу „естествознание по своей природе стихийно-диалектично“.

Однако, здесь мы спросим себя, а разве у нас в основном теперь дело обстоит лучше в высшей школе, чем как мы видели, это было, в прошлом столетии?

Разве студенты, ну скажем, хотя бы N Госуниверситета на выпускных госэкзаменах (эти, так сказать, „без пяти минут врачи“) не занимаются и по-днесь отвратительнейшей зубрежкой „шпаргалки“, (это нечто в роде вопросника-ответника), передающейся от одного поколения студентов к другому, от одного выпуска к другому.

Разве на настойчивые просьбы и требования студентов, обращенных к профессору о том, что они желали бы брать анализ не „воздуха вообще“ и не „воды вообще“^{*} (что опять-таки сводится к простой зубрежке известных формул), а взять, скажем, воду из Москвы-реки, из московского водопровода, а пробу атмосферы из табако-крошильного отделения табачной фабрики или из другого места, да на таких пробах и поучиться применению тех или иных методов анализа,—разве, повторяю, этот маститый профессор, сам представляющий собою продукт только что изображенной И. М. Сеченовым схоластической школы,—разве он, искренне убежденный в своей правоте, не считает такие „новаторские требования“ студентов (заметьте—беспартийных студентов) архи-революционными и ведущими будто бы к „опошлению“, будто бы к „вульгаризации“ науки и университета. А вот еще на выдержку „пустяковый“ (для поверхностного исследователя) факт. На экзамене по судебной медицине профессор на вопрос о причинах самоубийства, получив от студента заранее приготовленный по „шпаргалке“ ответ, что „такие причины называются внутренними.. (introspectum I), удовлетворенный ставит ему „весьма“ или „уд“, а тех, кто пытается дать осмысленный ответ,—гонит за работу не по святцам, то бишь, не по его собственному учебнику.

Понятно, при такой обстановке учебы, старый студент в погоне за дипломом—приспособляется, но пролетарская молодежь, закаленная практикой революционной борьбы, с таким положением мириться не может. Она вступает в конфликты, в скрытую пока, но ожесточенную классовую борьбу. Эта борьба пока выливается в нежелательных и

вредных формах партизанщины и проявляется в раздражительной словесной перепалке с профессором.

Конечно, здесь не место для изложения содержания академической копилки подобных фактов, имеющих в изрядном количестве и в своеобразном качестве в любом из Вузов, как не место здесь давать сводки партизанских выступлений наших товарищей.

Но из всего этого само собой напрашивается вывод:

НАСТАЛО ВРЕМЯ И ДАВНО УЖЕ ПОРА ПЕРЕЙТИ ОТ ПАРТИЗАНЩИНЫ НА НАУЧНОМ (идеологическом) **ФРОНТЕ**, в каких бы формах эта партизанщина ни выливалась бы (антирелигиозные вспышкопускательства, например), к организационному штурму и осаде цитаделей буржуазной науки.

Не беда, ежели в этой ожесточенной **БОРЬБЕ ЗА ГЕГЕМОНИЮ МАРКСИЗМА В НАУКЕ** все идолы, в том числе и боги, и богини вкупе с боженятами в капиталистическом храме науки окажутся—иные повергнутыми в прах и разбитыми вдребезги (психология, например), а иных попричешут на требуемый для нас лад, да и заставят организовывать производство и, тем самым, перестраивать науку при помощи метода диалектического материализма.

Мы допустили здесь такую беллетристическую вольность изложения исключительно лишь в целях, хотя бы до некоторой степени ослабить тот фетишизм, тот какой-то особенный трепет, и совсем ничемную робость пред сугубо-авторитарной напыщенной мудростью и схоластической эрудитностью, какого-нибудь доисторического жреца капиталистического храма науки.

Мы хорошо при этом знаем и не забываем, а напротив глубоко ценим и понимаем тех профессоров и передовых ученых (не психологов во всяком случае), которые не покладая рук, работают в революционном направлении.

Не о них, собственно, идет здесь речь!

Да и не о старых схоластах, этих начетчиках и талмудистах, мы здесь намерены в дальнейшем говорить!

Нет, вовсе не о них!

Вся суть дела, на наш взгляд, заключается в получившем свое отражение и в программах, и в методах работы всех Вузов— **В ДУАЛИЗМЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**, в этом противоречии, оставшемся нам в наследство от тысячелетий классового деления общества и переданном от угнетателей. Именно это—тот самый дуализм—про-

тивопоставление теории—практике и обратно, который представляет собой органический порок не только высшей школы.

Мы здесь пытаемся, таким образом, поставить вопрос о преодолении того самого дуализма, классической формулировкой которого мы считаем определение, данное т. Лениным в известной статье „Лучше меньше, да лучше“, в следующих словах, применительно к нашей повседневной действительности:

....Теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь, самой незначительной канцелярской реформе“.

Как еще раньше нами было уже отмечено, в задачу этой статьи входит только **ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ**, требующих конкретизации и разработки. Некоторыми из этих вопросов будут: в чем и как в наиболее характерных чертах проявляется антиномия теории и практики, ее исторически-классовое происхождение, развитие и неизбежная гибель с переходом к социализму. Повторяем: поставленные вопросы, если только нам удалось формулировать их более или менее верно, подлежат коллективной разработке всей партии в целом, и партийной молодежи в первую голову. Уже теперь надлежит приступить к собиранию, систематизации и подготовке материалов по затронутым вопросам.

Однако, даже в узких пределах этой статьи, мы не можем обойти молчанием одну из тех больших и широких возможностей практического преодоления антиномии теории и практики. Мы имеем здесь в виду следующее, затрагивающее только одну из самых небольших сторон поставленных вопросов.

Для всякого, мало-мальски грамотного марксиста, не преудбежденного против того, чтобы „не топтаться на месте, а идти вперед“, стало ясным, что современное состояние естествознания в достижениях русской физиологической школы Сеченова—Павлова, в области изучения высшей нервной деятельности животных (учение о рефлексах и анализаторах) вступило в резкое противоречие с возможностью дальнейшего существования психологии, как науки. Что это означает? Это прежде всего ведет к ликвидации положительного изучения психологии, как обязательного предмета в программах ВУЗ'ов (по учебникам Челпанова, Блонского, Корнилова или кого другого, безразлично). В тех же школах, где знание так наз. психологии обязательно в целях практической борьбы

с буржуазной идеологией,—следует вставить в рамки программы изучение истории психологии, как классовой науки.

Таким образом, высвобожденные из под старой схоластики свободные силы пролетарского студенчества были бы с большой практической пользой направлены в требуемую сторону, скажем, напр., в сторону изучения высшей нервной деятельности мозга, как специального и доступного для изучения отдела физиологии, т.-е. естествознания, что и требуется революционным марксизмом.

Это один из примеров, какие открываются перспективы в предстоящей работе, которая далеко не исчерпывается показанным моментом. Но мы уже предвидим, как такая, сравнительно, „незначительная революционная мера“ вызовет, пожалуй, целую бурю профессорского негодования со стороны тех жрецов, которые „за сокращением штатов“, т.-е. за удалением почвы из под их ног, останутся быть может у нас в Советской России по своей профессии безработными. Но мы ничуть не смущаемся даже воплями их поклонников и тех почитателей, которые, возможно, окажутся и в нашей среде, в среде пролетарского студенчества. Ведь мы—большевики, мы никогда не останавливались пред такого рода препятствиями, а всегда умело преодолевали их (прямо или обходом) на своем твердом пути к коммунизму.

В. И. ХОТИМСКИЙ.

Речь на съезде Совпаршкол.

Товарищи!

Надежда Константиновна выполнила значительную часть той работы, которую я предполагал сделать, но, тем не менее, я остановлюсь на некоторых моментах, которые ей по характеру темы ее доклада не пришлось выдвинуть достаточно сильно.

Сущность нынешнего нэповского периода совершенно правильно определяется нашими партийными теоретиками, как борьба капиталистических и социалистических форм во всех областях нашей общественной системы. Это положение должно быть исходным пунктом нашего анализа во всех областях нашей работы, в том числе и в области партийной школы. Совершенно очевидно, что при такой ситуации, как это правильно указывалось т.-щем Бухариным, победа социализма в значительной степени

зависит от того, удастся ли нам в действительности подготовить партийных и советских работников современного качества. Я подчеркиваю «современного качества». На это указывал также т. Ленин в последних своих статьях, именно «современного качества», а не «времен Очаковских и покорения Крыма», действительно приспособленных к условиям нашей крайне сложной обстановки.

Эти условия недостаточно учитывались и не могли быть учитываемы на 1-м Всероссийском съезде Совпартшкол, когда мы находились на зачаточных ступенях нэпа, и основные черты этой эпохи определялись лишь теоретически. В результате же оказалось, что наши программы и учебные планы несовременны, не отвечают боевым задачам школы не только в указанном узком, но и в более широком смысле несоответствия между программами наших партийных школ и основными задачами всякой школы в условиях переходного периода от капитализма к социализму. Обстановка предыдущего периода не позволяла подойти к вопросам школы и науки так, как мы должны к ним подходить. Естественно, что этот подход не мог наметиться в обстановке борьбы с буржуазией с винтовкой в одной руке и брошюрой агитационного пошиба в другой, а лишь в условиях сложнейших экономических связей с ней и идеологического фронта, когда мы переходим к углубленному марксистскому образованию пролетарских масс.

Какова же исторически необходимая задача нашей школы. На этот вопрос Маркс дает ясный ответ. Эта задача—подготовить, направить развитие интеллекта к тому кульминационному пункту, который Маркс определяет, как всесторонне развитого индивидуума, для которого различные общественные функции являются сменяющимися друг друга способами жизнедеятельности. Конечно, мы далеки от этого пункта, но должны идти по этому направлению и вести соответствующую работу. Какой же тип мышления должен явиться исходным в наших условиях в движении к указанной цели? Вполне своевременно этот вопрос выдвигается в последних статьях Вл. Ильича. Мы его определяем как диалектически-материалистическое мышление не только в области теоретических построений, но и в практике повседневной работы. Это диалектическое мышление, в котором ликвидируется унаследованная от капитализма антитеза теории-практики, которая находит свое выражение в разрыве умственного и физического труда в классовом обществе, ликвидируется то самое раздвоение личности, которое Вл. Ильич гениально метко охарактеризовал, как большую смелость в теоретических построениях и неспособность проведения маленькой канцелярской реформы.

Вот, т. т., как определяется тот новый тип мышления, который нужно выработать в переходный период на базе любой специальности. Мы сейчас не собираемся совершать прыжка через многие годы, которые нас отделяют от того кульминационного пункта в развитии индивидуума, о котором говорил Маркс. Совершать такой прыжок через

техническое разделение труда в нашем обществе мы не собираемся. Но с изменением всей системы общественных отношений в условиях пролетарской диктатуры мы этот прыжок совершить можем в системе восприятия действительности, в методах изменения.

Выработка этого нового типа мышления и должна явиться основной задачей наших школ. Для этого, конечно, школа должна быть не только марксистской, она должна быть также производственной. Мы в нашей системе школ имеем трудовые производственные школы в зачаточной форме с одной стороны, а с другой стороны—марксистские школы в лице совпартшкол. Нам нужен синтез того и другого, нам нужна марксистская и производственная школа.

Ведут ли нас в этом направлении существующие программы и учебные планы? Нет. Эти программы, учебные планы значительно отклоняют нас в сторону схоластической учебы. Это происходит по целому ряду причин, исторически оправдываемых. Главные из них: 1) наша экономическая слабость, которая не позволяет нам до сих пор создать прочную материально-учебную базу в наших школах, во 2) мы унаследовали в наших школах традицию схоластической учебы. Это—факт несомненный: традиция схоластической учебы пришла вместе с преподавателями интеллигентами. Некоторые товарищи выступали против такого же моего заявления на Всероссийской конференции ректоров, а т. Бухарин вчера, примерно, то же говорил об отсталости наших преподавателей и пропагандистов, в 3-х, наша школа унаследовала традиции подпольных марксистских кружков с их перегибанием палки в сторону теоретизирования. Наконец, необходимо указать еще на следующее: поскольку партийная школа должна вводить так называемые общеобразовательные предметы, т.-е. иметь дело с теми областями науки, которые до сих пор остались недоступными или малодоступными для коммунистического марксистского влияния, она вводит в учебный материал элементы знаний, прививающих статическое недиалектическое, нединамическое представление явлений, а это препятствует нам выработать то самое диалектическое мышление о котором я говорил.

Но эти уклоны не были бы столь опасны, если б они не совпадали с более сильными уклонами в сторону схоластической учебы во всей нашей школьной системе. Посмотрите, т.-щи, на высшие учебные заведения, на рабфаки. Что там происходит? Кто там господствует? Мы должны совершенно откровенно сказать, что и наши рабфаки, и вузы, и втузы находятся под большим влиянием буржуазной науки и схоластической учебы. На-днях мне пришлось беседовать с заведующим рабфаком института Карла Маркса, который указал на следующий факт. Когда он решился, наконец (потому что он не решался раньше, как не специалист), заявить физикам своего рабфака, что надо бы как-нибудь связать изучение физики с первых же шагов с лабораторными занятиями, какой-то убеленный сединами физик ему ответил, что дескать, надо сначала года два мелом

на доске проработать, а затем идти в лабораторию. Таких допотопных физиков не мало.

Существенным недочетом существующих программ и учебных планов всех наших школ (я на этом остановлюсь подробнее, когда перейду к вопросу о том, какими должны быть программы и учебные планы) является отсутствие историзма в так называемых общеобразовательных предметах, и, кстати сказать, малый удельный вес в общей системе учебного материала истории вообще. Тут не приходится распространяться о том, каким существенным препятствием для выработки диалектического мышления является этот недочет. Если учесть существующий уклон в сторону схоластической учебы, в особенности, в высших учебных заведениях и рабфаках, который усиливается, усугубляется рядом характерных явлений, вырастающих на почве нэпа: дипломным карьеризмом, зачетной лихорадкой которая сейчас трясет каждого студента, зубрежкой, которая пыльным цветом расцветает в наших высших школах, оторванностью всей массы наших слушателей от производства, — если учесть все это в совокупности, то станет ясно перед какой большой опасностью деклассирования и прививки чуждой идеологии мы стоим. Вы спросите, почему мы теперь об этом заговорили. Я уже указывал, что мы подошли к радикальной перестройке школы. Мне известно, что агитпропом ЦК готовится к партийному съезду резолюция, в которой проводится основная и общая для всех школ идея перестройки их учебных планов в направлении большего марксистизирования и большего сплочения с производством.

Вы знаете, что трудовые школы действительно потерпели у нас поражение благодаря нашей экономической слабости, благодаря неподготовленности и реакционности преподавательского состава, главным образом, бывшей средней школы, его неспособности к проведению новых принципов которые выдвигались пролетарскими органами просвещения. В связи же с этим поражением трудовых школ схоласты в особенности прочно себя почувствовали, и когда где-либо заговаривали о необходимости приближения учебы к производству, о необходимости усиления влияния марксизма во всех областях школьного обучения, нам отвечали: «вы воскрешаете из мертвых утопию трудовой школы». Здесь необходимо сделать раз'яснение, которое должно этот вопрос исчерпать, — о какой именно трудовой школе мы говорим. Говорим ли мы о ней в том смысле, в каком говорят буржуазные педагоги, готовящие квалифицированных рабочих в условиях развитой техники для господ капиталистов? Ни в коем случае. Мы говорим о трудовой и марксистской школе, которая в практике своей работы, учебной и производственной отражает совершенно правильно в сознании слушателей ту схему отношений базиса и надстройки, которая так выпукло очерчена теоретиками марксизма. Возьмите, напр., из «Основных вопросов марксизма» Плеханова: состояние производительных сил, обусловленные и экономические отношения и т. д.

В этой последовательности необходимо изучать учебный материал, выводя одно из другого. Такова общая схема программы для всякой школы, дающая правильное понимание связи вещей. Но если «понятая связь вещей, рушится теоретическая вера... и т. д.».

Если вы хотите подготовить борцов, которые преодолевают эту систему отношений, которые должны совершить прыжок из царства необходимости в царство свободы, вы должны совершенно отчетливо отразить в их сознании эту систему отношений в исторической последовательности ее образования. Но несомненно, что при этом необходимо начинать с изучения современной общественно-производственной действительности. Значит, т-щи, те возражения, которые делались против такого построения наших программ, базируются в значительной мере на схоластических традициях, которые остались у некоторых наших товарищей.

Здесь есть еще один вопрос, который на мой взгляд неправильно понимается многими товарищами. Это [вопрос о производственно-технологическом элементе в программе нашей школы.

Правильно указал вчера т. Бухарин, что победа социализма зависит от того, какой класс скорей подготовит кадр организаторов производства приспособленных к новым условиям. Отсюда ясно, что производственно-технологический элемент должен фигурировать в программах всех наших школ. В какой форме и в какой связи со всем прочим он должен быть в программе партийной школы? В программу партшколы необходимо ввести общую характеристику современной техники и ее историю, что действительно поможет нашим товарищам в обстановке современной борьбы социалистических и капиталистических форм, пользуясь знанием производственно-технической обстановки и принципов ее организации, организовать людей в производстве. Я, т-щи, употребляю то выражение, которое по-моему очень удачно употребил в одной из статей «Свердловца» один товарищ свердловец—«организация людей в производстве». Надо знать принципы организации производства с технической стороны. Конечно, мы не можем дать сейчас в партшколе специального образования, которое было бы необходимо, например, для инженера. Но надо совпартработнику совершенно отчетливо представлять себе основные принципы технической организации и главнейшие сведения из области технологии.

Товарищи, я укажу еще на один чрезвычайно существенный момент. Это вопрос, товарищи, о естествознании, отношении между естествознанием и общественными науками в нашем учебном плане. Должно быть ясно, что развитие марксистской теории может совершаться лишь на базе открытий в области естествознания. И можно было бы даже указать ту область естествознания, которая является в этом смысле наиболее вероятной.

Это, товарищи, высшая нервная деятельность человека и животного. Каждый марксист, мало-мальски образованный марксист, знает слова Маркса о материальном, как переработанном в человеческой голове

идеальном. А знают ли марксисты законы этой переработки нашим организмом? Это знать надо. И дальнейшее развитие марксистской теоретики пойдет по этому пути. Надо знать законы переработки материального в идеальное, что бы научиться управлять и «идеальным» и «материальным».

Почему же программа и учебный план должны учитывать указанную тенденцию развития марксистской теоретики? Да потому, что партийно-советские школы от высших до низшей ступени готовят будущее этой теоретики.

Весь рабочий класс в этом процессе участвует, и все партийно-советские школы должны этот вопрос учитывать и свою программу строить таким образом, чтобы она в научном смысле не была архаической, а это значит, что естествознанию нужно отвести достаточно места, и выдвинуть на первый план изучение высшей нервной деятельности, центров разлечения.

Теперь, т. т., перехожу к вопросу о том, каковы должны быть наши учебные планы и программы. Необходимо предварительно сказать о некотором изменении порядка в существующей системе школ. Вы знаете, что у нас существуют следующие типы школ: школа политеграмоты, партийная советская школа 1 и 2-й ступени. Школы политеграмоты слабо связаны с школами 1-й и 2-й ступени. Задачи ее определены недостаточно отчетливо и трудно сказать, какого работника она готовит. 1-я и 2-я ступень недостаточно связаны между собою. Необходимо поставить перед каждой школой совершенно определенную задачу, исходя из нашей сметы потребностей в работниках определенных типов, наметившихся в практике нашей работы. Эта задача—подготовки работников соответствующего производственно-территориального масштаба. (Подчеркиваю момент производственный: в период предыдущий мы управляли, воевали, но очень мало производили. Сейчас нужно развернуть производство в полной мере и указанный момент получает поэтому важное значение). Школа политеграмоты должна готовить работника в масштабе фабрики—по линии индустриальной, села—по линии сельско-хозяйственной, в том и другом случае работника-массовика. Школа 1-й ступени готовит работника в несколько большем масштабе: волостном, городском. Школа 2-й ступени работника в масштабе экономического округа. Здесь имеется в виду подразделение, принятое в проекте экономического районирования республики.

В основу программы каждой из указанных школ необходимо положить их систему конкретных внутренних и внешних производственно-экономических связей той производственно-территориальной единицы, в масштабе которой будет работать готовящийся работник. Нельзя создавать буква в букву одну и ту же программу для Владивостока и Петербурга. Слушатель петербургской школы должен отправляться в изучении, если он не подготавливается к работе в масштабе города, от конкретных производственно-экономических связей Петербурга со всей экономи-

ческой системой республики и от этого итти к познанию мировой экономической системы и места в ней Советской республики. Тем самым будут удовлетворяться и требования момента, т.-е. потребность в рабочих в области практического производства и требования методического характера, чтобы изучающий исходил от ближайших к нему областей производственно-экономической действительности. Подтверждением последнего методического правила вы можете найти в I томе «Капитала» (стр. 44-я), где Вы читаете «размышление над формами жизни и научный анализ, вообще говоря, исходит из готовых результатов процесса развития...избирает путь, противоположный их действительному развитию. Разлагая же «готовые результаты»—современную действительность мы создаем простейшие «категории», охватываемые единым махом диалектического метода, и возвращаемся снова с высот «абстракции» (разложения—различения конкретного) к конкретной сложности. В схоластической же школе мы привыкли начинать из исторического далека, от Спарты и Афин, и по этой же традиции мы считаем, например, что нашим слушателям, рабочим завода Гужон почему то гораздо ближе и понятнее эмоции первобытного человека, чем их злободневные эмоции русских рабочих, и начинаем излагать историю культуры в марксистских кружках и школах политграмоты с истории первобытного человека—с Адама, а не с современных форм хозяйства. Пора понять, что это реакционные пережитки.

На базе упомянутой системы конкретной связи, (мы берем, например завод, как производственно-экономический комплекс, и на необходимых этому заводу материалах изучаем естествознание, изучаем растения и животных, как источники производственного сырья, на различных орудиях производства этого же завода, более или менее передовых, изучаем историю техники, ту самую «критическую историю технологии», о которой Маркс говорил, что она способна раскрыть «активные отношения человека к природе... непосредственный процесс] производства его жизни». Здесь необходимо отметить очень интересный факт, что целый ряд крупных открытий в области техники совершены рабочими, а не инженерами. (Этот факт несомненно будет изучаться и исследоваться с естественно-научной точностью). Возьмем социальный состав предприятий и его этнографическую сторону.

Вот исходные пункты в изучении классового состава Советской республики и его этнографии. На каждом рабочем этого предприятия вы можете изучить всю историю пролетаризации крестьян, и на всем указанном материале роль машины, как деформатора классов. Такова эта система конкретных связей, которая прочнее всего в голове наших слушателей и в которой мы, как пролетарское государство, больше всего заинтересованы. Поэтому мы ее берем за основу всех программ наших школ. На этой основе под углом зрения практической задачи данной школы подбирается учебный материал по тем основным линиям, которые указывали России до последнего времени: в школе первой ступени—

период со второй половины XIX века, т.-е. с момента, когда социально-экономическая структура России отчетливо определилась, как капиталистическая, в школе второй ступени—период от возникновения капитализма до его упадка в мировом масштабе.

Теперь еще один существенный вопрос: методологическая увязка всего учебного материала на почве диалектического материализма. Здесь мы также встречаем возражения. Нам говорят, что в естествознании в этом отношении все благополучно. Но если, как совершенно правильно замечает Ленин, современное естествознание стихийно материалистично, то наша задача сделать его сознательно диалектическим. Это значит, что метод диалектического материализма должен стать методом естественно-научного творчества — и не только для профессоров, но для рабочих. Подготовка же такого события в голове наших слушателей должна быть основана, с одной стороны, на отчетливом понимании диалектического характера процессов природы и на таком же представлении диалектики развития и отображения этих процессов в человеческом сознании в виде определенных картин мира, если изучать их в исторической последовательности. Можно сделать большой шаг в этом направлении, если ввести во все общеобразовательные предметы наших курсов диалектический момент и рассматривать явления не статически, как это делается, а динамически. Возьмем, например, грамматику. На первый взгляд кажется невинная вещь, но она насквозь пропитана духом формальной логики и является поэтому сильным средством прививки антиреволюционного статического мышления. Такие же традиции формально-логического мышления укрепляет естествознание, которое преподносится нами в архаических формах. Я не имею в виду эволюционной теории (хотя и здесь нужны существенные замечания с нашей точки зрения), а значительный совершенно статический элемент в наших курсах естествознания.

В изучении этого последнего для наших слушателей остается незамеченной диалектика физиологических процессов, имеющая решающее значение в выработке того, что мы называем диалектическим мышлением. (Диалектическим различием конкретной сложности). Я, т.-е. не знаю, поняли ли вы достаточно хорошо сформулированное сейчас положение, попытаюсь дать другую формулировку. Между двумя областями нашей программы (общественные науки, естествознание) вырыта пропасть. Они методологически не связаны. Их надо связать. Можно, например, трактовать проблему текущих и касательных статически и совершенно оторванно от производственной действительности, а можно ее трактовать диалектически и как «конкретную человеческую деятельность» — в том смысле, в каком об этом говорит Маркс в тезисах о Фейербахе. Такие изменения в учебном материале нашей школы явились бы началом того процесса переработки науки, в котором партийно-советские школы должны сыграть исключительную по важности роль. Конечно, мы должны привлечь в этой работе на свою сторону буржуазных естествоведов-материалистов, но при

этом помнить об исторической миссии рабочего класса—освободить несчастного естественника, находящегося в плену у «опыта» и формально логических схем, из плена этой буржуазной амуниции и, как правильно указывает Вл. Ильич в своей статье «Под знаменем марксизма», сделать его диалектиком. Только марксисты могут направить изыскания естествоведа по линии развития противоречий в том процессе, который он изучает. И в этом отношении партийная и советская школа должна сыграть огромную роль.

Возьмите, например, математику. (Я беру из той области, которую знаю не плохо)—Расширение понятия о числе, переход от положительного к отрицательному счисления изображают как процесс отвлеченного «мышления».

Но этот процесс вырастает из производства, и мы, марксисты, можем вскрыть его исторически-конкретную основу, его конкретную диалектику. Мы знаем, что до промышленного переворота математика развивалась в связи с механикой, которая обслуживала мануфактуру. Мы могли бы указать на Италию, которая в XV и XVI веке в культивировании математических знаний играла исключительную роль в связи с расцветом мануфактурной промышленности. Мы могли бы указать действительные причины рождения проблемы мнимого числа в средние века и т. д. Мы могли бы, таким образом, открыть много такого, что осталось неизвестным буржуазной науке, в этой области. И я еще раз подчеркиваю, что новый подход к этим проблемам может быть сделан только нами. Для буржуазного историка математики проходит совершенно незамеченным то обстоятельство, что Италия в XV веке является застрельщиком мирового торгового капитализма и в связи с этим культивирует математику. Если бы в такой связи преподносилась математика нашему слушателю, получилась бы огромная польза. Я считаю, что тот скептицизм, который обычно звучит в возражениях наших оппонентов, скептицизм обывательский и является результатом их недомыслия. Они, повидимому, до конца, хотя бы в основных моментах, не представляют себе той перспективы развития науки и школы, которая перед нами лежит. Мы сейчас распределяем по рабфаккам, вузам и втузам значительный слой пролетарского авангарда. Кого мы из него готовим? Профессоров, инженеров? Таких же, какие были при капитализме, или других? Ответ ясен—не таких, а нового качества, и в этом суть вопроса. Несомненно нового качества—марксистов и пролетариев, и не только марксистов в области общественных наук, но как-то по марксистски, по-новому подходящих к проблемам естествознания, математики, языка и т. д. Как объединить все эти дисциплины на базе марксизма и вместе с тем покончить с разрывом теории—практики?

На этот вопрос может дать ответ тот процесс переработки науки, о котором мы говорим. В этом процессе должны участвовать большие массы людей и в первую очередь пролетарский авангард.

Таков самый надежный революционный путь переработки научного наследия капитализма. Поэтому при построении программы всякой школы в условиях переходного периода нельзя не учитывать такой перспективы развития школы и науки. Ибо корень вопроса именно в том, как на почве того технического разделения труда, которое нам сейчас необходимо, чтобы восстановить и строить наше хозяйство, создать общественных работников нового качества. Как подготовить профессора, который был бы марксистом и пролетарием на деле? Как подготовить инженера, который был бы не только советским, но и пролетарским инженером, революционером и марксистом? Как привести к одному знаменателю—в смысле единой системы революционного мышления—ту разнородную массу людей, которые в условиях эксплуататорского общества разбиваются по различным классовым группам.

Вам, товарищи, розданы проекты схем некоторых курсов совпартшколы. Это черновые наброски, требующие детальной разработки. Автор схемы по экономике, присутствующий здесь преподаватель Университета Востока тов. Кабо, может ответить на связанные с ней вопросы. Схема дает образец построения курса экономики на основе местного производства. Вообще же вопрос о разработке новых программ может быть решен нами на с'езде лишь в смысле формулировки основных принципов. Детальная же разработка—дело нескольких месяцев, и в этом отношении надо использовать летний сезон, чтобы новый учебный год начать с новой программой. Остается коснуться еще одного возражения, которое делается обычно на наши предложения. Нас спрашивают, где мы возьмем новых преподавателей и новые учебники для выполнения новых программ. Когда надо было совершить Октябрьскую революцию, находилось очень много людей не только в рядах наших противников, но и в наших рядах, которые говорили: как вы это совершите, как возьмете власть и т. д.? Теперь мы подошли к Октябрю в области школы и науки.

Надо взять дело в свои руки, в руки марксистов и пролетариев, заставить работать своих и чужих в духе наших задач; беспартийных преподавателей мы привлечем на свою сторону, доказав им наше действительное превосходство в области методологии. Если заставить приспособлять к общественным наукам, в области которых методология марксизма разработана наиболее полно и плодотворно, остальной учебный материал, произойдет и его марксистизирование. Если в тесном контакте между собою преподаватели различных дисциплин будут прорабатывать учебный материал на базе марксизма и производства и на целом ряде с'ездов обменяются опытом работы, цель будет достигнута: мы получим нужные нам программы. Теперь по вопросу об учебниках. Можно написать и марксистский учебник, который очень мало отличается от старых учебников в том смысле, что так же схоластически распределяет материал и игнорирует конкретную действительность, утопая в облаках теоретики. В качестве образца нового учебника, необходимого нашей школе, является

положительно аттестованная тов. Лениным книжка Степанова «Электрификация». В этой книжке удачно переплетены вопросы социологические и производственно-технические вокруг того вопроса, который имеет огромное актуальное значение и для всего ближайшего периода человеческой истории—вокруг вопроса электрификации.

Я заканчиваю, товарищи. Перед нами большая работа, которую надо начинать в ближайшее же время. (Надо же ее когда-нибудь начать). Если все преподаватели совпартшкол дружно возьмутся за это дело, новые программы и предпосылки их реализации в совпартшколах будут существовать.

Дальнейшая работа будет состоять в том, чтобы весь учебный материал всех школ равнять по марксизму и в этом огромном деле совпартшкола должна сыграть роль застрельщика.

Проф. М. В. Шулейкин.

РАДИОТЕХНИК К СТУДЕНТАМ.

Сообщения международные, правительственные распоряжения, транспорт, торговые и различные иные сношения требуют связи.

Время, протекающее с момента подачи распоряжения или известия до его получения, определяет скорость совершения тех или иных поступков, другими словами: скорость появления того или иного следствия, за вызвавшей его причиной. Совершенно очевидно, что из различных видов связи: почта пешеходная, почта на лошадях, почта железнодорожная, почта голубиная или иная, проволочный телеграф и телефон и, наконец, беспроводная радиосвязь, наиболее совершенной является та, которая элемент времени между подачей и приемом сообщения сводит до минимума, наиболее совершенной является та, которая по возможности исключает этот элемент времени, не завися ни от направления, ни от расстояния, ни от чьей-нибудь воли, которая может помешать получить посланное известие. Этот элемент времени, который появляется благодаря тому, что передача сообщений не может производиться непосредственно, определяет скорость тех или иных поступков, а так как многообразные стороны социальной жизни, торговля, внутренние и внешние сношения, военное и морское дело покоятся на связи, то связь определяет темп жизни, темп развития тех или иных действий, являющихся слагаемыми многогранной жизни страны. Наиболее совершенным видом связи в этом отношении

является радиосвязь, исключая время и пространство, не знающая преград и препятствий, связь, которая дает возможность установить прием сообщений даже на антиподе. Передающая рация¹⁾ излучает электромагнитные волны, распространяющиеся по поверхности земного шара со скоростью 300000 километров в секунду, т.-е. со скоростью света, так что в том случае, когда мощность передающей рации достаточна для того, чтобы, несмотря на поглощение энергии, происходящее в пространстве, напряжение электромагнитного поля в том месте, где расположена приемная рация было достаточно для слышимости сигнала, электромагнитные волны достигнут антипода в $\frac{1}{15}$ секунды, так как окружность земного шара по большому кругу равна приблизительно 40000 килом.

Не ограниченное ни временем, ни пространством, передающее как знаки Морзе, так и голос, радио является совершенным средством связи. Передающая рация есть мощная труба, разносящая вести по всему миру, делающая события почти одновременными для различных точек земного шара, а каждая приемная радиостанция есть тот слуховой аппарат, который позволяет следить за жизнью всех стран, всех культурных центров, то зеркало, в котором отражаются все события, происходящие кругом.

Крупные европейские станции ежедневно дают прессу, и ходынская рация ежедневно сообщает 300-м приемным устройствам Наркомпочтеля о том, что делается в центре. Рация в Лионе ежедневно дает прессу французским колониям центральной Африки, путь для которой нормальным почтово-телеграфным путем длился бы многие и многие дни. Ускоренный темп жизни последнего десятилетия, события исключительной исторической важности, в которых связь стояла на первом месте, требовали наиболее совершенной связи и она была осуществлена при помощи радио. Но жизнь не ждет, она требует новых и новых достижений, недостаточно только передавать, надо многое видеть из того, что передается и радиотехники разрабатывают новую область радиотелескопии, т.-е. видение на расстоянии. Недостаточно только передавать сообщения и видеть, нужно управлять на расстоянии сигнализацией, движущимися приборами, теми или иными аппаратами.

Радиотехника идет дальше, разрабатывая методы телемеханики, т.-е. управления на расстоянии. Совершенно естественно, что кульминационный пункт этого развития радиотехники, т.-е. техники передачи энергии без проводов, находящейся сейчас в том положении, когда на приемную рацию принимается лишь минимальнейшая часть из того громадного количества энергии, из тех сотен киловатт, которые выбрасываются в пространство антенной мощной передающей рации, представляет собою передачу энергии без проводов по заданному направлению в любом количестве, при условии приема всей энергии, излученной передающей рацией за вычетом поглощенной в пространстве.

1) Рация — радиостанция.

К этому моменту своего высшего развития радиотехника идет быстрыми шагами, а соревнование с Западом и Новым Светом требует от русских радиотехников немалого напряжения сил и знаний. Технику создают техники же, а ее развитие требует новых и новых сил. Недостаточно вложить свои знания и труд в строящееся здание, необходимо создать те технические силы, которые помогли бы это здание расширить и украсить. Средством к созданию таких сил является радиотехническое образование, а среда, откуда такие силы можно почерпнуть, есть студенчество и к нему обращено настоящее мое слово. До самых последних лет число оканчивающих по радиотехнике было очень невелико. Радиотехническая специальность была введена около 1909 г. в Петроградском Политехническом Институте и около того же времени в Петроградском Электротехническом Институте, при чем до 1917 года в первом по радиотехнике окончил 6 человек и во втором, вероятно, около того же числа, если не меньше. Вероятно, значительно большее количество специалистов приходилось на минные офицерские классы в Кронштадте и офицерскую электротехническую школу в Петрограде, что, конечно, должно объясняться тем, что в военном и морском ведомствах радиотелеграф находит наибольшее применение, а особенно в последнем, так как каждое судно флота оборудовано рациями, точно так же, как и береговая служба связи. В 1918 году в Москве при Обществе Высших Электротехнических курсов были открыты радиотехнические курсы для телеграфистов, надсмотрщиков и радиотехников. Весной 1919 года по классу радиотехников окончил около 15-ти человек. Летом эти курсы были закрыты и с той же целью, но при наличии инженерной ступени Наркомпочтелем был открыт Народный Институт Связи, включающий как специальности радиотехнику и технику слабых токов. С весны 1919 года в Высшем Московском Техническом училище¹⁾ была открыта радиотехническая специальность, по которой весной 1920 года окончил 6 человек, весной 1922 года—5 человек и сейчас имеется трое работающих дипломантов. Последующий выпуск предполагается—около 15-ти человек. В Высшем Институте Народного Хозяйства имени Карла Маркса также имеется специализация по радио при электропромышленном факультете с двумя дипломантами в настоящее время. Следующий выпуск предполагается в количестве около 17 человек.

К перечисленным вузам следует добавить еще Военную Электротехническую Академию в Сергиевом посаде, которая имеет факультет связи.

Из приведенных скромных цифр, которыми за исключением Петрограда мы располагаем, следует, что интерес к радио, несомненно растет в студенческой среде. Следует отметить, что в Институте Народного Хозяйства лаборатория, правда, бедная по своему инвентарю, была оборудована главным образом студенческими силами и сейчас уже организован

¹⁾ До 1919 года по радио М. В. Т. У. окончил 1 человек и по окончании один специализировался по радио.

радиотехнический кружок, который, надо надеяться, будет центром студенческой «радио мысли» и несомненно в смысле развития принесет громадную пользу. Автор этих строк предлагал также и студентам Технического училища подумать о такой же организации. Специалистов безусловно не хватает. Для того, чтобы создать свою технику и вынести конкуренцию с Западом, необходима инициатива и те люди, которые ее подадут. В этом отношении я полагаю, что вся надежда должна быть возложена на студенчество и хочется думать, что оно выдвинет своих лучших товарищей на поприще радиотехники, которая является одним из главнейших нервов страны. В нижеследующих строках я попытаюсь дать краткий очерк ее развития.

Радиотелеграф, изобретенный А. С. Поповым в 1895 г., быстро находит себе применение в армии и флоте, как новое средство связи. Однако, распространение его не ограничивается указанной областью, и вскоре он начинает занимать видное место в политической жизни всех стран. Естественно, что метрополии, отделенные от своих колоний громадными пространствами, не могли не учесть всей той выгоды, которую давало новое средство связи, и не проходит десяти лет со дня открытия, как намечается начало широкого строительства мощных станций. Германия, окруженная со всех сторон и угрожаемая волей своих соседей, одна из первых осознала все значение радиотелеграфа для связи с флотом, Америкой и своими африканскими колониями. В 1906 г. германское правительство строит свою знаменитую Науэнскую станцию мощностью десять киловатт в антенне, которая имеет при постройке лишь опытный характер. Постепенное развитие станции дает возможность в 1910 году начать опыты связи с африканскими колониями. К 1912 году на Лонг-Эйленде, вблизи Нью-Йорка, строится станция для связи с Науэном, первые опыты которой были начаты зимой 1912 г. Для того, чтобы получить связь с южной Америкой к 1914 году в Карфагене, находящемся на северном берегу южной Америки в Колумбийской республике, воздвигается мощная радиостанция, которая дает сообщение с Науэном через Сайвиль.

Во Франции в 1903 г. на Эйфелевой башне в Париже устанавливается радиостанция для сношения с флотом, покрывающая круг радиуса 400 килом. В 1908 году мощность станции подымается настолько, что является возможность сношения с крейсерами у Казабланки на расстоянии 2100 кил. В 1909 году строение станции переносится под землю, энергия в антенне поднимается до 10-ти киловатт, и производится первая подача сигналов времени. В конце 1913 г. станция имеет в антенне около 50-ти киловатт с дальностью действия от 3000 до 5000 килом.

Англия, заинтересованная в своей связи с Канадой, строит станции в Полдью на юго-западном берегу Англии и Кап-Каде на восточном берегу С. Америки, немного севернее Нью-Йорка. Мощность этих станций оказывается недостаточной для взаимной связи, и в 1907 г. Маркони устанавливает трансатлантическую радиосвязь Клифден (Ирландия)—Гляс-Бэй (Ка-

нада) с первичной мощностью в 300 кв. и вступает в конкуренцию с кабельным телеграфом, соединяющим Англию с Новым Светом, устанавливая тариф в 7,5 пенсов за слово, тогда как при кабеле стоимость слова была 1 шиллинг. К началу войны станция в Клифдене дублируется Карнарвоном. Описанное строительство, примерно, по 1910—1912 год основывается на системах станций с затухающими колебаниями. Необходимость перекрытия больших расстояний и увеличения пропускной способности посредством перехода на быстродействующие аппараты от ручной работы телеграфиста ключем Морзе заставило радиотехнику искать новых систем, тем более, что описанные радиостанции при затухающих колебаниях имели предельную мощность, которую по техническим соображениям выше первичных 300-т киловатт поднять было невозможно. Применение вольтовой дуги, как генератора незатухающих колебаний, и динамо-машины высокой частоты дает возможность дальнейшего развития строительства мощных радиостанций. В настоящее время и та и другая система являются технически законченными и конкурирующими друг с другом. Опыт должен показать, за какой системой окажется будущее, во всяком случае уже сейчас можно указать на ряд преимуществ, которые имеет машина перед другой при постройке весьма мощных радиостанций.

В самое последнее время, а именно за последние два года, в практику входят так называемые катодные генераторы незатухающих колебаний, которые успешно конкурируют как с дугой, так и с машинной высокой частоты.

Соединенные Штаты Северной Америки первые выступили в радиостроительстве с широким применением дуги, впервые в 1912 г. для установления трансокеанских сообщений между С.-Франциско и Гонолулу. Развивавшаяся вслед за этим пан-американская сеть мощных радиостанций состоит из станций в С.-Франциско и С.-Дизго на берегу Тихого Океана, в Арлингтоне вблизи Вашингтона, в Гватемале, в Дариене на Панамском канале и Гвантанаме. Южная Америка имеет станции Пара в Бразилии и Буэнос-Айрес в Аргентине.

Перечисленные станции представляют собою лишь мощные дуговые районные станции от 100 до 300 киловатт первичных, не считая местных распределяющих станций, входящих в службу связи и общающихся с адресатом или непосредственно, или через проволочные линии.

Развитие динамостроения высокой частоты в Америке происходило на заводах Всеобщ. Эл. Комп. в Шкенектэди путем создания типа генератора, который давал бы непосредственно частоту тока, необходимую для излучения электромагнитной энергии антенной. В настоящее время означенный завод строит такие генераторы мощностью в 200 киловатт первичных, и таким генератором оборудована одна из мощных американских станций в Аннаполисе, около Вашингтона. На Нью Эйланде около Нью-Йорка выстроена сверхмощная станция для сношения с Европой и Южной Америкой, оборудованная шестью динамо высокой частоты по 200 к.

первичной мощности каждая, работающими на шесть лучевых антенн. Частота переменного тока означенных генераторов 20000 периодов в секунду. В Германии строительство мощных станций пошло по пути применения динамо высокой частоты. При этом наметилось два пути. Инж. Гольдшmidt предложил систему, дающую возможность, построив динамо на частоту, напр., в 7500 периодов в секунду, преобразовывать эту частоту до требуемой, напр., 30000 пер. в сек. в самой динамо. Станция по такому проекту была выстроена около 14 года в Эйльвезе вблизи Ганновера для связи с такой же станцией в Туккертоне, вблизи Нью-Йорка. Станция Эйльвезе имеет 160 киловатт в антенне при 200 амперах. Граф Арко на заводах Телефункена строит динамо также на пониженную частоту, повышая ее затем до требуемой постредством применения специальных трансформаторов частоты. Такая динамо установлена на Науэнской станции, которая в настоящее время имеет в сети 410 киловатт при 330 амперах и покрывает электромагнитной энергией всю поверхность земного шара, осуществляя тем самым прием на антиподе.

Кроме означенных двух станций, во время войны в Кенигвустергаузене была установлена станция, оборудованная ламповым передатчиком и хорошо известная всем радиотелеграфистам под инициалами LP. Во время войны во Франции была установлена дуговая станция в Лионе, которая ежедневно дает прессу для центральной Африки. В январе 1915 г. на Эйфелевой башне устанавливалась опытная машина высокой частоты, построенная по патенту Латура. Затем, такая машина была установлена в Лионе. В настоящее время в Лафайете, вблизи Бордо, выстроена станция, оборудованная двумя дуговыми генераторами по 1000 килов. первичной мощности каждый и при 500 киловаттах в антенне.

В самое последнее время в Сент-Асенсе, около Парижа, открыла действия мощная радиостанция, оборудованная динамомашинami высокой частоты, из которых две дают мощность в антенне по 250 киловатт каждая и две, дающих мощность в антенне по 500 киловатт. Рация имеет назначение сношаться с европейскими государствами и прочими континентами. Ее мощность, вероятно, также достаточна, чтобы давать связь с антиподом.

Увеличивая дальность действия радиостанции путем повышения мощности передатчика, радиотехника одновременно разрабатывала также и вопрос о том, какими способами можно повысить радиус действия передатчика путем увеличения силы приема, т.-е. усиления принимаемых радиотелеграфных сигналов. Эта задача была решена путем применения специальных усилительных ламп, которые дают возможность в многие тысячи раз увеличить силу приема. Результатом применения этих ламп, вошедших с 1914 года во всеобщее употребление, было возникновение специальной отрасли промышленности для удовлетворения создавшейся потребности, так как, помимо всего прочего, усилительные лампы находят и найдут себе применение во многих областях человеческого знания.

Возможность громадного усиления позволила осуществить прием радиосигналов не только на существующие радиосети, расположенные на высоких мачтах, далеко отстоящих друг от друга, но также и на маленькие рамки в несколько десятков витков проволоки.

Такая рамка в 1,5 метра в стороне с 80-ю витками при применении трех ламп, последовательно усиливающих радиосигналы, дает возможность в любой комнате принимать все европейские станции. В зимнее время на такую рамку принимаются даже американские станции. В Лионе на рамку в 25 см. диаметром с десятью усилительными лампами принимают из Америки Аннаполис.

Возможность применения таких ламп, как генераторов незатухающих колебаний высокой частоты, создала новую эру в проволочной телеграфии и телефонии. Такой генератор высокой частоты дает возможность многократного телеграфирования и телефонирования по одной проволочной линии и позволяет использовать для разговора линии электропередач высокого напряжения. Применение же усилителей в проволочных телефонных линиях дает возможность значительно увеличить их протяжение. Следует добавить, что усилители нашли себе широкое распространение в различных станциях подслушивания, в определении места нахождения подводных лодок, кабелей, несущих определенный ток и т. д.

Применение усилительных ламп, как генераторов незатухающих колебаний высокой частоты, позволило создать технические типы радиотелефонных станций. Общество Маркони выпускает такие радиотелефонные станции с дальностью действия в несколько сот миль. Одну из таких радиостанций, установленную в Пекине в Храме Неба, слышала Чита. Кроме того, неоднократно в литературе, которую удалось получить, указывалось на передачу концертов по радио и прием их на кораблях, идущих в море, на прием радиотелефонного разговора на громко говорящий телефон, который слушает толпа и т. д. Кенигсвустергаузенская станция весной 1921 года давала радиотелефонные концерты, которые прекрасно принимались у нас. Я не буду останавливаться на перечислении тех огромных успехов, которые достигнуты в этом отношении, указав, что в настоящее время радиотелефон вышел из стадии опыта и получает широкое практическое применение.

Обрисовав наиболее характерные черты радиостроительства за границей, я позволю себе остановиться на том, что делается и сделано у нас. Когда в 1897 г. морское ведомство отпустило А. С. Попову 1000 с чем-то рублей, Маркони основал в Англии компанию с капиталом в 1,5 миллиона рублей и в 1899—компанию в Америке с капиталом еще большим. Совершенно очевидно, что возможности были совершенно различные. Тем не менее, мастерская Попова в Кронштадте выпускала станции и, кроме того, он строил их в Париже с фирмой Дюкрете. Война 1904 года и ответственность за оборудование эскадры Рождественского, а также срочность этого оборудования заставили лиц, стоявших во главе дела, дать заказ в Герма-

нию. Я считаю, что этот заказ задержал надолго отечественное развитие радиотелеграфа. Лишь в 1907 году основываются Русское Акционерное Общество «Сименс» и Русское Общество беспроволочных телеграфов и телефонов (РОБТ и Т.), которые берут на себя оборудование армии и флота. РОБТ и Т строит станции в Бобруйске, Уржумске и Николаеве, Сименс оборудует дальневосточную радиосеть Читы, Харбина, Хабаровска, Владивостока и т. д.

В 1913 году Кронштадтская мастерская Попова возрождается в Гребном Порту в Петрограде в виде Радиотелеграфного Депо, быстро развившегося затем в Радиозавод Морведа, который к началу и во время войны выполнил большую задачу по переоборудованию Балтийского и Черноморского флота. РОБТ и Т строит в Москве и Петрограде мощные 300 киловаттные радиостанции, необходимые для связи с союзниками. В течение периода мировой войны радиостроительство выполняется целиком собственными силами. Организуется несколько более мелких заводов и в Москве. На заводе Дюфлон в Петрограде ставится производство специального динамостроения, при чем на этом заводе выдвигается В. П. Вологдин со своими проектами динамо высокой частоты, которые строятся и испытываются на Радиозаводе Морведа. Революция и последовавший промышленный упадок остановили развитие промышленной радиотехники, но инициатива осталась и хотя всякое массовое производство сделалось невозможным, но тем не менее продолжалась разработка, как отдельных вопросов, так и строительство передающих и приемных станций, план которого проводится в жизнь Комиссариатом Почт и Телеграфов.

В 1918 году организуется Нижегородская радиолaborатория, где М. А. Бонч-Бруевич ставит производство усилительных ламп и ламповых генераторов для радиотелефона.

Он же разрабатывает проект мощной радиофонной станции и ставит на Ходынке первые опыты, в результате которых радиофонная передача слышна как в России и Сибири, так и в Германии. В настоящее время радиотелефонная станция имени Коминтерна слышна не только в России, но в Берне, Берлине, Париже, Сербии и Юго-Славии. В. П. Вологдин переносит в Нижегород. радиолaborаторию постройку генераторов высокой частоты, где им строится динамо на 50 и 150 килов., при чем Компочтеlem организуется постройка трансатлантической станции, которая должна быть оборудована машинами В. П. Вологодина.

А. Т. Углов в казанской радиобазе конструирует беспроволочный телефон, который разрабатывается им в виде технически надежного аппарата. В. И. Баженов усовершенствует свою ориентированную приемную станцию⁴⁾, и его система применяется в Люберцах для постройки. Таким образом, если мы отстали от «заграницы» в смысле промышленности и

4) Радиостанции, принимающие телеграммы одновременно с нескольких направлений.

производства, то, несмотря на полную изолированность от науки и литературы, мы оказались в силах творить и проводить в жизнь, конкретно воплощая свои идеи. На это следует обратить серьезное внимание, т. к., если электрификация дает жизнь фабрикам и заводам, то радиофикация дает определенный темп этой жизни, пример чему мы видим у своих соседей.

Гр. Осипов.

ПО ЕВРОПЕ.

(Международное обозрение).

I.

Рур и Ближний Восток, эти две проблемы концентрируют на себе к настоящему времени все внимание политически-мыслящей Европы.

Обе эти проблемы теснейшим образом связаны одна с другой. Оккупация Рура не имела бы, может быть, места, если бы не определенным образом сложившиеся взаимоотношения между державами в области вопросов ближне-восточной политики. События на Ближнем Востоке, возможно, являли бы иную, чем сейчас, картину, если бы империалистической политике французского национального блока не нужна была оккупация Рура. Англия и Франция, взаимоотношения между которыми, в конечном счете, являются решающим фактором нынешнего международного положения в Европе, руководствуются в данном случае мудрым правилом лавочников и торгашей: рука руку моет. Моссульская нефть и прочие ближне-восточные блага ценою оккупации Рура—такова программа английского империализма в его отношениях с Францией. Империализм французский лишь соответственным образом переставляет слова Моссул и Рур. И, кто знает, может быть, на основе этой удобной, пор-

тативной программы так и вершились бы „мирно и спокойно“ политические судьбы Европы, если бы только программа это исчерпывала задач, поставленных перед каждым из государств на очередь историей, и не заключала бы сама в себе определенного противоречия.

Если бы...

Но разберемся во всем этом по порядку.

Четыре месяца прошло уже с тех пор, как штыки генерала Де-Гутта заблестели в рурских шахтах и на заводах, а до сих пор Франция ни на один шаг не приблизилась еще к решению той задачи, какую она себе поставила, задумав оккупацию богатейшего промышленного центра Германии. Если формально оккупация была начата под предлогом не выполненных Германией своих обязательств перед Францией в репарационных поставках угля, то ведь ни для кого не тайна, что в настоящее время, после оккупации, Франция получает неизмеримо меньшее количество угля из Германии, чем до оккупации. Если, с другой стороны, правительство национального блока мыслило себе оккупацию, как средство давления на несговорчивых германских промышленников, все еще настаивающих на своем преобладании в будущем франко-

германском комбинате из рурского угля и лотарингской руды и систематически уклоняющихся, несмотря на все лозунги так называемой „политики выполнения“, от уплаты по французским репарационным счетам, то и здесь оккупация Рура ничего реального пока Франции не дала. Если, наконец, Пуанкаре рассчитывал на оккупацию Рура, как на первый шаг по пути осуществления давнишних мечтаний французского империализма — присоединения к Франции левого берега Рейна, то и в этом отношении нельзя сказать, чтобы затея его вышла особенно удачной: не трудно понять, что для осуществления этой идеи никаких реальных условий не существует.

И, тем не менее, Пуанкаре не сдается. Наоборот, в последних своих речах в Дюнкирхене и Вуа де-Мез он с особой настойчивостью подчеркивает, что оккупация будет продолжена до тех пор, пока Германия не будет поставлена на колени. Очевидно, материальный ущерб, нанесенный Франции оккупацией Рура, Пуанкаре ни мало не волнует: он все еще надеется, что будущее возместит эти расходы сторипей и позволит Франции закрепить свое владычество над рурским углем. Для того, чтобы понять эту смелость (может быть — отчаяние?) Пуанкаре, необходимо остановиться на англо-французских взаимоотношениях, на той позиции, которая занята в вопросе об оккупации Англией, формально — союзницей, а по существу — соперником Франции. Не может быть двух мнений: менее всего Англии может быть выгодно дальнейшее экономическое разорение Германии — ее главного покупателя. Восстановление германской промышленности и оживление англо-германских коммерческих сношений есть основной лозунг английского промышленного либерализма, который, как будто, снова

возвращается в Англии к власти. Но когда те же либералы говорят, что главной задачей английской политики должно являться сохранение Антанты, они, несмотря на все это, не лгут, а говорят чистейшую правду. Ибо союз с Францией, как бы ни был он по существу ничтожен и бессодержателен, страхует Англию от целого ряда лишних затруднений в ее международной политике и позволяет ей выгодно играть на противоречиях между интересами обеих стран, по правилу: преимущество в какой-либо одной области, ценою уступок в другой. Как бы сильно ни связывал Англию союз с Францией, последняя ей все же очень и очень нужна, а потому вполне естественным представляется нам факт невмешательства Англии в рурский конфликт в противовес всем ожиданиям германской промышленной буржуазии. Английские политики рассуждают, примерно, так: конечно, разорить Германию нам невыгодно, но ссориться с Францией нам из-за этого еще не резон. Это невмешательство, „доброжелательный нейтралитет“, и позволяет Пуанкаре продолжать свою линию, от чего политика его, конечно, не становится еще более успешной.

Но если Англия не препятствует Франции открыто осуществлять свою аннексионистскую программу, то это еще не значит, что она ничего не делает для этого закулисным путем. Англия всегда стремилась к тому, чтобы занять положение арбитра между Германией и Францией. В ее интересах помирить обе страны, однако, под условием, что обе они будут в дальнейшем слушаться ее в важнейших политических вопросах. К тому же Англия стремится и сейчас. Последняя речь Керзона, наделавшая столько шуму во Франции и в особенности в Германии, чрезвычайно характерна в этом отношении. Керзон не сказал почти ни

одного нового слова, не сделал никаких конкретных предложений, потому что у сохраняющей „благожелательный нейтралитет“ Англии таких предложений быть не может. Тем не менее, речь его содержит ряд намеков, за которые политические круги Европы ухватились с необычайной жадностью. И понятно почему. В этой речи Керзон, во-первых, дал понять Франции, что последняя имеет еще возможность сговориться с Англией по вопросу о репарациях и междусоюзных долгах, несмотря на чуть ли не окончательный разрыв, которым окончилась союзническая конференция в Париже в начале января этого года, когда Франция решительно отвергла репарационный план Бонар Лоу. Вместе с тем, Керзон сказал несколько ободряющих слов по адресу Германии, предлагая последней выступить с новыми предложениями в области репараций, очевидно намекая, что он, Керзон, эти предложения будет поддерживать перед Францией. В Германии рассматривают эти намеки—весьма неопределенные в сущности—как якорь спасения. Особенно отличаются в этом отношении социал-демократы, которые с самого начала оккупации сочли за благо притвориться, будто истинный смысл оккупации им не понятен. Социал-демократы, вместе с либеральной буржуазией, настойчиво требуют от правительства Куно проявления инициативы в ответ на речь Керзона, угрожая в противном случае министерским кризисом. Иными словами—Германии нужен какой-либо выход: она давно уже ищет предлога для возобновления переговоров с Францией; ныне этот предлог ею найден в виде указаний Керзона. В момент, когда пишутся эти строки, окончательное решение германского правительства в связи с речью Керзона еще неизвестно, однако, вполне вероятным представляется нам, что правительство Куно

выразит готовность пойти на мировую, и бесконечный торг снова возобновится. Но будет ли торг этот успешнее, чем раньше—это, конечно, еще большой вопрос. Ведь ясно, что назвать такую сумму репараций, которая могла бы успокоить Францию, Германия не сумеет, несмотря даже на покровительство Англии, а при всяком ином положении Пуанкаре вряд ли согласится прервать оккупацию, хотя и не давшую ему еще ничего практически, но позволяющую ему в силу причин, выше указанных, чувствовать себя господином положения в Европе.

II.

Но каковы те компенсации, на которые могла бы Англия рассчитывать со стороны Франции в обмен на попустительство в вопросе об оккупации Рура?

До самого последнего времени вопрос этот решался чрезвычайно просто: Франция шла на поводу у Англии в ближне-восточной политике. Это необычайно ясно сказалось во время первого периода Лозаннской конференции, закончившегося в феврале, когда Франция не только целиком проводила английскую точку зрения в ущерб собственным интересам, но еще и приняла на себя всю формальную ответственность за разрыв конференции, благодаря чрезвычайно искусственному дипломатическому трюку Керзона. Но в настоящее время положение сильно осложнилось. 22-го апреля, после продолжительных предварительных переговоров, Лозаннская конференция между союзниками и турками возобновилась; однако, при совершенно отличном отношении сил. Не может быть сомнений, что на конференции этой арбитром будет не Англия, а Америка. И вот почему.

Накануне возобновления Лозаннской конференции Ангорское Национальное Собрание ратифицировало

концессию, представляемую им крупному американскому обществу Честера. Концессия эта по своему содержанию настолько широка, что весь капиталистический мир затряса от зависти и жадности, когда узнал о ратификации. Компания Честера получает по этому договору право на постройку в Анатолии новых железных дорог, и одновременно на эксплуатацию природных богатств Турции на протяжении 20 километров по обе стороны железнодорожных линий, ею сооружаемых. Однако, важнее всего, что компания эта, по слухам, достаточно достоверным, получает также право на эксплуатацию моссульской нефти—т. е. захватывает как раз то богатство, к которому столь жадно и упорно стремится Англия, за обладание которым она отдала на убийство стольких своих граждан в период 1914—1918 гг. Если это действительно так, если Честер становится монопольным хозяином чуть ли не всего турецкого народного хозяйства, то ясно становится, что одной комбинацией: Рур за Мосул и обратно—теперь уже ничего существенного не добьешься. Положение становится существенно сложнее. Нужны новые методы, в поисках которых и мечутся теперь как Англия, так и Франция.

Надо думать, что молодое турецкое правительство, решаясь на такую, рискованную, в сущности, концессию, какова концессия Честера, прежде всего имело в виду ее политическое значение в виду возобновляющейся Лозаннской конференции И в этом оно, конечно, не ошиблось. Франция уже заявила формальный протест турецкому правительству против концессии, напоминая последнему, что подобная же концессия на постройку железных дорог в Малой Азии в свое время была получена от старого турецкого правительства французскими промышленниками, в обмен за заем в

5.000.000 франков, предоставленный Турции Францией. Англия тоже пытается протестовать против отдачи концессии на нефтяные источники, расположенные на территории, формально находящейся под ее управлением. Но протесты эти, конечно, мало помогают делу. Первые сведения, полученные нами из Лозанны, о возобновившейся конференции показывают, что вопрос о концессии Честера стал вопросом центральным, который обойти невозможно. Таким образом, и здесь предстоит снова торг, торг длительный и упорный, результаты которого предвидеть, конечно, невозможно. Само собою разумеется, что каждая из сторон будет изобретать различные комбинации, с помощью которых можно было бы восстановить нарушенное концессией Честера равновесие интересов. Но ясно одно: последнее слово во всех этих комбинациях будет принадлежать все-таки американскому золотому мешку, ибо одного слова нью-йоркской биржи достаточно для того, чтобы не только Франция, но и Англия вняли требованиям и предписаниям доллара.

Но каково же положение самой Турции?

Ясное дело: концессия Честера оказывает ей несомненную политическую услугу. Она дает ей возможность противостоять непосредственной опасности со стороны Англии и Франции. Турции всего важнее в настоящий момент оградить свой формальный суверенитет и свою независимость. Американцы же на турецкую независимость внешне не покушаются: в этом отношении они умнее союзников. Вместе с тем, однако, ратификация этой концессии ангорским правительством есть факт несомненно рискованный, ибо здесь нужна сугубая осторожность для того, чтобы концессия эта не дала Америки власти больше, чем это

может быть возможно для Турции. Ведь не надо забывать, что интересы Америки ни в каком отношении с интересами Турции не совпадают. Америка будет поддерживать Турцию против Антанты лишь до тех пор, пока она сама с Антантой так или иначе не сговорится, — а последняя возможность вовсе не исключена. Отсюда ясно, что помощью Америки можно пользоваться лишь с оглядкой. Америка — не Советская Россия, интересы которой лежат в одной плоскости с интересами Турции и которая одна только и могла бы явиться истинной защитницей молодой Турции, что она и доказала уже на деле хотя бы во время Лозаннской конференции первого созыва. Но на вторую сессию конференции Россия пока не приглашена. Не знаем, будет ли она приглашена позднее. В настоящее время за границей, особенно в Англии, против России ведется новая кампания лжи и клеветы, предоставляющая державам Антанты удобный повод для того, чтобы замаскировать вопрос о значении России в ближневосточном вопросе. Значение это, однако от этого меньше не становится. В нем так же трудно сомневаться, как и в том, что без участия России ни один из вопросов ближневосточной политики длительного и прочного разрешения ни в коем случае не получит. С этой точки зрения начавшаяся вновь Лозаннская конференция подлежит совершенно особой оценке, смысл которой ясен и без дальнейших пояснений: господа капиталисты могут торговаться сколько им вздумается, в нужный момент Россия все равно встанет на защиту своих кровных интересов, тем самым защищая и молодую Турцию — ближневосточный барьер против западного империализма.

III.

Вне этого центрального европейского политического котла, вмеща-

ющего в себе рурский и ближневосточный конфликты наиболее интересными за последнее время представляются нам события в Восточной Европе. Вслед за мемельским форсом, столь блестяще разыгранным под дирижерскую палочку Парижа, та же Франция затеяла новую авантюру — в восточной Галиции. Постановлением так наз. „конференции послов“ — учреждения, выполняющего совершенно непонятные функции и по структуре своей представляющего верх политической нелепости — восточная Галиция признана составной частью Польши, обязующейся лишь провести в этой чуждой ей политической и этнически области национальную автономию. Постановление это есть беспримерный в истории акт политического мракобесия, позорнейшая страница в истории после версальской истории господ победителей. В самом деле, можно ли придумать что-нибудь более нелепое и политически вредное, чем передача в XX веке территории, населенной анти-польски частростными украинцами под власть Польши, в виде награды за услуги, которые последняя оказывала французским империалистам против Германии и России. Не может быть никаких сомнений в том, что Польше от этого подарочка не поздоровится. „Польша получила свою Ирландию“ — так формулируют создавшееся положение националистические украинские лидеры. Это значит, что между украинским населением Галиции и правящей Польшей начинается борьба не на жизнь, а на смерть. Украинские националисты отдадут себе ясный отчет в том, что их ожидает. Ссылаясь на протесты России и Украины против передачи Галиции Польше, они заявляют, что в борьбе своей они одиноки не будут. Они понимают, что Польше самой же придется пожалеть рано или поздно о том, что она так упорно доби-

ПРОЛЕТАРИИ

ВСЕХ

РКП

СТЕРЖЕНЬ

РЕВОЛЮЦИИ

ОТРАД

СОЕДИНИТЕЛЬ

Сергей Сенькин. 1921 г. Проект объемного знамени для райкома.

К статье Б. Арватова.

валаась аннексии восточной Галиции.

Но известно ведь, что аппетит приходит с едой. Польскому правительству воинствующих шляхтичей мало восточной Галиции. Ему мало того, что восточно-галицийский вопрос грозит ему рядом осложнений в отношениях не только с Украиной и Россией, но и с Чехо-Словакией, а отсюда — с Малой Антантой. Нет, одновременно тревожные симптомы появляются и в Верхней Селезии, где знаменитый вождь так наз. „польских инсургентов“, аннулировавший результаты верхне-селезского плебесцита — Корфанти — замышляет какую-то новую анти-германскую авантюру. Целый ряд признаков показывает, что милитаристская клика правящей Польши вновь зашевелилась, что старые заветы играющего в бонапартизм пана Пильсудского в Польше еще не забыты. Милитаристское волнение, охватившее Польшу, лучше всего иллюстрируется приготовлениями к встрече приезжающих в Варшаву представителей французского империализма — генералов Фоша и Вейгана. Возможно, что Франция вновь хочет дать какое-либо кровавое поручение наймитам из среды польской военщины. Во всяком случае международному пролетариату приходится держать ухо востро.

IV.

О роли международного пролетариата в нынешнем международном политическом положении нужно сказать и многое другое. Как мы видели выше, политический горизонт к настоящему времени достаточно мрачен. Пороху много, и достаточно небольшой искры, чтобы Европа снова воспламенилась. Порох этот разбросан и по рурским шахтам, и по дипломатическому столу в Лозанне, и, наконец, в восточной Европе. Здесь его больше всего. И нужна особая бдительность, крайняя осторожность, чтобы это возможное столкновение

предотвратить. Некто иной, кроме международного пролетариата, этого сделать не может. А потому все надежды должны быть направлены исключительно в эту сторону.

Но что сделано до сих пор?

Нужно сознаться: очень немного.

Правда, мы имеем Эссенскую и Франкфуртскую коммунистические конференции. Конференции эти объединили все, что есть подлинно революционного в Европе. На них присутствовали не только члены коммунистических партий России и Запада, но также представители широких революционных рабочих масс. Эти две конференции есть некоторый прообраз будущего дружного, сплоченного пролетарского сопротивления капиталистическим кровавым авангардам. Но только прообраз. Ибо громаднейшие кадры рабочих масс пребывают до сих пор в апатии, в которую они впали под ударами наступающего капитала, или же втянуты в оппортунистическую, предательскую политику Второго и Амстердамского Интернационалов. Деятельность этих последних со времени оккупации Рура носит столь откровенно-предательский характер, что возлагать какие-либо надежды на них было бы не только смешно, но и преступно. Наоборот, сейчас более, чем когда-либо необходима ожесточенная борьба с этим мелко-травчатый соглашательством, с этим бессилием перед лицом воинствующего капитализма. Борьба эта возглавляется Коминтерном на базе провозглашенной им идеи единого пролетарского фронта. Идея единого фронта делает, несомненно, большие успехи. Но их все еще далеко недостаточно. Лидеры Второго Интернационала и Амстердама сплошь и рядом добиваются срыва этого фронта, ставя рабочие массы в самое невыгодное положение.

Рабочие массы принуждены ныне, силою обстоятельств, приучаться к борьбе. В предвидении крупных

международных боев им приходится пока-что пробовать свои силы у себя дома. Для такой борьбы—ежедневно возникает целый ряд поводов, острых и насущных. Но оппортунисты прилагают все усилия к тому, чтобы борьбу эту предотвратить, путем компромиссов с буржуазией, конечно, клонящихся не к пользе рабочего класса. Типичным в этом отношении является положение в Англии. Ознакомление с ним поможет нам уяснить себе и общую картину нынешней фазы борьбы труда с капиталом.

Англия в настоящее время охвачена целым рядом конфликтов, как экономических, так и социально-политических. Народное хозяйство в Англии находится в столь хаотическом положении, что восстановление его возможно только путем победы капитала над трудом—или наоборот. Английские капиталисты и устремляются по этой линии наименьшего сопротивления, становясь на путь систематического сокращения заработной платы, а в последнее время—и увеличения рабочего времени. За последнее время в Англии прошла забастовка сельских рабочих, чуть-было не разразился локаут строительных рабочих, наметился конфликт на железных дорогах, перманентной угрозой маячит конфликт в угольной промышленности и т. п. Все эти конфликты, при умелом руководстве ими со стороны рабочих, дали бы последним крупную политическую победу. Такой победы, напр., определенно можно было ожидать в строительной промышленности, где дружное сопротивление поползновениям капиталистов, на путь которого первоначально стали массы, в короткий срок, в результате одних только переговоров, заставило предпринимателей пойти на чрезвычайно существенные уступки. Еще более крупное значение имела забастовка сельских рабочих, на-днях только закончившаяся стараниями

профессионального соглашателя Макдональда. Значение этой забастовки потому велико, что она была, между прочим, следствием намечающейся распри между отдельными фракциями английской буржуазии, объединенной в консервативную партию, стоящую ныне у власти. Партия эта объединяет представителей крупной промышленности и крупного землевладения. Развал сельского хозяйства привел к тому, что землевладельцы стали в оппозицию к промышленникам и таким образом открыли дорогу правительственному кризису. В случае, если бы кризис этот действительно наступил, рабочая партия, достигшая в последнее время столь крупных политических и парламентских успехов, имела бы весьма много шансов на пришествие к власти. Задача парламентской фракции рабочей партии, таким образом, сводилась к тому, чтобы всеми возможными средствами обострить этот конфликт между фракциями консервативной партии, для чего надо было бы во что бы то ни стало продолжать сельско-хозяйственную забастовку. Но что сделала рабочая партия в действительности? Как раз обратное. Она приложила поистине невероятные усилия к тому, чтобы забастовку эту возможно быстрее ликвидировать, выторговав у фермеров лишний шиллинг в неделю для рабочих. Мало того. Когда положение консервативного правительства уже совершенно явственно пошатнулось, вследствие того, что при одном из голосований в парламенте, за правительство было подано меньшинство голосов, то лидер парламентской фракции рабочей партии и всей парламентской оппозиции, Макдональд, вместо того, чтобы настаивать на отставке правительства, заверил нынешнего премьера Бонар-Лоу в том, что рабочая партия не хочет „дурно пользоваться своим тактическим преимуществом над правительством“. Между тем, момент

упущен. Забастовка сельских рабочих кончилась; строители, благодаря стараниям того же Макдональда спасовали; углекопы, руководимые другим отъявленнейшим прислужником буржуазии—Ходжесом, молчат, и борьбы начинать не решаются, а консерваторы, в целях спасения буржуазной власти сговариваются за кулисами с умеренными либеральными кругами, с целью возродить правительство в стиле Ллойд-Джорджа и, таким образом, создать единый фронт против растущей социалистической опасности.

Этот эпизод из политической жизни Англии за последние недели

чрезвычайно поучителен. Он воочию показывает, сколько теряет рабочий класс в результате своего доверия так-наз. „вождям“. В международном масштабе—такое слепое доверие еще более опасно, разумеется. И потому все старания истинно-революционных сил должны быть направлены к тому, чтобы вырвать власть над рабочим классом из рук кучки прожженных политиканов, и готовить пролетариат к решительным боям с международной буржуазией, час гибели которой, судя по напряженности нынешней политической ситуации, повидимому не так далек.

Б. АРВАТОВ.

О Р Г А Н И З А Ц И Я Р Е В О Л Ю Ц И О Н Н О Г О П Р А З Д Н И К А.

I.

Основной чертой всех наших революционных празднеств была их слабая организованность, отражавшаяся особенно резко на художественной стороне дела.

Полное отсутствие единого плана, даже точек зрения приводило к тому, что вещественное оформление празднеств ставилось в зависимость от случайного распределения сил, от субъективных вкусов, от буржуазной традиции.

Большей частью художественная организация определялась интересами и воззрениями той художественной группы, которой поручалась работа. В результате оказывалась нелепейшая мешанина: один район украшался по левому, другой—по правому, третий—«комбинировал» оба метода и т. п.

Но еще хуже было то, что в основе «украшений» лежали не социальные принципы, а принципы чисто-эстетические. Благодаря этому и левые и правые одинаково внешне, «казенно» «примазывались» к празднеству. Праздник эстетизировали на разные лады, прилепляли к зданиям картинки или полотнища, устраивали «красивые» декорации,—торжествовала форма ради формы, безразлично, правая или левая. И то и другое было неорганичным, социально-индифферентным, существующим не для конкретного действия, а для «любования».

Пролетарские праздники должны порвать с этим буржуазным „прикладничеством“, с шаблонами „чистого“ искусства. В основе вещественного, да и всякого другого оформления пролетарских праздников должна лежать классово-целевая, утилитарная установка.

Утилитарность художественного творчества может быть двойного рода: агит-утилитарность и производственная утилитарность.

Соответственно распределяются и области вещественного оформления празднеств.

Что касается первой области (агитоформления), то она опять-таки имеет две стороны: 1) борьба с буржуазным бытом (всякий праздник есть выход за пределы обычного, а для современного пролетариата—за пределы буржуазного быта) и 2) идеологическая пропаганда.

НАДО использовать наши революционные праздники для того, чтобы делом, поступками, демонстрацией новых форм **ГРОМИТЬ** формы буржуазного быта, дисквалифицировать их,—свергнуть с пьедесталов благоговейного фетишизации все эти греческие колонночки, «модные» туалеты, уличные украшения, охраняемые «древности» и т. п. Такова диалектическая сторона вопроса.

ЦЕНТР ВНИМАНИЯ все же следует перенести в сферу вещественной пропаганды.

Плакат, реклама цветовая и световая, кино, прожекторы, оформление агитзрелищ, постройка трибун и стадионов, надписи, лозунги, агит-транспорт (автомобили, трамваи, аэропланы, автобусы, пароходы, лодки, велосипеды, мотоциклы, планеры, аэростаты, привязные шары), проекционные фонари, движущиеся плакаты, сигнальные значки,— все, что входит в праздничное действие органически, как его составная и нераздельная часть,—это и только это должен оформлять художник.

Сюда же входит организация агитразвлечений: карикатуры, театральные костюмы, маски, чучела и пр.; групповые эмблемы,—знамена, профессиональные гербы, производственные плакат-продукты и пр.; организация пространства: временные стройки, указательные столбы, киоски и т. д.

Здания и улицы могут быть затронуты таким агитоформлением постольку, поскольку то или иное здание, благодаря функции своего коллектива связывается с празднеством: демонстрации перед зданием Совета, спортивное состязание на площади и т. д.

Существенная сторона дела заключается в самом методе агитоформления. Плакаты бывают разные так же, как и киоски, знамена или трибуны.

Два принципа следует положить здесь в основу: 1) **использование максимально высокой техники** (печатный плакат, машина, радио и пр.), 2) **конструктивную организацию материала** (производственные знамена, «удобные» киоски).

Идея социальной и технической целесообразности должна красной нитью проходить сквозь всю организацию празднества. Ничего лишнего ничего созерцательно - эстетического. **ПРОПАГАНДА НОВОЙ КОЛЛЕКТИВНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. ПРОПАГАНДА СЛОВОМ И ДЕЛОМ.**

II.

Труднее обстоит с задачами производственного оформления. И сейчас и долгое время в будущем нельзя будет и помышлять о больших, широких планах в этой области: слишком бедна еще республика, слишком ничтожны материальные и денежные средства, отпускаемые на организацию празднеств.

Тем не менее, как мне кажется, и тут можно кое-что сделать.

Во-первых, художественной „нормализации“ можно, хотя бы частично, хотя бы для «образца», подчинить костюм. Было бы очень полезно превратить праздники в живые выставки проз -, спорт - и гигиен - одежды.

Ведь фактически мы уже имеем это в военных парадах с той лишь разницей, что в армии преследуется, к сожалению, цель внешнего эффекта.

Затем, «выставочный» характер праздников можно было бы развернуть и шире: устраивать показательные демонстрации продуктов производства, художественной промышленности и т. п. Кое-что в этом направлении было сделано в последнюю октябрьскую годовщину.

Поскольку постоянные постройки массового масштаба являются для нашего времени безусловной утопией, постольку тут надо ограничиться единичными опытами.

Касаться эти опыты могут двух сфер: 1) организации природы, 2) организации материального быта.

Надо приурочивать к каждому празднику особое «строительное событие».

Так, например, 1-е мая было бы целесообразным связать с устройством какого-нибудь парка или канала; любой праздник можно «ознаменовать» открытием трамвайной линии, аэродрома, рабочего дворца, радиостанции и т. д.

Вместо индивидуально - портретных памятников, этого культурного наследия буржуазии, надо создавать социально-целесообразные «памятники» — здания, улицы и пр., строить формы, которые были бы и нужны практически, и пересоздавали бы современность.

Будущее, — вот единственный лозунг пролетарского праздника.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

ЭРНСТ ТРЕЛЬЧ.

(НЕКРОЛОГ)

Тридцать первого января нынешнего года скончался один из замечательнейших представителей немецкой науки—Эрнст Трельч.

Помнится, после смерти академика Шахматова кто-то из наших академиков перечислял, какие огромные потери понесла наука в России в тяжелые годы гражданской войны.

Естественно, что ученые, имеющие крупные заслуги—в большинстве случаев люди пожилые, не совсем здоровые и со сложившимися привычками, вследствие чего ухудшение общественного быта в результате социальных потрясений всегда тяжело отзывается на первых шеренгах науки. Знаменитый богослов Гарнак в своей прочувствованной речи над гробом Трельча сказал между прочим, что берлинский университет за эти два года потерял 24 ординарных профессора, а берлинская академия наук ровно четвертую часть своих членов, а именно пятнадцать человек. Никогда еще, по словам Гарнака, не переживала Германия лет, столь опустошительных для науки.

Потерять Трельча для германской науки так же тяжело, как потерять Рентгена, смерть которого оплакивал с нею весь мир. Рентген, научная величина, быть может, более бесспорная, был, по крайней мере, значительно старше. Эрнст Трельч умер 56 лет, в разгаре деятельности и планов.

Шваб по рождению, он был студентом богословского факультета сначала в Эрлангене, а потом в Геттингене, где его главным учителем был знаменитый богослов Альбрехт Ричль. Вскоре по окончании университета Трельч стал читать лекции в Геттингене же, затем в Бонне. В Гейдельберге он занял кафедру догматики.

Гарнак, сам богослов, приобретший мировую известность как историк христианства, говорит, однако, что богословский факультет вообще и кафедра догматики в частности привлекают обыкновенно мало внимания со стороны студентов. Но Трельч был совсем особенный богослов. Его всеобъемлющая, можно сказать, начитанность, его ни с кем несравнимое профессорское красноречие, глубокая прогрессивность и исключительная научность его лекций—все это делало его любимым профессором, и его аудитория была всегда переполнена студентами всех факультетов.

Постепенно, теряя связь с богословием, вернее—с христианством, откровенно высказавшись—как философ—в пользу широкого натуралистически понимаемого пантеизма, Трельч предпочел перейти на философский факультет и с 1915 года занял кафедру философии в Берлинском университете.

Кроме исключительной по значительности и блеску профессорской деятельности, Трельч развернул и широкую научно-литературную работу. Его перу принадлежат: раннее и еще действительно богословское сочинение: „Абсолютность христианства в истории религий“, замечательное сочинение—„Значение протестантизма для возникновения современных культур“, затем—„Отделение церкви от государства“ и, наконец, сочинение, заслужившее ему мировую известность: „Социальные учения христианских церквей“.

Чрезвычайно самостоятельный в своих изысканиях, чем дальше, тем больше историк, а не богослов, или вернее—философ-социолог,—Трельч испытал на себе несколько влияний, оставаясь в общем верным некоторым главным традициям Гегеля. Из старых философов могучее влияние имели на него Кант и отчасти Шлейермахер, из новых Дильтей.

Уже отношение Трельча к Дильтею, этому безусловно глубочайшему и наиболее живому философу современной Германии, было чрезвычайно своеобразно. Трельч, так сказать, страдал Дильтеем. Он полемизировал с ним, отгораживался от него и, в конце-концов, чрезвычайно близко подошел во многом к нему. Приблизительно такое же своеобразное отношение было у Дильтея к блестящему его другу-сопернику по

Гейдельбергскому университету — Макс Веберу. Макс Вебер чрезвычайно близко подошел к марксизму в своих экономических и особенно исторических исследованиях. В своем блестящем и полном исключительной эрудиции труде— „Экономические начала в религиозной морали“— Вебер отмежевывается от Маркса, но в сущности почти не переступает тех границ в признании обратного воздействия надстроек на экономину, которые допускает Энгельс. Вместе с тем, Вебер был совершенно чужд какой бы то ни было религии и в исследования свои вносил максимум возможного для буржуазного ученого беспристрастия. **Его труды, особенно в области истории религии, не могут быть обойдены ни одним марксистским ученым.**

Трельч, сохранявший еще кое-какие богословские уклоны, страстно боролся с влиянием Вебера и вместе с тем настолько подпал ему и к такой выгоде для себя, что и **его главный труд поражает своей свежестью и огромной данью свету марксизма**, совершенно неожиданной в человеке, которым, повидимому по недоразумению, все еще склонно гордиться немецкое богословие.

Последней работой Трельча, еще не изданной, является его труд „Историзм“. Этот труд, как сообщает Гарнак, заканчивается такой фразой: „Идея строительства заключается в том, чтобы мы, поправ историю историей, расчищали себе новую арену для творчества.“

Надо отметить, что Трельч, в отличие от Вебера, был натурой активной и глубоко интересовался политикой. Конечно, сделаться коммунистом, или даже социалистом, этот заслуженный профессор богословия не мог, но в дни германской революции он почитал своим долгом вступить в демократическую партию, выставив свою кандидатуру в учредительное собрание, был туда выбран, произнес там несколько, по обыкновению, красноречивейших речей в защиту республики и вошел в первое демократическое министерство в качестве одного из помощников министра народного просвещения.

Множество планов было в голове еще вполне крепкого ученого. **Либеральная часть английской науки, желая вновь сблизиться с наукой немецкой, одним из актов такого сближения сочла приглашение Эрнста Трельча**

в Оксфордский университет для прочтения там курса лекций. Это радовало Трельча, который был европейцем и всегда чуждался шовинизма. Еще на одре болезни он любил обсуждать эти свои будущие лекции. Но болезнь не позволила встать блестящему ученому с одра и, в то время, как все надеялись на скорое выздоровление, внезапное ухудшение унесло его.

Печально читать, что часть либеральной прессы в Германии, справедливо превознося заслуги покойного, считает, что опустевшую после него кафедру должен занять, как достойный заместитель, столь модный в настоящее время Шпенглер.

Как ни далек был от нас и от нашей марксистской науки Трельч некоторыми остатками богословских навыков, сильным налетом идеализма и т. д., все же в нем мы не могли не признавать одного из тех буржуазных ученых, которые—вследствие огромной даровитости, работоспособности и внутренней честности—**даже в цепях своих предрассудков могли двигаться вперед и двигать вперед науку.**

Это похоже на то, что остроумно сказал Гейне о Рубенсе: „Сто кило голландского сыру было привешено к его ногам, но на крыльях своего гения он все же подымался к солнцу“.

Печально, если современная Германия не может выставить на смену Трельча никого другого, кроме узорного декадента и глубокого реакционера—Шпенглера.

Н

А. Н. БАХ.

Т

ФИЛОСОФИЯ БЕРГСОНА И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

(Продолжение).

А

Е

У

Х

К

Н

Если жизнь и, может быть, вселенная произошли от сознания вообще, то у нашего индивидуального сознания должно быть нечто общее и с жизнью, и с вселенной. Чтобы определить это общее, Бергсон углубляется в свое собственное сознание и пытается найти то, что составляет его сущность. В результате исследования оказалось, что сущность сознания, его содержание, его ткань (étouffe) составляет длительность, которая в изложении Бергсона сопровождается одним из следующих прилагательных: истинная (vraie), настоящая (véritable), действительная (effective), реальная (réelle), конкретная (concrète), чистая (pure), текучая (qui coule). В чем заключается эта длительность?

А

И

И

К

А

Единственное, что мы с достоверностью знаем—каждый про себя,—и в чем ошибки быть не может, это то, что мы существуем. Что значит существовать? Переходить из одного душевного состояния в другое. Через наше сознание проходят, непрерывно сменяясь, ощущение, чувство, желание, представление, которые дают окраску существованию. Следовательно, мы находимся в состоянии непрерывного изменения. Это изменение обуславливается не переходом из одного душевного состояния в другое, потому что такого перехода в действительности нет. Когда мы говорим о душевном состоянии, мы как будто предполагаем, что оно остается неизменным, пока мы его переживаем. Но при некотором внимании не трудно убедиться, что наше малейшее ощущение, хотение или представление изменяются в каждое

мгновение. По привычке мы не обращаем внимания на это непрерывное изменение и отмечаем его только тогда, когда оно становится достаточно значительным, чтобы заставить нас переменить положение нашего тела или дать нашему вниманию иное направление. В этот самый момент мы находим, что наше душевное состояние изменилось: кончилось одно, началось другое. На самом же деле мы изменяемся непрерывно, и само душевное состояние есть уже изменение. Поэтому нет существенной разницы между переходом из одного состояния в другое и пребыванием в одном и том же состоянии. Кажущаяся прерывность нашей психической жизни обуславливается тем, что наше внимание останавливается на ней в ряде прерывных процессов: следуя ломаной линии действия нашего сознания, мы видим лестницу со вполне определенными ступенями там, где имеется только отлогий уклон.

Разбив искусственно нашу психическую жизнь на ряд отдельных состояний, мы вынуждены прибегнуть к искусственной связи, чтобы вновь объединить их. Эта связь и есть наше „я“, аморфное, безразличное, неизменное, на которое нанизываются наши душевные состояния, как бусы нанизываются на нитку. Но „если бы наше существование слагалось из ряда отдельных душевных состояний, которые безразличное „я“ должно было бы синтезировать, у нас не было бы длительности. Ибо „я“, не изменяющееся, не длится, и психологическое состояние, которое остается равным самому себе, пока его не заменит другое, тоже не длится. Как бы мы ни располагали эти состояния на нашем „я“, никогда твердое, нанизанное на твердое, не составит текучей длительности“. (Ев. Сг., 3).

Итак, длительность является сущностью нашей психической жизни, она составляет ткань ее, и нет ткани более прочной. Наша длительность не есть мгновение, сменяющее мгновение, ибо тогда было бы только настоящее, не было бы продолжения прошлого в настоящем, не было бы эволюции, не было бы конкретной длительности. Длительность есть поступательное движение прошлого, которое гложет настоящее и непрерывно растет по мере того, как оно подвигается вперед. А раз прошлое непрерывно увеличивается, оно бесконечно сохраняется. Память вовсе не есть способность прятать воспоминания в ящики или записывать их в регистры. Нет ящиков, нет регистров, нет даже способности, потому что способность проявляется с перерывами, когда она хочет или когда может, тогда как нагромождение прошлого на настоящее продолжается непрерывно. Прошлое сохраняется само собою, автоматически. Оно следует за нами неотступно, им определяется наш характер. Правда, мы мыслим только малой частью нашего прошлого, но мы хотим и действуем всем нашим прошлым, включая и „первоначальный изгиб нашей души“.

Так как прошлое сохраняется, то, очевидно, для нашего сознания невозможно проходить два раза через одно и то же состояние. Обстоятельства могут быть те же, но они действуют не на ту же личность, потому что застают ее в иной момент истории.

Наша личность, которая ежемгновенно строится накапливающимся опытом, непрерывно изменяется. При этом она непрерывно растет, непрерывно зреет, непрерывно творит новое, которое является вместе с тем совершенно непредвидимым. Пытаясь выяснить, какой смысл наше сознание придает слову „существовать“, Бергсон находит, что для сознательной личности существовать или, что одно и то же, длиться, значит изменяться, и изменяясь, зреть, зрея, создавать бесконечно самое себя (Ев. Ст., 8).

Это—„непосредственные данные нашего сознания“, и рассуждать тут много не приходится. Я надеюсь, читатель вынес из вышеизложенного некоторое представление о бергсоновской длительности, которая составляет ось всей бергсоновской системы.

Как известно, философу позволено что угодно рассматривать с какой угодно точки зрения. Поэтому, если Бергсону нравится рассматривать нашу психическую жизнь с точки зрения ее длительности, никто перечить ему не должен. Равным образом, если он и на жизнь вообще желает смотреть с той же точки зрения, то и это в порядке вещей, тем более, что длительность тут несомненно налицо. Но, когда Бергсон для надобности системы стремится превратить точку зрения в догмат, т.-е. превратить нечто необязательное и безобидное в нечто обязательное, а потому далеко не безобидное, то тут его философский иммунитет кончается, и мы получаем право спорить и прекословить. Для превращения точки зрения в догмат нужно только доказать, что рассматривавшееся, как одна из сторон явления, составляет самую настоящую его сущность, — сущность, ему одному свойственную и исчерпывающую его содержание. Эту операцию и проделывает Бергсон.

Он спрашивает себя: существуют ли предметы внешнего мира, как существуем, по непосредственным данным нашего сознания, мы сами? Ответ ясен: нет, не существуют, потому что они лишены конкретной длительности. А длительности они лишены потому, что они или вовсе не изменяются, или, если изменяются под влиянием внешней силы, то мы представляем себе это изменение, как перемещение частиц, которые сами не изменяются, при чем частицы определяются для нас крайним предметом делимости. Но частицы, которые были перемещены в одну сторону, могут так же быть перемещены в обратную сторону.

Другими словами, состояние группы частиц может повториться бесконечное число раз, и поэтому группа не стареет: она не имеет

истории. Поясню тут мысль Бергсона, насколько я ее понимаю, простым примером.

Поваренная соль состоит из хлора и натрия. Действуя электрическим током на расплавленную соль, я могу разложить ее на ее составные элементы, при чем теоретически можно себе представить, что никаких потерь вещества не будет. Полученные хлор и натрий я опять могу перевести в поваренную соль, затем опять разложить соль и т. д. Синтетически восстановленная поваренная соль ничем не отличается от первоначальной. На ней не видно никакого следа тех операций, какие я над нею проделал: она не имеет истории.

Все это кажется верным, но только до тех пор, пока мы имеем дело с очень простым на вид процессом, который мы знаем. Я уже не говорю о том, что наше знание очень поверхностно, что, если бы мы обладали более тонкими методами исследования, мы умели бы вычитать на поваренной соли историю ее изменений. Но, когда мы изучаем более сложные физико-химические процессы, то получается такое впечатление, что и предметы внешнего мира имеют свою историю и показывают ее. Возьмем хотя бы те изменения, которые непрерывно претерпевает наша планета. На разрезе земной коры геолог читает историю земли с большей уверенностью, чем иное мыслящее существо читает свою собственную историю в своем сознании. Настоящее земли так же неразрывно связано с ее прошлым, как мое теперешнее душевное состояние связано с совокупностью переживаний не только моих собственных, но и моих предков и, пожалуй, всего человечества. По Бергсону, я не могу пережить дважды одно и то же состояние, потому что обстоятельства могут быть те же, но они действуют на меня в разные моменты моей истории, т.е. не на одну и ту же личность. Это верно, тем более верно, что и обстоятельства никогда не бывают одни и те же: только по грубому приближению, основанному на ограниченности наших знаний и на несовершенстве наших орудий исследования, мы видим тождественность там, где есть разница и не может не быть ее. Но так же точно и земля не может пройти дважды через одно и то же состояние, потому что, как и я, она не прерывно изменяется, как и я, она стареет и зреет. Словом, установить с точки зрения длительности, с точки зрения наличности истории разницу между сознанием и предметами внешнего мира, насколько они отражаются в нашем сознании, мне кажется совершенно невозможным.

Доказав, что одному сознанию свойственна длительность, что предметы внешнего мира лишены ее, Бергсон по тактическим соображениям уступает часть своей позиции. Дело в том, что, если сознание так радикально отличается от предметов внешнего мира, у него, пожалуй, не окажется никаких точек соприкосновения и с тем целым,

с которым эти предметы так или иначе связаны. Он говорит: „однако последовательность существует несомненно и во внешнем мире“. (Ev. Cr., 16). История предметов и систем предметов, которые наш интеллект выкраивает в нем, разворачивается перед нами постепенно, как будто бы и им была присуща такая же длительность, как и нам. Но это происходит не оттого, что предметы и системы предметов, которые мы искусственно выделяем, обладают сами по себе длительностью, а оттого, что их нельзя полностью изолировать от целого. Целое же длится. Бергсон согласен на то, чтобы искусственно изолированным системам приписывали длительность, т.-е. „форму существования, аналогичную нашей“, но для этого он требует, чтобы они были водворены в целое.

Итак, по Бергсону, и сознание длится, и целое длится. Что из этого следует? Нефилософ сказал бы: из этого следует, что сознание, как таковое, не определяется длительностью. Философ Бергсон говорит:... *le Tout progresse peut-être à la manière d'une conscience*“, т.-е. целое действует, может быть, как сознание (Ev. Cr., 10). Силлогизм весьма прост: длительность есть основное свойство сознания; вселенная длится; следовательно, вселенная ведет себя, как сознание. Счастливые философы!

Чтобы не возвращаться больше по существу к вопросу о длительности, я скажу следующее:

Я отличаюсь от земли не тем, что я длюсь, а она не длится, что у меня есть история, а у нее нет. Это все одни разговоры. И я длюсь, и она длится; у меня есть история, и у нее есть. Разница между нами в том, что я сознаю свою историю, а она не
сознает. Вот где сущность вопроса, сущность мировой загадки.

Пока психическая деятельность не сведена на физико-химические процессы, пока не выяснено, каким образом об'ективные физико-химические процессы превращаются в суб'ективные процессы сознания, до тех пор для нашего интеллекта внутренний мир будет отделен от внешнего зияющей пропастью.

От того, что Бергсон ввел категорию длительности и одарил вселенную сознанием, решение коренного вопроса ни на волос не подвинулось вперед.

V.

Бергсон говорит: „теория познания и теория жизни кажутся нам неотделимыми друг от друга“ (Ev. Cr., Introduction, VI). Для того, чтобы теория жизни была неотделима от теории познания, необходимо, чтобы нечто связывало сознание с жизнью. Что же связывает их? Все та же длительность.

По понятиям Бергсона, тела внешнего мира выкраиваются нашим интеллектом по линиям, по которым пройдет наше действие. Дело,

повидимому, надо представить себе так. Скажем, нам нужно сесть. Во внешнем мире никакого стула нет, а есть непрерывная субстанция природы, в которой наш интеллект выкраивает стул и усаживает на него наше „я“. Пусть! Тела внешнего мира, как мы уже знаем, лишены длительности. Но все ли тела внешнего мира таковы, нет ли привилегированных тел?—спрашивает Бергсон. То тело, которое будет действовать, которое и до выполнения реальных действий уже проецирует на материю рисунок своих потенциальных действий, которому достаточно направить свои органы чувств на поток действительности, чтобы окристаллизовать его в определенные формы и создать таким образом все остальные тела,—словом, живое тело, такое же ли оно, как другие тела? (Ev. Cr., 13). Нет, не такое,—отвечает Бергсон. Ибо подразделение материи на обособленные предметы производится нашим восприятием и нашим интеллектom, тогда как живое тело выделено и обособлено самой природой.

Оно состоит из разнородных частей, которые дополняют друг друга. оно выполняет разные функции, связанные друг с другом. Оно—индивидуум, и ни про какой иной предмет природы нельзя сказать то же. Правда, трудно дать точное определение индивидуума, особенно на биологических низах: клетка, которая делится пополам, чтобы создать новую клетку, кусок гидры, из которого вырастает целая гидра, представляют собою индивидуумы или не индивидуумы? Но совершенное определение применимо лишь к осуществившейся действительности (*une définition parfaite ne s'applique qu'à une réalité faite*). Жизненные же свойства никогда полностью не осуществляются, а постоянно находятся на пути к осуществлению. Природа стремится к созданию индивидуальностей. Но для того, чтобы индивидуальность была совершенной, нужно было бы, чтобы никакая часть организма не могла жить индивидуальной жизнью. А это сделало бы невозможным воспроизведение организмов и положило бы конец стремлению природы к созданию индивидуальностей. В результате конфликта между этими противоположными тенденциями получилось такое положение, что индивидуум вынужден, так сказать, давать у себя стол и квартиру врагу своей индивидуальности в лице своего потомства. Но это не должно нам мешать признавать, что в виде живых организмов природа создает „замкнутые системы“, индивидуумы, которые радикально отличаются от всех предметов, искусственно выделяемых из целого нашим восприятием или нашим интеллектom.

Остановимся тут раньше, чем последовать за Бергсоном в его дальнейших странствованиях.

Прежде всего приходится отметить, что, как и в вопросе о длительности, Бергсон совершенно произвольно вносит ограничительное толкование в общеупотребительные термины. Как показывает самое название, индивидуум—это такое тело, которое не может быть раз-

делено на части без того, чтобы оно не перестало существовать, как таковое. Помимо живых организмов, мы знаем в природе другие тела, которые удовлетворяют этому определению, пожалуй, еще в большей степени, чем организмы. Химик говорит о „химическом индивидууме“ с неменьшей определенностью, чем биолог о биологическом. Химический индивидуум—это молекула химического тела. От нее ничего нельзя отнять, к ней ничего нельзя прибавить без того, чтобы тело не перестало существовать. Бергсон говорит, что биологически индивидуум состоит из разнородных частей. Но и химический индивидуум—молекула тоже состоит из разнородных частей: атомов, электронов, а, может быть, и еще чего-нибудь. Живой организм проявляет функции. Но и химический индивидуум тоже имеет функции. Ибо что такое функция части организма? Это—способность реагировать определенным образом на определенное действие извне. Желудок функционирует, когда в него вводится пища, он переваривает ее; глаз воспринимает световые лучи, ухо реагирует на определенные колебания воздуха и т. д. Но так же точно различные части химического индивидуума—молекулы обладают различными химическими функциями (так и говорится: химическими функциями). Одна часть может функционировать, как спирт, и функция эта называется в том, что при действии кислоты образуется эфир; другая часть может функционировать как алдегид, кетон, кислота, основание и т. д. Само собою разумеется, функции самого простого одноклеточного организма бесконечно сложнее, чем функции самой сложной химической молекулы. Но это несколько не меняет дела. Факт остается фактом, что имеются живые индивидуумы и неживые.

Мне могут сказать: Бергсон объяснил уже, что химический индивидуум мы сами сочинили, выделив его искусственно из потока действительности, а потому он реального существования не имеет, он мнимый. Напротив того, живой организм сама природа создала, и только он представляет собою реальный индивидуум. На это я отвечаю, что, если мой интеллект мог выкроить в субстанции природы индивидуум-молекулу, я не вижу причины, которая мешала бы ему выкроить в той же субстанции по линии своих будущих действий и индивидуум-клетку. С другой стороны, если природа в своем неисповедимом стремлении к созиданию индивидуальностей создала индивидуум-клетку, она также хорошо могла сотворить индивидуум-молекулу. Получается такое положение: или я сам себе создаю во внешнем мире индивидуальности, и тогда все они нереальны, и в этом отношении живые индивидуальности не отличаются от неживых; или же сама природа сотворила индивидуальности, и тогда все они реальны, и разницы между живыми и неживыми опять-таки нет.

Возможно, что в рассуждениях Бергсона об индивидуальности кроется глубокий философский смысл, но с точки зрения естество-

знания они не выдерживают критики. И, по-моему, Бергсон совершенно напрасно апеллировал к червю, гидре и иной твари. Лев Шестов прав, когда говорит, что философ не должен доказывать. Но доказывать он не должен не потому, что доказательства не нужны, а потому, что все равно он ничего не докажет...

VI.

Бергсон рассматривает живой организм, как „естественно“, т.-е. самой природой, изолированную систему. Поэтому нельзя сравнивать организм с иными предметами внешнего мира, которые представляют собою „искусственно“, т.-е. нашим интеллектом изолированные системы. Если с чем можно сравнивать организм, то со вселенной в целом. Ибо организм, как вселенная в целом и отдельное сознание во вселенной, длится.

Но сравнивать организм со вселенной—довольно праздное занятие, потому что организм мы можем наблюдать, а вселенную в целом не можем. Гораздо поучительнее сравнивать организм с сознанием. Тут обнаруживается замечательное сходство. Мое сознание говорит мне, что мое „я“ непрерывно изменяется и то же сознание говорит мне, что мое тело непрерывно изменяется. Изменяясь, мое „я“ зреет; то же происходит с моим телом. Зрея, мое „я“ создает само себя; то же самое я наблюдаю на своем теле. Бергсон не говорит нам, происходит ли это сходство от того, что наше тело создано по образу и подобию нашего сознания, или же от того, что наше сознание сложилось по образу и подобию нашего тела. Но это—деталь. Важно, что сходство есть, и сходство это Бергсон разделяет с большой тщательностью. Между сознанием и внешним миром существует пропасть. Такую же пропасть Бергсон старается вырыть между живым организмом и другими телами природы. Но в то время, как пропасть между сознанием и внешним миром носит вполне „естественный“ характер—через нее на самом усовершенствованном философском аэроплане не перелетишь—пропасть Бергсона—„искусственная“ пропасть, а потому не совсем пропасть.

Живой организм, какое бы он место ни занимал на биологической лестнице, имеет историю, его прошлое продолжается в настоящем, он зреет, он стареет. Совсем иначе обстоит дело с другими предметами природы. Разве можно сказать про поваренную соль, что ее прошлое действует в настоящем, что она стареет? Правда, есть такие организмы, которые как будто не стареют. Дерево, напр., не стареет, потому что его конечные ветви всегда молодые. Но, тем не менее, в дереве все-что стареет: ствол, листья. Ибо, говорит Бергсон, „всюду, где что-нибудь живет, где-нибудь есть
регистр, куда вписывается время“. (Ev. Cr., 17). Само

собою разумеется, то, что вписывается, это бергсоновское время, то „конкретное“, „реальное“ время, „вдоль которого развивается естественная система“, а не то „абстрактное время, над которым мы оперируем в наших спекуляциях над искусственными системами“. (Ev. Cr., 23).

Есть ошибки, которые называются систематическими и которые сказываются на всем протяжении работы. С такой систематической ошибкой—скорее вольной, чем невольной—мы имеем дело у Бергсона. Сделав длительность исключительным атрибутом сознания, затем вселенной в целом и, наконец, живых организмов, Бергсон неизбежно должен был лишить все остальное тех прав и преимуществ, которые вытекают из этого атрибута. Верно ли, что только там, где есть жизнь, вписывается время? Не будет ли более правильным сказать, что всюду, где вообще происходят изменения, время отмечается неизгладимыми чертами?

Я очень доволен, что Бергсон избрал ствол дерева как пример регистра, в который вписывается конкретное время. Это позволяет мне выделить из дискуссии осложняющий ее вопрос о регистрации времени в памяти сознательных существ. Дерево лишено сознания, и регистрацию времени тут надо понимать в самом материальном смысле, в смысле непрерывного запечатления в веществе дерева тех изменений, через которые оно прошло. Правда, чтобы сохранить аналогию между сознанием и организмом, Бергсон замечает, что „эволюция живого существа предполагает непрерывную регистрацию длительности, сохранение прошлого в настоящем и, следовательно, по крайней мере, видимость органической памяти“ (Ev. Cr., 21).

Правда еще и то, что на этом пункте Бергсон встречается не с кем иным, как с великим жрецом материалистического монизма, Эрнестом Геккелем, но это едва ли улучшает его позицию. Как известно, Геккель открыл, что у клетки есть душа, хотя и бессознательная, и что строит себя клетка по „бессознательной памяти“. Очевидно, что бергсоновская „органическая память“ и геккелевская „бессознательная память“—родные сестры. Приятная встреча Бергсона с Геккелемшний раз показывает, что материалистический козел не так черен, а идеалистическая овечка не так бела, как это кажется с первого взгляда... Но это к слову.

Теперь я ставлю такой вопрос: если можно говорить о регистрации времени в стволе дерева, то почему нельзя говорить о регистрации времени в оболочке земли? И там и тут идут непрерывным потоком изменения, которые запечатлеваются в веществе. В стволе дерева образуются наслоения, и в земной коре наслоения. Количество и качество наслоений в стволе находятся в зависимости от возраста дерева; то же применяется полностью к земле. Ствол дерева непре-

рывно разрушается с поверхности (это одна из форм регистрации времени), и земная кора разрушается с поверхности. Дерево стареет, и земля стареет. Словом, с точки зрения регистрации времени между деревом и землей несомненно больше сходства, чем между деревом и сознанием.

Возьму другой пример: радиоактивные тела. Есть простое химическое тело, элемент радий. Он элемент, потому что никакими физическими и химическими средствами его нельзя разложить на другие элементы. Он настолько элемент, что, когда его открыли, он сразу занял в периодической системе элементов Менделеева место, которое оставалось пустым и назначалось неизвестному элементу с приблизительно атомным весом в 226 (атомный вес радия 226). Казалось бы, что к такому простому телу время не должно иметь никакого отношения. Какая может быть история у элемента, который неизменен, который всегда и всюду равен самому себе? Но, оказывается, история у радия есть, и весьма поучительная. Этот элемент, который никакими и искусственными приемами не может быть разложен, самопроизвольно, естественно претерпевает изменения, почти грандиозные по характеру. Он выделяет непрерывно массу тепла (1 гр. радия может дать столько же тепла, сколько получается при сгорании 300 гр. водорода) и испускает три рода лучей, один из которых (так назыв. эманация) превращается в элемент гелий. Так как радий непрерывно изменяется, и у него, как у дерева, изменения запечатлеваются в его веществе, то и в нем „где-нибудь есть регистр, в который вписывается время“. Это кажется настолько естественным, что физико-химики, занимающиеся исследованием радиоактивных тел, ничто же сумняшеся, говорят о „продолжительности жизни“ радия и вычисляют ее.

Само собою разумеется, изменения, происходящие в радии, существенно отличаются от тех, которые претерпевает дерево, и никому в голову не придет мысль проводить параллель между жизнью радия и жизнью дерева. Но с точки зрения регистрации времени эти отличия никакой роли не играют. Ибо время регистрируется всюду, где происходят изменения, а жизнь является только частным случаем замкнутой системы, находящейся в состоянии непрерывного изменения. И, если можно говорить об „органической памяти“ дерева, то с таким же основанием можно говорить о „неорганической памяти“ радия. Но лучше не говорить. Метафорам, затемняющим смысл явлений, не должно быть места ни в философии, ни в науке.

Различие между „естественной“ системой и „искусственной“, между живым телом и неживым Бергсон старается обосновать еще иным путем. Он говорит: „Настоящее состояние неорганического тела зависит исключительно от того, что происходило в нем в предшествующее мгновение. Другими словами, законы, управляющие

неорганизованной материей, могут быть в теории выражены дифференциальными уравнениями, в которых время (как его понимают математики) играет роль независимой переменной“ (Ev. Cr., 21). Напротив того, „настоящий момент живого тела не обуславливается моментом непосредственно предшествующим, а сюда надо присоединить еще все прошлое организма, его наследственность, словом, совокупность весьма длинной истории“. (Ev. Cr., 22).

Оставим в покое дифференциальные уравнения с независимой переменной и попробуем выяснить мысль Бергсона на примере. Я принес в теплую комнату со двора кусок льда, который не замедлил растаять, т.-е., вода перешла из твердого состояния в жидкое. Очевидно, что вода могла стать жидкой лишь потому, что в предшествующий момент она была твердой. Зная температуру комнаты, теплоемкость льда и другие необходимые факторы, можно для всякого данного момента вычислить „положение материальных пунктов“ данной системы, т.-е. вычислить, сколько будет льда и сколько будет воды. Но сам Бергсон раньше признал, что „наука не изолирует и не может изолировать полностью какую бы то ни было систему“. „Она (наука) подразумевает, что система, принимаемая за изолированную, остается подчиненной известным внешним влияниям. Она просто оставляет их в стороне, потому ли, что считает возможным пренебречь ими, потому ли, что она предполагает потом ввести их в расчет“. (Ev. Cr., 11). По этой-то причине Бергсон допускает, что изолированные системы, поскольку они неразрывно связаны с целым, обладают длительностью в этом целом. Но, если так, то нельзя сказать, что „состояние неорганического тела зависит исключительно от того, что происходило в нем в предшествующее мгновение“. Я принес в комнату кусок льда со двора. Но на дворе вода замерзла вследствие того, что дело было зимою, т.-е., когда земля занимала определенное положение по отношению к солнцу, и дул северный ветер. А северный ветер дул, потому что и т. д. Вода оказалась на дворе, потому что перед тем шел дождь, а дождь шел, потому что и т. д. Лед растаял, потому что в комнате было тепло, а тепло в ней было потому, что в печке горели дрова, т.-е. части растений, в которых солнечная энергия была скоплена в виде органических соединений и т. д., и т. д. Если смотреть в „корень вещей“, то окажется, что превращение куска льда в ложку воды является „искусственно изолированной“ нами частью тех бесконечных и непрерывных изменений, которые произошли во вселенной со дня сотворения ее. И эту связь части с целым наука „подразумевает“, т.-е. ничуть не забывает ее. А Бергсон вдруг забыл и не без некоторой наивности ставит вопрос: „Находит ли состояние живого тела свое полное объяснение в непосредственно предшествовавшем состоянии его?“ (Ev. Cr., 21). Не находит, ибо разве возможно вычислять органическое творчество, явление эволюции, которые со-

ставляют жизнь? Конечно, нельзя. Но, может быть, нельзя, потому, что жизнь складывается из огромного числа факторов, о которых мы знаем очень мало или вовсе ничего? Бергсон предпочитает думать, что причиной тут не наше неведение, а то, что «состояние живого тела не определяется моментом, непосредственно предшествовавшим, а сюда надо присоединить еще все прошлое организма, его наследственность, словом, совокупность весьма длинной истории». Но такую же „совокупность весьма длинной истории“ надо присоединить и к таянию куска льда, если желаешь „объяснить полностью“ это явление. Где же тут существенная разница, долженствующая установить грань между живым и неживым?

Длительность, индивидуальность, старение, регистрация времени, невозможность объяснить настоящее состояние состоянием в непосредственно предшествующий момент, одинаково характеризуют и живые организмы, и неорганические предметы природы. Все попытки Бергсона доказать противоположное кажутся мне совершенно неудачными.

(Окончание в следующем №).

Проф. М. М. ЗАВАДОВСКИЙ.

ПУТИ БИОЛОГИИ ¹⁾.

1.

Кого из нас не поражает у смертного одра человека, что вот еще вчера, совсем недавно, он жил и чувствовал; а вот сейчас,—он... тот и не тот. То же тело, те же черты, но они недвижимы и бесчувственны... Как будто все на месте, но... чего-то нет. Нет жизни! Она ушла с последним судорожным вздохом.

Взгляните на быстрое резвящееся животное и лежащий рядом бездыханный труп, и вас сковывает опять та же цепкая мысль: где разгадка тому, что в одних и тех же формах может воплощаться цветущая жизнь и бездыханная смерть?

С необыкновенной силой проблему контраста жизни и смерти сумел поставить Андреев в своем «Большом шлеме».

Вопрос жизни и смерти написан на челе человека с того момента, как родилась пытливая человеческая мысль.

В разные времена и эпохи этот вопрос получал различные решения, но в основе всех их лежит наблюдение, что жизнь уходит с последним

¹⁾ Вступительная лекция к курсу—„Введение в экспериментальную биологию“, читанная в 1-ом Государственном Московском Университете в 1921—22 году.

тяжким или облегченным вздохом. Наивная мудрость современного дикаря или философские системы древних культур на все лады варьировали мысль, что в момент смерти, с последним вздохом, из тела уходит дух, который оживлял тело. Связь между дыханием и животворящим началом—душой, в представлении народов выражена в общем корне слов—дыхание, дух, душа.

Подобные представления нашли свое выражение еще 2000 лет тому назад в учении китайцев о «кэ», в котором выражена мысль, что при дыхании в тело человека и животных из воздуха проникает особая субстанция, которая и поддерживает жизнь. С последним вздохом она покидает тело, оставляя его безжизненным.

В учении о «кэ» мы находим одну из первых попыток в стройной системе выразить представление о связи между жизнью и дыханием, осмыслить необходимость для жизни воздуха, без которого жизнь быстро прекращается.

Близкая по содержанию мысль выражена и в учении о «пнеймах».

Отец медицины, Гиппократ, учил, что жизнь организма поддерживается благодаря особому тонкому материальному агенту—пнейме, которая проникает в него из воздуха при дыхании через легкие.

Знаменитый греческий анатом и врач Гален (203—131 до Р. Х.) учил что существуют три рода пнеймы: пнейма сфизгмическая, пнейма психическая и пнейма физическая. Первая пребывает в сердце, вторая—в мозгу и третья—в печени. Пнеймы психическая и физическая восстанавливаются за счет пнеймы сфизгмической, которая проникает в организм через легкие.

Сфизгмическая пнейма обуславливает сердцебиение, пульс и образование теплоты в организме; психическая пнейма рождает мысль и чувствования, физическая же пнейма заведует питанием, ростом, развитием, секрецией и размножением.

Неудержная фантазия в учении греков о пнейме причудливо сплеталась с здравым наблюдением и выводом.

Гален уже хорошо знал, какими путями в тело человека и животных попадала пнейма. Он знал строение дыхательных путей и легких и ставил первые опыты с мускулами, которые приводят в движение грудную клетку при дыхании. Более точные сведения о тонком строении легких, в которые попадает воздух при дыхании, могли быть получены, однако, лишь Мальпиги в 1661 году, уже после изобретения микроскопа.

Мальпиги показал, что легкие представляют собой совокупность мельчайших пузырьков, полости этих пузырьков открываются в мельчайшие каналцы, которые, сливаясь между собой, дают все более крупные трубки, вплоть до бронх, впадающих в трахею.

Легочные пузырьки оплетаются мельчайшими кровеносными сосудиками-капиллярами. Таким образом, воздух, попадающий при вздохе в

легкое, имеет огромнейшую площадь соприкосновения с легочной тканью, исключительно богато снабжаемой кровью.

К вопросу, что именно в воздухе, какая его часть необходима для поддержания жизни, с здоровым и красивым в своей простоте опытом подошел Майо (1649—1679).

Ему было известно из опытов Гука и Бойля, что животное быстро умирает, если оно будет лишено постоянного притока свежего воздуха. Притом, если посадить мышь, воробья или даже рыбу, мух или червей под колпак насоса, то животные умирают задолго до того, как будет удален весь воздух. Птица умирала в опытах Бойля даже в том случае, когда ее просто сажали под стеклянный колпак, подобно тому, как под колпаком гаснет свеча.

Майо заинтересовался вопросом, в каком количестве содержится в воздухе то вещество, без которого невозможна жизнь. Он положил на тарелочку, подвешенную внутри стеклянного колпака, кусочек камфары и смоченный серой трут и затем опустил колпак в сосуд с водой. При помощи стеклянной изогнутой трубки он выпустил часть воздуха из-под колокола так, чтобы вода под колоколом и в сосуде стояла на одном уровне. При помощи зажигательного стекла он воспламенил трут и камфару. Через короткое время горение прекратилось, хотя камфара сгорела не вся. Когда воздух под колпаком, нагретый при горении камфоры, охладился, Майо убедился, что уровень воды под колпаком сделался выше, чем до опыта. Очевидно, часть воздуха при горении исчезла. Майо думал, что горение прекратилось потому, что под колпаком была использована вся горючая часть воздуха.

Для сравнения горения с дыханием он, взамен камфары и трута, под колокол посадил мышь и опустил колокол в сосуд с водой, как в предыдущем опыте. Уровень воды стал под колпаком понемногу повышаться и, когда достиг известного уровня, мышь пала. Как и в опыте со свечей и с камфарой, под колоколом оставался еще большой запас воздуха. Очевидно, была использована лишь особая его часть, поддерживающая дыхание и жизнь.

Исследователь занялся вопросом,—не поддерживаются ли и горение и жизнь одним и тем же веществом из воздуха. Для этого он под колокол поместил одновременно свечу и мышь. Уровень воды стал подниматься в колоколе значительно быстрее, чем в предыдущих опытах, но, вместе с тем, скорее погасла свеча и вскоре за ней пала мышь. Гибель мыши последовала, когда уровень воды остановился на высоте, подобно опыту с одной мышью без свечи. Майо отсюда заключил, что свеча и мышь—горение и жизнь—являются конкурентами в потреблении одной и той же части воздуха. Горение и жизнь нуждаются в одном и том же газообразном веществе воздуха.

Для обоснования последнего вывода исследователь внес горящую свечу под колокол, в котором воздух был уже испорчен дыханием мыши, и

убедился, что в этом случае свеча погасла тотчас же. Мышь, очевидно, исчерпала для жизни находящийся под колпаком запас воздуха, необходимый для поддержания как жизни, так и горения.

Таинственная связь жизни с дыханием потеряла свою мистику в этих опытах. Из них было видно, что с дыханием в организм попадает нечто из воздуха, но это же нечто поддерживает не только жизнь, но и мертвое пламя. Преждевременная смерть Майо оборвала этот ряд красивых опытов.

Закончил анализ этого вопроса Лавуазье (1780—1789).

Еще в 1757 году Блэк установил, что выдыхаемый из легких воздух содержит «испорченный воздух», который образуется и при горении.

В точном опыте Лавуазье нашел тот же результат и сделал из него дальнейший вывод. «Я доказал, говорит он в 1787 г., что чистый воздух, войдя в легкие, выходит из них в виде связанного воздуха. Следовательно, чистый воздух испытывает, проходя через легкие, превращение подобное тому, какое он испытывает при горении угля; но, так как при горении угля освобождается теплород, то и в легких в промежуток времени между вздохом и выдохом должно выделяться тепло. Это и есть то тепло, которое, распространяясь вместе с кровью по всему телу, поддерживает в последнем постоянную температуру около $32\frac{1}{2}^{\circ}$ R.

Эта мысль может показаться слишком смелой, но прежде чем осудить и отвергнуть ее, я просил бы принять во внимание, что она опирается на два неоспоримых факта, именно на превращение воздуха в легких и на выделение тепла, которое сопровождает превращение чистого воздуха в связанный воздух».

Но лишь несколько позднее он замечательным опытом обосновал этот свой вывод.

В холодную зиму 1779 года Лавуазье совместно с математиком Лапласом построили двустенный сосуд. Между двух стенок этого сосуда помещался лед, а в сосуде производились химические реакции. Часть этих реакций сопровождалась отделением тепла, количество которого можно было учитывать, измеряя количество образовавшейся из льда воды.

Сжигая в своем ящике-калориметре уголь, Лавуазье и Лаплас могли убедиться, что на каждую образовавшуюся при горении унцию теплорода (CO_2) выделяется количество тепла, которое из льда образует 26,692 унции воды. Поместив в калориметр морскую свинку, исследователи нашли, что за 10 часов свинка выделила 224 доли теплорода и выделила количество тепла, которое растопило 10,5 унций воды.

Простым расчетом можно вычислить, что на 1 унцию теплорода морская свинка растопила бы 27,083 унции воды.

Количество воды, растопленной при горении угля, на каждую унцию теплорода—26,692 и количество воды, растопленной на унцию теплорода при дыхании,—27,083—столь близки, что можно говорить об одной цифре (разница находится в пределах ошибки опыта).

В этом опыте Лавуазье и Лаплас справедливо видели отчетливое доказательство положению, которое они формулировали в следующих словах: «Дыхание есть не что иное, как горение, хотя и медленное, но во всех отношениях сходное с горением угля». (1780 г.).

Позднее сам Лавуазье показал, что под чистым воздухом следует понимать кислород, под испорченным—угольную кислоту.

От наивного представления о «духе», фантастической системы китайцев о «кэ» и греков—о «пнейме», наука привела к газу—кислороду, который составляет $\frac{1}{5}$ окружающего нас воздуха и подлежит изучению физика и химика.

Таинственный жизненный процесс дыхания гением Лавуазье был исторгнут из рук колдунов, жрецов и философов и передан в ведение биолога физико-химика.

Лавуазье казалось совершенно естественным допустить, что медленный процесс горения, т.-е. соединение кислорода воздуха с веществом организма, совершается в самих легких, с их необыкновенно большой поверхностью. Однако, после того, как Фогель и другие показали, что угольная кислота находится в венозной крови, а Гофман и другие установили присутствие в артериальной крови кислорода, большинство ученых склонилось к мысли, что процесс медленного горения или, как принято говорить в настоящее время—окисления, совершается в крови.

Однако, уже с 1878 г. рядом остроумных опытов Пфлюгер показал, что сгорание совершается не на поверхности легких и не в крови, а в самых тканях организма,—в мышцах, нервах и т. д. В справедливости этого положения можно убедиться на лягушках, у которых кровь искусственно заменена раствором поваренной соли. Подобные лягушки в продолжение долгого времени обнаруживают почти такой же высокий газообмен (т.-е. поглощение кислорода и выделение угольной кислоты), как и нормальные лягушки. Наконец, в том же можно убедиться на изолированных органах. Отрезанные и обескровленные задние лапки лягушки поглощают кислород и выделяют угольную кислоту, на подобие целого нормального животного.

Позднее Тумберг, Лёб, Варбург и др. показали, что поглощение кислорода и выделение угольной кислоты совершаются и в изолированных тканевых клетках, так что в сложном организме сгорание совершается в пределах каждой клетки живой ткани. Варбург в серии продуманных опытов показал, что газовый обмен особенно энергично совершается на поверхности живой клетки, а еще до него Эрлих и другие установили, что оживленный газовый обмен совершается в ядре клетки.

Дальнейший шаг сделали Палладин и Костычев. Они убили живые растительные клетки ацетоном и, несмотря на то, в них можно было и после этого наблюдать газовый обмен (поглощение кислорода и выделение угольной кислоты).

Таким образом, процесс, лежащий в основе дыхания, с которым связаны все остальные явления жизни, из области биологии уходит в область химии.

Оглядываясь на долгий путь научного исследования проблемы дыхания, которая столь тесно связана с проблемой жизни, мы видим, что из области беспочвенной фантазии (китайцы, Гален) он ведет к анатомическому, затем микроскопическому исследованию Мальпиги и, наконец, выходит на дорогу физико-химического анализа (Майо, Лавуазье).

Процесс сгорания с поверхности легких переносится в кровь, из крови в ткани, из тканей в клетку. В клетке его локализуют на поверхности в ядре и протоплазме и, наконец, проблема дыхания выносится за пределы живой клетки, за пределы биологии в область химии.

Таков неизбежный путь исследования всех деятельностей организма, которые в своей совокупности характеризуют жизнь.

II.

На ряду с вопросом, как протекают жизненные явления, каковы их причины или условия, течения, биологическая мысль ищет решения проблем и иного порядка. Среди последних человек неоднократно возвращается к вопросу: как и откуда возник существующий живой мир?

На этот вопрос пытались ответить религии всех времен и народов; посильное решение давали легенды и философские системы.

Образцом для многочисленных ответов может служить легенда о сотворении мира, которая записана под названием Старого Завета и принята официальными религиями современного культурного человечества.

Из нее следует, что мир создан в 6 дней:

- в первый день бог создал...
- во второй день он создал...
- в третий день явилась...
- в четвертый день...
- в пятый день...
- в шестой день...

Легенда ясно формулирует мысль, что от момента своего создания и донныне лик земли сохраняет приданный ей от сотворения образ.

Заключение это, облеченное в религиозную догму, было общепризнано веками.

Крупнейший ученый 18-го века Линней, взявший на себя колоссальный труд свести в единую систему все существующее разнообразие животных и растительных форм и осуществивший это задание в своих знаменитых «Systema Naturae», принимает легенду Старого Завета, как неоспоримый факт. Все чарующее разнообразие форм и красок расти-

тельного и животного мира он мыслит себе созданным творческой волей бога-творца, который создал сызначала столько видов строения, сколько их существует ныне.

Лишь в 1801 году французский исследователь де-Ламарк в своем большом исследовании—«Организация живых тел» с сомнением останавливается на выраженной Линнеем мысли, что каждый вид животных и растений создан по особому плану, что между существующими ныне животными и растительными формами не существует переходов. Изучая, тогда еще мало исследованную, группу беспозвоночных животных, он находит, что нет возможности во всех случаях провести резкую границу между одним видом животных и другими.

В его представлении между существующими видами можно видеть разнообразные переходы.

А в 1801 году в своей «Философии зоологии» Ламарк уже пытается обосновать мысль, что одни формы животных могут произойти от других форм животных, что тот же вывод следует распространить и на растения. Превращение одних форм животных в другие, по мнению Ламарка, может последовать, как под влиянием изменившихся климатических условий, так и в силу активного приспособления животного к условиям обитания. В представлении Ламарка жираффы и лебеди, вытягивая шею для добывания ветвей на высоких деревьях, или ила со дна водоема, удлиняют свою шею и передают, приобретенный таким образом, признак по наследству.

Сильное научное воображение Ламарка, однако, не было подкреплено достаточно строгой аргументацией, а слабые фантастические места с жираффом делали слабым и то, что было безусловно сильным.

Аргументацию эволюционной идее дал Чарльз Дарвин в 1859 г. Он ответил на вопрос, почему мог и должен был изменяться живой мир.

Взгляните на все разнообразие пород прирученных домашних животных: голубей, кур, собак, быков, баранов, козлов, лошадей и т. д., и т. д. Все они произошли, очевидно, от одного или, во всяком случае, от двух, трех диких видов, но ведь иная из пород по совокупности своих признаков смело может быть сочтена за особый вид. А все изумительное разнообразие садовых растений?... Они ведь тоже получены из относительно немногих диких видов, путем умелого отбора сильно уклоняющихся по своему строению форм.

Изменчивость животных и растительных форм является основным свойством любого вида. Путем вмешательства человеческой воли можно искусственным отбором измененных форм в сравнительно короткий срок достигнуть образования новых пород и видов. В природе образование новых форм и видов идет значительно медленнее в силу того, что там нет постоянного вмешательства разумной воли человека, нет столь планомерного подбора, как в саду или на животноводственной ферме; нет

садовника или животновода, которые бы предупреждали скрещивание измененных с неизменными формами, вследствие чего соблюдается возврат к средней типичной форме.

Но ошибочно было бы думать, что в природе совсем нет отбора, который способствовал бы образованию новых форм. Отбор безусловно есть,—отбор естественный. Это отбор приспособленного, который получается в силу гибели огромного количества неприспособленных. Он действует медленно, но неуклонно. Войдите в лес, и вы увидите, какое огромное количество деревьев гибнет без света, влаги и пищи, в силу подавляющей конкуренции более сильных окрепших соседей. Таким путем из множества молодых побегов сохраняются лишь немногие, более сильные и приспособленные.

Что лик земли меняется в течение веков, можно видеть и из того, что в разные периоды жизни земли ее заселяли разные формы животных и растений, о чем свидетельствуют ископаемые остатки.

В снове рассуждений Дарвина лежала мысль, что животные и растительные формы склонны к изменчивости и что изменившиеся существа способны свои, даже незначительные изменения, передать по наследству своему потомству.

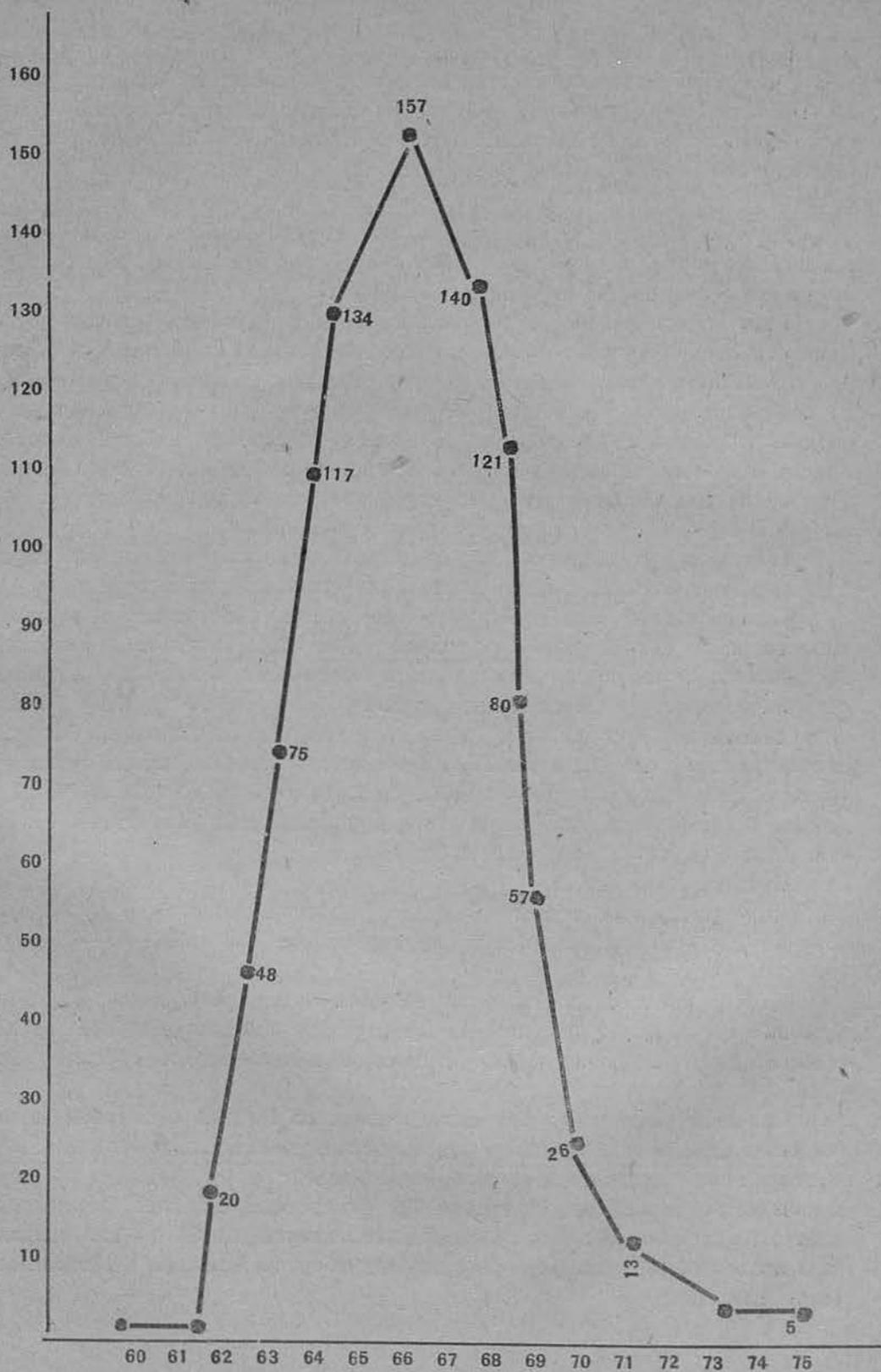
Изменчивость и наследственность приобретенных признаков Дарвин считал само собою разумеющимся явлением; центр же своей могучей аргументации он перенес на «садовника природы»—на естественный отбор.

Однако, вскоре там где Дарвин мог и счел возможным ограничиться лишь наблюдением и логическими рассуждениями и допущениями, последовал кропотливый анализ.

Кетлэ в 1871 г. опубликовал работу, в которой пытается беспорядочные на первый взгляд явления изменчивости выразить в простых количественных закономерностях.

Кетлэ прежде всего остановил свое внимание на таком признаке, как рост человека. Измеряя рост 26.000 новобранцев в Соединенных Штатах, он подразделил их по росту на 16 классов или групп, начиная с наименьшего в 60 английских дюймов и несколько ниже и кончая ростом в 75 английских дюймов и несколько выше. Затем он рассчитал, какое количество человек приходится на каждый класс. Результаты этого подсчета сведены в таблицу. В ней, во второй графе указано не все количество солдат, приходящихся на каждый класс, а из расчета на 1.000 человек.

Рост в дюймах.	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75
Число солдат на 1000.	2	2	20	48	75	117	134	157	140	121	80	57	26	13	5	3

Результаты подсчета, сведенные в таблицу, с очевидностью показывают, что наибольшее количество солдат приходится на средний рост—67. По мере же отклонения в сторону возрастания или убыли роста, число солдат на каждый класс падает. Наименьшее количество солдат приходится на минимальный (всего лишь 2) и на максимальный рост (3 солдата).

Другими словами, можно видеть некоторую закономерность в распределении особей по классам. Закономерность эта легко и отчетливо выступает, если цифры переведем на графики.

Если на оси абсцисс отложим рост солдат в дюймах (классы роста), а на оси ординат число солдат, приходящееся на каждый класс и соединим точки пересечения перпендикуляров, восстановленных из отмеченных на осях координат точек, то получим кривую, равномерно спадающую справа и слева. Вершина ее отвечает среднему классу. Подобная кривая получила название вариационной кривой. Она может быть охарактеризована средней величиной вариации, которая часто совпадает с вершиной кривой, и отклонением от средней величины.

Подобному статистическому исследованию можно подвергнуть вариацию любого признака, поддающегося количественной характеристике.

С особенной полнотой подобное статистическое изучение изменчивости было проведено Гальтоном. Для нас, однако, интересны не самые закономерности в явлениях изменчивости, а попытка использовать их для проверки явлений наследования, без которых трудно себе мыслить эволюцию. Эту попытку прежде всего сделал Гальтон. Особенно демонстративны его исследования на душистом горошке, на котором он учитывал диаметр семян; последний колебался от 0,15 до 0,21 английского дюйма. Все семена в отношении этого признака были разбиты на 7 классов: 0,15; 0,16; 0,17; 0,18; 0,19; 0,20; 0,21.

Средний класс—0,18.

Выразив средний класс (0,18) для удобства расчета через 100, мы получим для всех остальных классов следующие значения: 83—89—94—100—106—111—117.

Семена каждого класса были высеяны отдельно. С выросших из них растений были вновь собраны семена, и для каждой дочерней группы отдельно были измерены диаметры семян и вычислена их средняя величина.

Сличение размеров родительских семян со средней величиной дочерних семян для каждой группы в отдельности позволяет видеть, в какой мере наследуются потомством признаки их родителей.

Если бы вариационные отклонения от средней величины не наследовались, то потомство любого материнского класса (от 83 до 117) должно было бы иметь среднюю величину, подобную средней величине материнских семян, т.е. 100.

Величина материнских семян.	Средняя величина семян у их потомства.
83	94
89	98
94	96
100	100
106	98
111	106
117	107

Для удобства приведенную таблицу можно заменить другой; в этой второй таблице указана лишь степень отклонения от средней величины.

Степень отклонения от средней велич. у матер. семян.	Отклонение средней велич. семян у их потом- ства.
-17	-6
-11	-2
- 6	-4
0	0
+ 6	-2
+11	+6
+17	+7

Если бы вариационное отклонение от средней величины наследовалось полностью, то потомство каждого класса должно было бы среднюю величину иметь подобной классу родителей, т.-е. потомство первого класса должно было бы иметь среднюю величину—83, второго—89 и т. д. Таблица 2-я показывает, что отклонение от средней величины наследуется потомством, но не полностью.

На основании ряда исследований на различных животных и растительных объектах Гальтон формулировал закон регрессии или возврата, который гласит, что, если родительские особи обладают отклонением от нормы, то часть последней наследуется, другая же часть исчезает (возврат к средней величине). Должно быть совершенно очевидным, какое веское обоснование нашли взгляды Дарвина о возможности передачи по наследству незначительных изменений в количественных расчетах Гальтона.

Однако, необходимо помнить, что статистические методы обладают большой остротой лишь в том случае, когда они оперируют, по возможности, с однородным материалом.

Датский биолог Иогансен подверг сомнению чистоту гальтонова материала. Последний оперировал со случайными семенами неизвестного происхождения и, во всяком случае, неизвестной наследственной потенции. Внешнее же сходство ни в коем случае не может быть показателем однородности наследственных качеств. Возьму простейший пример: при скрещивании расы гороха с желтыми семенами с расой, у которой зеленые семена, в первом поколении образуются растения с желтыми семенами.

При внешней оценке семена этого первого поколения пришлось бы соединить с желтыми семенами одного из родителей. Однако, несмотря на свое внешнее сходство, желтые семена родительской расы и дочерней значительно разнятся по своей наследственной потенции, что легко обнаружить при их разведении путем самоопыления. Первые будут производить лишь желтые семена, вторые же на каждые три желтых будут давать одно зеленое.

Иогансен для проверки выводов Гальтона остановился на фасоли, которая представляет ряд удобств для подобного рода опытов.

Основной задачей Иогансена было избежать неоднородности материала, которая совершенно очевидно имела место в опытах Гальтона. Чтобы избежать подобной неоднородности в смысле наследственных задатков, Иогансен решил остановиться на потомстве лишь одной особи, при чем на потомстве, полученном путем самоопыления.

Потомство подобной самооплодотворяющейся особи Иогансен назвал чистой линией. Иогансен собрал с ряда растений, полученных путем самоопыления, семена и подверг их статистическому обследованию по признаку их веса, в пределах каждой чистой линии отдельно.

Каждая чистая линия показывала свою вариационную кривую со своим максимумом, минимумом и своей средней величиной.

В скрещенной и упрощенной форме результаты могут быть переданы в форме следующей таблички:

Вес семян фасоли в сантиграммах.

Линия.	Наимень- ший.	Средний.	Наиболь- ший.
A	35	64,2	90
B	25	55,8	85
C	35	55,4	80
D	25	54,8	75
E	25	51,2	70
F	25	48,2	75
G	20	46,5	80
H	20	45,5	65
I	15	45,4	65
J	20	45,0	65
K	20	44,6	70
L	20	42,8	65
M	10	40,8	65
N	10	35,1	50
O	25	45,3	70
P	20	49,2	65
Q	25	45,5	60
R	20	48,9	65
S	30	50,6	65
Весь материал.	10	47,9	90

Когда Иогансен отбирал класс низкого значения из всего «населения», т.-е. из всего материала, он мог наблюдать, что потомство подобного класса (напр., с весом в 10 сгр.) частично наследовало отклонение от средней величины (47,9), что находилось в полном согласии с опытными данными и выводами Гальтона.

Если же Иогансен отбирал и высевал какой-либо класс в пределах той или другой чистой линии, даже класс с максимальным отклонением от средней величины, например, 1-ый класс из линии A с весом в 35 сгр., или последний класс с весом в 90 сгр., то он всегда без исключения

наблюдал, что потомство этих уклоняющихся особей имело среднюю величину, подобную средней величине родительского вариационного ряда, т.-е. в линии *A*—вес в 64,2 сгр. В пределах любой чистой линии получался тот же результат. Так, например, в линии *M* любой класс, даже с весом в 10 сгр., давал потомство, средняя величина которого была около 40,8. Т.-е., другими словами, отбор в пределах наследственно однородного материала, в пределах чистых линий, не может повести или способствовать образованию новых типов организации, т. к. вариационные отклонения оказываются не наследственными. Даже у крайних отклонений наблюдается полный возврат к типичной для этой линии средней величине.

Однако, возникает вопрос, как объяснить различие в результатах опытов над чистой линией и всем населением. Почему в одном случае наследования нет, в то время, как в другом случае оно, как будто, есть. Иогансен разъяснил это кажущееся противоречие. По Иогансену, отбор в случае работы со смешанным материалом ведет к тому, что экспериментатор отбирает некоторые из чистых линий, входящих в состав населения. Так, например, если из общего населения фасоли исследователь отбирает для посева семена с весом в 10 сгр., то он фактически выбирал из общей массы семена лишь двух чистых линий—*M* и *N*. Средняя первой из них—40,8, второй 35,1, т. е. ниже чем средняя всего населения—47,9.

Создается представление, что наследуется отклонение, когда в действительности произошел лишь отбор линии с меньшей средней вариации.

Естественно, что при подобном понимании результатов Гальтона и исследований Иогансена можно было ожидать, что отбор и в пределах сложного «населения» должен иметь свой недалекий предел, после которого никакой отбор не может дать наследования уклона. Предел этот должен наступить тогда, когда будут отобраны особи чистой линии с наименьшей или с наибольшей средней вариацией. В опытах со всем «населением» Иогансен убедился, что эти ожидания оправдались.

Действительный в первых поколениях отбор привел к выделению семян, которые при дальнейшем разведении перестали обнаруживать наследование отклонений от средней вариации.

Из своих остроумных и продуманных исследований Иогансен делает вывод: «Подбор только отбирает представителей существующих типов; эти типы отнюдь не создаются им постепенно—они лишь отыскиваются и изолируются».

Вывод не совсем в пользу Дарвина. Эволюция очевидно осуществляется не наследованием варьирующих признаков, а наследованием внезапных скачкообразных изменений.

III.

Человеческую мысль тревожит не только вопрос о жизни и смерти или о происхождении мира с его земным растительным покровом, причудливым животным населением и самим человеком. С неменьшей требо-

вательностью заявляет о себе проблема развития каждого индивидуума в отдельности. Откуда и какими путями и силами возникает хотя бы человек в утробе матери. Из каких, в начале невидимых, элементов создаются его органы. Какие силы создают головастика, из икринки лягушки, а затем превращают его в бесхвостую взрослую особь.

Аристотель полагал, что гусеницы возникают из гниющей садовой земли или растений под влиянием росы, а угри — путем гниения тины рек. В Библии есть рассказ о возникновении пчел из трупа льва, а Вергилий повествует о рождении роя пчел из внутренностей павшего быка. Знаменитый алхимик XVI века ван-Гельмонт дает рецепт получения мышей в сосуде с зерном и грязными тряпками.

Еще в 1687 г. в сочинении «*Micrographia curiosa*» фон-Ахен дает изображение лягушки, созданной из майской росы.

Широко распространена была уверенность, что черви возникают из гнилого мяса, а мыши из грязного белья.

Современник Петра Великого св. Дмитрий Ростовский писал:

«В корабле Ноевом не бяху такожде та животна, якоже от земные влаги, от блата и согнития родятся, якоже мыши, жабы, скорпии и прочая пресмыкающаяся по земли: и черви различни, жуки жи и хрустия и пруди; и яже от росы небесные зачинаются комары и мшицы и иная тем подобная, та вся потопом погибоша и паки по потопе от таковых же веществ родишася».

В половине XVII века итальянский ученый Реди поставил простой опыт. Он прикрывал мясо в сосудах тонкой кисеей и убедился, что в этом случае никогда в мясе не заводились черви, хотя мясо и загнивало. Если же мясо оставалось неприкрытым кисеей, на него садились мухи и откладывали белые яички, из которых и выводились черви.

Несколько позднее Валиснери и Своммердам столь же простыми и убедительными опытами показали, что нет никаких оснований утверждать, будто самопроизвольно из гниющей листвы, коры, земли или иного сора могут возникать насекомые.

Опытами итальянских ученых вера в возможность самозарождения сложных животных была разрушена.

Наряду с этим, в седые времена древних веков от наблюдательных глаз не ускользало, что молодь многих животных образуется из отложенных самкой яиц, которые нередко называются икрой. Из икринок яиц развиваются лягушки, рыбы, змеи, черепахи, птицы, муравьи, пчелы, мухи, черви и т. д., и т. д. У одних, как напр., у птиц, яйца велики, у других же, как например, у насекомых, они мелки, но в существе происхождения животных несет следы общности.

Когда в XVII веке было выяснено, что и у четвероногих животных, как лошадь, корова, собака, кошка и т. д. и даже у человека, зародыши развиваются из яичек, которые только не откладываются наружу, а

задерживаются в утробе матери, где и развивается плод, в науке окончательно утвердилась мысль: *omne vivum ex ovo*, т.-е. все живое из яйца.

Однако, в связи с этим выводом неизбежно возникли два недоуменных вопроса.

Первый из них,—как из яйца или икринки, округлого комочка слизи может возникнуть сложно организованное животное? второй—к чему же сводится участие самца, который необходим для зарождения, если яйца образует только самка?

На первый вопрос ответ был найден.—Готовы были думать, что уже в яйцеклетке заключается маленькое сложно построенное существо, которое во время развития лишь растет.

Большее затруднение возникло в связи с вопросом о смысле участия самца.

В конце XVII века ответ, казалось, был найден. В 1677 году голландский студент Гамм, рассматривая в изобретенный незадолго перед тем микроскоп мужскую половую слизь, нашел в ней массу оживленно копошащихся телец с длинными хвостиками. Другой ученый, Горштекер, вскоре опубликовал, что он разглядел в каждом из этих телец образ маленького человечка с огромной головой, со сложенными на груди ручками, поджатыми ножками и длинным хвостиком. Казалось ясным, что животное может развиваться из яйца или икринки, которые образуются у самки после того, как в нее проникает образующийся у самца микроскопический зародыш.

Вскоре, однако, сделалось очевидным, что человеческие формы у подвижных существ из мужской половой слизи являются плодом горячей фантазии Горштекера, принявшего «чаемое и ожидаемое за сущее». В хорошие микроскопы было видно, что ничего общего нет в организации этих подвижных телец со строением взрослого организма.

В связи с этим часть ученых готова была считать открытие в половой слизи тельца за случайно туда попавших паразитов, подобных инфузориям.

В 1780 г. ученый итальянский аббат Спалланцани получил искусственным путем у самца собаки половую слизь, отделил при помощи тонкой густой кисеи жидкую часть половой слизи от подвижных телец и ввел при помощи шприца одной собаке во влагалище только жидкую часть половой слизи самца, другой же подвижные тельца.

Первая собака осталась бесплодной, вторая же, получившая подвижные тельца, забеременела и принесла 3-х здоровых щенят. Смелый опыт Спалланцани решил вопрос. Подвижные тельца из мужской половой слизи (сперматозоиды) необходимы для оплодотворения. Без них развитие плода невозможно.

«Я не могу оторвать своего умственного взора, полного изумления, когда думаю о будущем, которое предстоит тому, что мною открыто и здесь описано»—говорит по поводу своего опыта Спалланцани.

Лишь в 1875 году Оскар Гертвиг непосредственно под микроскопом увидел слияние сперматозоида с яйцом морского ежа, за чем последовало развитие зародыша из такого оплодотворенного яйца.

В 1886 г. случайным опытом Тихомиров и в конце XIX-го и начале XX-го века Лёб, Делаж и другие планомерными опытами показали, что сперматозоид может быть заменен химическим реактивом: поваренной солью, масляной кислотой и тому подобными веществами. Яйцеклетка, предварительно не слившаяся со сперматозоидом, может начать развитие в зародыше под влиянием этих химических веществ.

С таинственного, казалось, специфически жизненного процесса оплодотворения (слияния яйцеклетки со сперматозоидом), таким образом, был сорван полог мистики и столь же удачно, как и во многих других областях жизни, применен тонкий и точный анализ физико-химии.

Загадка оплодотворения получила почти-что исчерпывающий ответ. Но осталась еще загадка развития зародыша из оплодотворенной яйцеклетки. Она стоит перед нами во весь свой рост до настоящего времени.

Бер показал, что представление будто в яйцеклетке уже заложены будущие формы живого существа не имеют никакой почвы под ногами. Бонье похоронил себя под тяжестью своей логики Евы, носящей в своей утробе все произошедшее от нее человечество.

Бонье, логически развивая эту идею, должен был прийти к выводу, что у праматери Евы было заложено в микроскопической форме все существовавшее после нее и ныне существующее человечество.

Всякая яйцеклетка представляет собою по внешнему виду несравненно проще построенную форму жизни, чем взрослое животное.

Органы возникают заново из почти однородной по внешнему виду коллоидной среды.

Здесь расположены главные позиции современной биологии. Здесь же нашли убежище последние остатки еще воинствующего, но уже выродившегося витализма.

Твердая поступь научного анализа и здесь, однако, уже сделала свое дело.

Мы не знаем с исчерпывающей полнотой тех сил, которые определяют развитие животного из яйцеклетки, но мы уже частично научились управлять этим развитием, ускоряя или замедляя его, или хотя бы превращая формы самца в формы самки и обратно.

Штейнаху удалось достигнуть превращения признаков пола у морских свинок и крыс, Гуделю и мне—у кур.

IV.

Выше мы остановились на трех основных потоках биологического исследования; один из них ведет к познанию функций живого организма, второй вскрывает пружины и пути развития жизни на земле, третий, дает

представление о причинах изменения форм и функций в процессе индивидуального развития.

Есть, однако, еще одна область биологических явлений, которую нельзя обойти молчанием. Я имею в виду сферу так называемой психической жизни. Ее исстари противопоставляют тем явлениям, которые были предметом рассмотрения на предшествующих страницах. И нас не может не поражать подобное противоположение.

Когда мы наблюдаем дыхание организма или иную его функцию, когда изучаем последовательные стадии в индивидуальном развитии или в процессе образования пород домашних животных и видов, мы пользуемся впечатлениями, достигающими нашего сознания через глаз, ухо, тонко чувствующую кожу, орган обоняния или орган вкуса; другими словами, мы оперируем с впечатлениями, полученными через посредство наших внешних органов чувства.

Но, наряду с этим миром впечатлений, черпаемых извне, мы каким-то особым путем, без участия органов чувств, особым «внутренним оком» сознаем себя. Пути познания себя без посредства органов чувства совершенно особенные пути и совершенно не похожи на пути познания мира внешнего.

Замечательно, однако, то, что мы имеем смелость утверждать, что подобная же психическая жизнь, познаваемая через самонаблюдение, присуща и другим живым существам из внешнего мира.

Наблюдая Ивана Ивановича или Петра Петровича, я вижу лишь их физическую оболочку; я в состоянии, пользуясь своими органами чувств, изучить их строение, функцию их органов и изменение последних в течение их индивидуальной жизни. Их же психической жизни я не могу ни видеть, ни слышать, ни осязать. И, однако, я уверен, что она ему присуща.

Уверенность эта покоится на заключении по аналогии. «Он организован так, как и я, следовательно, ему присуще то, что и мне».

Этот путь познания психической жизни по аналогии, казалось бы совсем иной, чем путь непосредственного познания физических явлений окружающего мира при помощи органов чувств.

В пределах изучения человека путь этот шаток, но законен, т. к. мы хорошо знаем, что в сходных условиях процессы протекают сходно; поскольку один человек похож на другого, постольку мы вправе ожидать, что сходна в них и психическая жизнь.

Путь этот, заключения по аналогии, становится, однако, совсем опасным, когда мы переходили к изучению жизни животных. Иная организация собаки дает полное основание ожидать, что ей присущи иные формы психической жизни, но об их природе мы лишены оснований судить по аналогии с собой.

Последнего затруднения не знали древние века и малокультурный человек настоящего времени. По аналогии с собою человек щедро награ-

ждал душами не только живые, но и мертвые предметы и приписывал им человеческие черты, мысли, желания и чувства.

Однако, и на путях изучения поведения животных, за которым как бы скрывается психическая жизнь, биологическое исследование неуклонно и с успехом двигается от наивного наблюдения и спекуляции к точному наблюдению, и от последнего к гетевским «винту и рычагу», т.-е. к опыту.

Русский физиолог И. Павлов, изучая деятельность пищеварительных желез и среди последних, между прочим, слюнную железу, прибегал к следующему методу. Он хирургическим путем выводил проток слюнной железы наружу, на щеке. Когда собаку кормили, отделялся секрет слюнной железы, но попадал он не в рот, а наружу. По тонкой трубочке его можно было собирать в пробирку.

Отделение слюны при кормлении носит в физиологии название рефлекса: вкусовое раздражение с языка по чувствующему нерву передается в центральную нервную систему, а оттуда по центробежному нерву передается возбуждение в слюнную железу, которая и побуждается к деятельности. Система же, состоящая из воспринимающего раздражение органа чувства, центростремительного нерва, нервного центра, центробежного нерва и действующего органа получила название рефлекторной дуги.

Павлов в течение своей работы мог убедиться, что в иных случаях отделение слюны может последовать и без подкармливания.

Например, уже при появлении кормящего лица, у собаки начинается секреция. На первый взгляд секреция беспредметная, в отсутствии первого звена рефлекторной дуги, подобно тому, как в памяти может возникнуть знакомый образ, хотя он и не действует в настоящую минуту на глаз.

При ближайшем рассмотрении вопроса, однако, оказывается, что отделение слюны у собаки совершается не случайно и не без первого звена рефлекторной дуги. Отделение слюны совершается при появлении кормящего лица и лишь после того, как это лицо предварительно многократно кормило эту собаку.

Выходит так, как будто зрительное впечатление от кормящего лица может заменить в известных условиях вкусовое раздражение с языка. И это только в том случае, если подкармливание продолжительное время перед тем сопровождается (или сочетается) с соответственным раздражением, скажем, глаза.

Отделение слюны после вкусового раздражения языка следует у животного с момента его рождения. Это врожденный рефлекс. Павлов его назвал безусловным рефлексом. Агент, вызывающий раздражение вкусовых органов языка, напр., мясо, может быть назван соответственно этому безусловным раздражителем. Тот же раздражитель, который после многократного сочетания (одновременного действия) с безусловным раздражителем может затем его заменять, назван Павловым условным раздражителем. Весь же рефлекс в целом, когда первым звеном его является не без-

условный (мясо), а условный раздражитель (образ кормящего лица) получил название условного рефлекса.

Многолетними систематическими исследованиями Павлов со своими многочисленными сотрудниками показал, что безусловный раздражитель может быть заменен разнообразнейшими условными раздражителями. При многократном кормлении собаки в сопровождении звука определенной высоты, или света определенной окраски (напр. красного), или почесывания спины в определенном месте, или даже нанесения раны в одной и той же области, можно позднее вызывать слюноотделение без кормления, только заставляя звучать камертон, почесывая спину или нанося рану.

Этот-то загадочный и чудесный механизм Павлов и предлагает использовать для точного научного физиологического исследования психической жизни животных и их поведения.

Допустим, у нас возникает вопрос, в состоянии ли собака различать звуковые тона различной высоты, например, может ли она отличить *до* от *ре*, или *ми* от *ля*?

Путь старой зоопсихологии, больной антропоморфизмом, идущей путем аналогии с человеком, бессилён дать ответ. Метод Павлова даёт возможность ответить на этот вопрос.

— Во время подкармливания собаки в течение некоторого времени поддают звук определенной высоты, скажем—*до*. Позже этот звук—*до* будет вызывать отделение слюны без подкармливания. Возникает вопрос, будет ли совершаться слюноотделение, если взамен *до* мы поддадим тон *ре*?— *Ре* не может заменить *до*. Собака различает эти тона.

Тот же метод мы можем применить к анализу вопроса, отличается ли животное красный цвет от зеленого или один запах от другого и т. д.

Павлов ставит предметы на свои места.—Нам доступно лишь поведение животных, слагающееся из простых и сложных рефлекторных актов. Их можем мы учитывать при помощи наших органов чувств, показаниями которых пользуется естествознание.

Применение в зоопсихологии понятий, выработанных на человеке в процессе самонаблюдения, по меньшей степени, рискованно с научной точки зрения и мало производительно.

Необходим, по возможности, строго-объективный физиологический учет поведения животных. Последний же учит нас тому, что животное представляет собою чудесной сложности механизм, в котором нет места душе и воле, как нет им места и в пределах человека.

Мы набросали пути, по которым разворачивается научная биологическая мысль на протяжении веков. Если внимательно всмотритесь в эти пути, вы заметите,—какую бы область знания мы не взяли, человеческая мысль; вначале опираясь на наивное наблюдение, бьется в тенетах мистики и фантазии, затем переходит к строгому наблюдению и, наконец,

к точному научному опыту. Вот почему историю знания можно выразить кратко формулой: от фантазии и умозрения к строгому наблюдению, от наблюдения к опыту. От формы к функции; от внешних проявлений к глубокому физико-химическому и математическому анализу, от мистики и предрассудков наивного витализма к строгому анализу последовательного механистического толкования. И повсюду от качества к количеству. Мы можем смело сказать, что современная биология развивается под знаком цифры и эксперимента. «Винтом или рычагом» человек стремится исторгнуть ответ из живых и мертвых вещей.

Стройная картина развития биологической мысли, которую я пытался набросать на этой лекции, есть лишь схема—костяк истории, продемонстрированный на трех основных потоках биологического исследования. Их можно видеть с птичьего полета в смелой исторической перспективе.

Живая жизнь нередко, или даже всегда, выглядит иначе. Когда мы подходим вплотную к исследованию какой-либо проблемы, спускаемся в гущу научной мысли, входим в лабораторию текущей работы, мы далеко не всегда находим стройные формы исследования, ясную формулировку проблемы, ясный взор в будущее.

Гораздо чаще кристаллическая форма достигается лишь в результате многочисленных исканий, неудачных попыток, случайных счастливых открытий.

Это работа ощупью, впотьмах.

Но не следует забывать, что лишь тот, кто работает с открытыми глазами и во тьме может использовать внезапный блеск открытого факта или метода, чтобы из рассеянных, разрозненных частей построить целое.

Цель наших лекций—давать не только законченное, кристаллическое, но и сырой материал—аморфное, из которого еще только предстоит создать формы. Наша же общая задача не смотреть и любоваться кристаллами, а принять участие в их кристаллизации.

В этом поэзия научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Иван Мукосеев.

КРАСНОАРМЕЙЦУ.

Кому сегодня, кому
Отдадим вдохновений звенящую медь?
Не часовому-ль нашей Коммуны
Будем песни весенние петь?

Поэты!—чьи слова, как алмаз!
Разве забудем революций пожар мы?
Все, что лучшее в сердце у нас—
Несите сегодня в казармы!

Разве Красный солдат
Нам не брат?
Разве не был он в дни умирающей тьмы
Таким-же поэтом, как мы?

Октябрь, Украина—в чьих сердцах не поют?
А Кремль? А Красная Пресня?—
Разве это—не творческий труд?
Не вдохновенная песня?.

Шинель. Обмотки. Шлем.
Винтовка—к изголовью...
Да, здравствует автор бессмертных поэм,
Написанных кровью!

И ИСКУССТВО.

Н. КОЧКУРОВ.

ЗЕЛЕНЯ.

I.

Слободка куталась в пыльный дымный вечер. По размытой дождями и разворванной мостовой гремели долгуши ломовиков, дребезжали пролетки. На дороге ребятишки играли в белых—красных. Белые скакали на палочках, размахивали плетями. В их головы красные бросали бомбы—пакеты набитые пылью.

От тюрьмы к слободке через обширную площадь шли кучки ребят и девчонок с макаронной, со спичечной, с конфетной фабрики Гребезова. Перешучивались, пересмеивались, кричали припевки.

На пороге собственной хибарки Николай Семеныч Рулев—страстный голубятник и рыбак—чистил еще не уснувших язей.

Жена Евдоха подсиняла и, шаркая опёрками, развешивала по двору белье.

Рулев выпрямил спину, с присвистом засопел потухшей трубкой и не сказал, а пропел, по своей привычке.

— Ма-ать, самовар поставь-ка, пор-а.

Уставшая Евдоха обернулась от забора и через плечо зло крикнула.

— Ай уморился на крыше-то сидемши?.. Ай прикажешь разорваться?—у меня не десять рук.

В калитку ввалился, блаженно улыбаясь, портной Митька Луковка и захлебываясь пьяной икотой, сообщил:

— Шабаш, Семеныч, сматывай удочки... Вай-на! Красные бегут—выковыриваются. Вот-вот казаки нагрянут.

Рулев отложил в сторону последнего распотрошенного подуса и поднял бороду.

— Звони больше.

— Х-ха, звони!.. Грю справедливо, чичас из города—все знают; портной, размахивая рукавами, убежал в глубь двора раззванивать новость—говорят, казенки откроют.

Дочери в этот вечер не дождались. Чайничали вдвоем со старухой на вольном воздухе на дворе, под чахлой березой с оборванными на веники ветвями.

— Куда бы она, ведьма, запропастилась?

— Молода, глупа, еще чего доброго за этими товарищами увяжется.

— Сломит голову.

— Охо-хо.

Евдоха украдкой смахивала мутную слезу и поминала Казанскую Заступницу.

Ночью в город нахлынули белые. Всю ночь в городе гремели выстрелы.

Домой Ольга пришла поутру. Сбросила дырявый рабочий фартук, умылась и в дровянике на свежих стружках завалилась спать.

II.

Сызмальства Ольга в работу втянулась. То на поденку бегала, то с матерью стирала, за пятиалтынный в день в кровь сбивая руки. Года подоспели—и на фабрику поступила.

Дальше—больше.

Начала на вечерние курсы бегать; а к тому времени, когда в город пришли денкиницы, она состояла уже в комсомоле.

Все живое ушло в подполье: тысячи маленьких рук упорно подготавливали большую победу. Ольге поручили небольшой участок, объединявший до дюжины семей рабочих, отступивших в рядах красной дружины.

Аккуратно, каждые две недели Ольга бегала по адресам, которые навздевала на память. Раздавала маленькие запечатанные конверты с деньгами. Как могла, успокаивала плачущих женщин, не забывала оделить конфетками ребятишек. Суетливая, как воробей, мчалась по улицам, ныряла в кривые переулки, проваливалась в прорехи калиток, в черные пасти подвалов.

Бедовая, горловая девка Ольгунька—страсть. Ни из рук, ни из зубов никогда ничего не вырывалось. Казак—не девка. В работе ли, на погулянках ли—всегда за коновода ходила. Вертелки с фабрики Гребезова, макаронщицы да и все девченки мельничного курмыша,— все за ней хвостом стлались: шу-шу-шу да шу-шу-шу: это как, да это эдакли?

Слободские ребята про Ольгу и ее миленка—пекаря Кольку Рыжова пели.

Колька с Ольгой одной крови
 Это пара голубей,
 Губки алы, черны брови,
 Хоть родная мать убей.

И огневая девка,—и башковатая, а вот поди ж ты: с давних пор не в ладах жила с родными, кровными стариками; все жители двора Петухова не мало тому дивились.

Стар да мал—что вода с огнем: друг от дружки топырятся.

Вечером придет Ольга с работы, примутся бывало вдвоем дочь пилить—дым в облака.

— Ольга, где ночами шляндаешь, какими такими делами займашься?..

— Мое дело.

Евдоха подпрыгивала.

— Твое? Дотанцуешься, девонька, в собачий ящик попадешь. Вон нонче на базаре шестеро висят и языки высунули... А за што? Все за политику.

— Моя шея—моя и забота.

Мать плакала и сам кряхтел.

— Ох, ведьма, узнаю, што с товарищами возяшься—башку оторву, на помойное ведро приспособлю.

Ольга спохватывалась.

— Што вы, родненькие, стекла битого обожрались—эдакое порете.

— Собачья огрыза.

— Холера дохла.

Получки ждали, как светлого дня. Через субботу во вторую приносила девка денежки. Пересчитает старик бумажки, на кучки разложит: в какую дыру, скоко сунуть: это на корм голубям, это на новую сетку. У самой по домашности прорех много—тут недостаток, там недостаток.

— Што мало? где еще сороковка?—спросит бывало.

— Два дня не выходила на работу, да вот—книжечку купила.

Наохлится, как старый дудак в ненастье, заворкует:

— Токо деньги на ветер бросать твое дело, нет-бы, где каждую копейку домой тащить. Все дурь на уме-то...

— Халява,—поддакнет и мать...

III.

Нашла раз Евдоха в чулане в бросовом ящике листков сувой. За селедочий хвост дала прочитать пьянчужке портному Митьке Луковке. Листки-то оказались про забастовку: все так и ахнули...

Вот так Олюшка, вот так тихоня, вот так гулинька. Считали—высчитывали, кидали—прикидывали: в кого-бы такая уродилась. Ни мать, ни отец такими делами не занимались, да и родня, будто не слышать. Правда, сам старик Рулев в молодости разочка два переночевал в клоповке, но как попамши туда в пьяном состоянии и совсем даже, упаси бог, не за темные дела.

Пришла в тот вечер девка с работы и по своей бабьей специальности сейчас—ширк к рукомойнику. Ужинать села. Старики так в нее и воткнулись, как шилья в колодку.

— Стерва ты, кудлата стерва.

— В ривальюцию ударилаась.

— Не говори, бат.

— Ни бога, ни царя, ни виновного козыря.

Ольга сразу не сообразила в чем дело и, захлебывая круто посоленный хлеб гороховым супом, просто спросила.

— Чего вы раскудахтались?

Евдоха, забыв о своих шестидесяти годах, вихрем подлетела, замахала перед лицом дочери листками. Горьким упреком и страхом задрезжал ее голос.

— Ох, сука, молода еще родителей-то за нос водить. Аль под цинкову крышу нас хочешь на старости лет засадить? Голубонька, аль те не мил вольный свет?

— Не живется в тепле в суше, за выработку правов взялась, хресьян вздумала жалеть, рабочих, а мать с отцом ни жалко.

— Брось, тятя.

— Бросить-то бросим, да не знай—кто подымать будет. Прогонят вот с фабрики, ежели про „это“ узнают... Тогда не взыщи, покормил я тебя, потянула из меня жилы—будет... Тогда штоб и нога твоя на порог ни ступала. Тогда вот иди—они тебя пожалеют, что-ли, рабочие да крестьяне-то...

— Ни в чьей жалости я не нуждаюсь.

Как нитка за иголкой, тянулась за самим мать: ржаво скрипела.

— У-у, нецутева башка, бесстыжи зенки. Отца то на грех наводишь—велика выросла, да ума не вынесла.

Старик бурчал и бурчал, ровно сухие грибы на бечевку нанизывал.

— С голоду подохнешь, вошь с'ест. Теперь тебе што: ешь, пьешь готовое, чужим горбом заработанное.

Ровно варом в дочь плеснул. Вскочила из за стола, ложку бросила.

— Хлебом меня не кори, свое ем.

— Взы! Вишь взрызнула! Укажи, где твое-то заработанное.

— Што орешь на отца-то, как на подвластного—подковырнет и Евдоха—а ты, сука, не огрызайся, а слушай родительского наученья..

Аль те родитель-то—лиходеи, худому научит.

— А ну вас!

— Не нукай, еще не запрягла.

— Так-то: матушка моя, ежели не хочешь родительской воле подчиняться—иди на все четыре стороны, голова-те сломить.

— Брось тятя, раззвонился, ровно соборный колокол в праздник.

Буркнет так Ольгунька да и опять молчок, только пыхтит, в книжку уткнувшись. Кремень девка—не сдаст.

Всеми мыслями и чувствами была там далеко-далеко в горах, где партизанили свои—красные и среди них миленок Колька Рыжий...

IV.

На Николу Зимнего для—ради дня своего ангела Рулев пропустил наперсточек и, возвратившись от обедни, полез на крышу чужого загонять: упал и убилися.

Евдохе осталось одно утешеньице—дочь. И мягкосердая все еще не теряла надежды поставить ее на путь истинный.

Сядет бывало ничком на краюшек узкой девичьей постели да и давай-давай в фартук сморкаться.

— Дочка, образумься. Брось ты революцией заниматься, в годы уж вышла. Обо мне, об старой подумай. Засадят, сгноят в тюрьме тебя—как я жить буду.

— Пустяки—только бывало и скажет любимое слово Ольгунька.

— Щучья ты дочь, Олюнюшка, кабы знала каково сердцу-то материнскому.

— погоди, мать, белых прогоним, тогда заживем.

Евдоха, как клушка к цыпленку, припадала к голове дочери и пугливо шептала, брызгая слюной и словами.

— Жди пока чорт сдохнет, а он еще и хворать не думал.

Так и текло, бежало времячко. Дочь вертелась, металась, горела. У старухи в мотовню старости тыкались слепые, безликие дни...

Чорт был живуч.

Морозной ночью, когда слободка спала мертвецким сном, „они“ пришли и резко, по-хозяйски, постучали.

— Эй!

Мать вскочила и, шлепая босыми ногами, заметалась по комнате, шаря спички.

— Спроси, кто это?—прошептала Ольга и вырвала у ней лампу.

Настойчивый стук повторился. За двойными промерзшими рамами хлопала нетерпеливая ругань, скрипели шаги.

— Живо отпирай, сволочь... Заперлись, иль денег много накопили?

— Счас, счас — забормотала, заторопилась старуха, накидывая юбоченку.

Ольга вспрыгнула на подпечек и улезла в дымовую трубу. Мать только и успела крикнуть ей напоследок.

— Холодно! Простудишься. Надела бы чо.

Ворвались трое. Громко стуча сапогами и звякая шпорами, прошли вперед. Вздудли свет. Блеснули погоны. Красные, обмерзшие лица шлепали губами. Оглушшая Евдоха крестилась, плакала и истуканом стояла около чела. Перерыли, повыкидали из сундуков все. Облазили подпол, подлавку, сарай и ругаясь ушли.

Проводила гостей—кинулась к печке. Покликала-покликала—Ольга голосу не подавала. Пошвыряла в трубе кочергой—нет дочки родной.

Пождала день, другой, неделю—нет Ольги. Сгинула, растаяла, как ручей в реке.

V.

С тоской леденящей, да с крупельной надеждой вглядывалась Евдоха в проходящих по улице девок.

— Пропала дочурка, совсем пропала, растаяла, как ручей в весенней реке.

Целый годик высидела старуха у окошечка заветного. Ох, долог показался этот годик, длиннее дум стариковских. Все глядела, глядела на покривившуюся калиточку—ждала...

Вот вот, мол, под'явится Ольгунька, по давнишней озорной привычке пинком распахнет дверь—влетит в светелку.

При каждом шорохе, стуке вздрагивала изболевшаяся мать. Залает ночью собака, старуха перекрестится, зачурается, в гнил угол поплюет и все ждет, ждет дочку родную.

Дни ползли, ночи кряхтя ползли, ползли недели, катились новолунья и полнолунья.

Год прождать—не мутовочку облизать—у кого хошь, сердце в груди перевернется, а у матки родной и подавно.

Горе едче сулемы.

Горючими слезами выплакала Евдоха глазыньки—ослепла. Ничего ни осталось делать, как Христовым именем побираться—пошла в куски. От горя опалела старуха. Поседевшая, как выпаренная мочалка, голова от слабости беспрестанно тряслась. Озорные, слободские мальчишки ей кличку дали:

Трясучка.

Мать не чаяла и в живых Ольгу увидеть. Пропала и пропала. Была и нету доченьки родной. Будто и не было николи.

Ладно.

Теплым, весенним днем грелась Евдоха у ворот на солнышке. Со стороны города доносились трески, бухи, было похоже, что кача-

ются и разваливаются дома. Подманила пробежавшего мимо сынишку сапожника Ваську, которого узнала по голосу.

— Васянька, чо там в городу-то делается, трещит больно страшно.

— Эх, тетеря глухая, у тебя все трещит—белые бегут, наши близко.

Через слободку в степь уходили обозы белых. Гремели телеги по выбоинам, ржали кони, глотки пьяно ревели.

Прощай лес,
Прощай дуброва,
Прощай девка
Черноброва.

Вечером того же дня сидела Евдоха с бабами у ворот—судачили.

— Гляди, гляди—Ольга идет.

— Девоньки—и то.

Старуха так и обомлела, слова вымолвить не может, сидит осовелая.

А через дорогу на перкосы Ольга бежит, каблучками стук-стук-стук-стук, на груди бант красный, на рукаве крест.

Подскочила, обняла мать, горячими губами впиалась в сухой и крепкий старухин рот.

— Дожили, мама!

— Анчутки сдохли!—подказала та, захлебнувшись радостью от близости дочери.

— Черти в воду, пузыри кверху.

— Как с облака упала.

Не могла бельмами видеть: ощупала ноженьки, рученьки, головушку—все целехонько. Обцеловала всю.

Пошли во двор под руку.

И в молодом и в старом сердце звенела радость—в каждом своя...

— Што же тебе теперь награда будет?

— Не без этого,—засмеялась Ольга,—обязательно будет.

VI.

Завертелась Ольгунька в работе, как щепка в весенней реке. Днем все бегала, ночами редко дома ночевала—заработалась. Матери не нужно было больше христарадничать ходить—домовничала.

Чувствуя около себя дочь в редкие минуты и, глотая слезы, Евдоха начнет бывало как неразведенной пилой пилить.

— Пожалела бы ты себя, чадушко. Вишь—костлява стала как вобла.

— Пустяки.

— Аль тебе слобода-то дороже матери родной, сука ты эдакая...
От работы-то лошади дохнут. Отдохнула бы трохи.

— Пустяки, мама, отдохнуть некогда—работы выше головы...

Или выберет бывало вечерок свободный, начнет просвещать мать, книжку ей почитает, расскажет что. Беда со старухой—черствая. Все новое-то в голову туго лезет—слушает, слушает да и заскрипит:

— Сорока, сорока, наговорила, как каши наварила, а есть нечего.
Смеется Ольгунька, заливается.

Так и жили старая да молодая—и близкие и далекие друг другу.

ЯК. ОКУНЕВ.

ДОНБАСС.

О Ч Е Р К И.

I.

Ротные села.

Страна черного золота. Сурово, хмуро, безлесно. Скучная равнина со складками пологих холмов, точно гигантская сморщенная ладонь. На далеком завьюженном горизонте высятся тонкие горла заводских труб и кружевные стальные плетения шахтных вышек. Низкое небо исхлещено хвостами дымов. Воздух даже в открытой степи пропитан кислым запахом каменного угля. В морщинах холмов густо засеяны белые хаты. Крытые черепицей и гонтом, они вытянулись по обе стороны дороги строгими ровными линейками, точно солдатские шеренги.

— Тринадцатая рота,—говорит кучер.—А дале пойдет четырнадцатая рота.

— Так они и называются—ротами?

— Эге! Так и зовутся.

— Откуда же такие названия?

— Бо зна! Старики говорят, что здесь были военные поселения.

Эти ровные линии деревень, носящих названия рот, выстроены по капризу железного самодура Аракчеева, который мечтал вместе с «благословенным» Александром превратить всю Россию в роты, в военные поселения с полосатыми будками, с шлагбаумами, с несмолкаемым барабанным боем; остричь всю Россию под солдатскую гребенку и выстроить ее села и деревни в ровные плацпарадные шеренги.

Но тринадцатая рота сохранила от времен Аракчеева только свою военную выправку. Село, точно в строю, стоит на вытяжку, и только на окраинах более поздние, вольные времена растрепали солдатский ранжир села и разбросали хаты, где попало. А самые последние, вчерашние и сегодняшние, советские дни, совсем нарушили военную субординацию рот: на улице — электрические фонари, в хатах — электрические лампочки.

— Электрификация? — с радостным удивлением спрашиваю я у кучера.

— Эге ж, елестричество провели в прошлом году от советской мельницы. Половина села пользуется.

Мы взлетаем на пригорок, скользим с него. Тринадцатая рота ныряет за белый горб холма и пропадает. То и дело, приходится сворачивать с дороги в сугробы. Навстречу ползут, влекомые медлительными волами, вереницы саней, нагруженных углем, на котором напудренные снежной пылью крестьяне, у которых лица черны, как у негров, от угля и только блестят зубы и глаза.

— Из своих шахтенок везут, — объясняет кучер.

«Шахтенки» — это крестьянские кустарные шахты. Колодец в несколько сажен глубины. Над ним выстроена бревенчатая клетка с деревянным валом. С вала сматывается канат, на котором кустарь-шахтер спускается в колодец и копается вглубь добывая черное золото и поднимая его вверх в бадье.

Вдали, на взлобочке, вырезывается лес труб. В воздухе дрожит рев сирены.

— От, мы уже зараз дома. Алмазная, — говорит словоохотливый кучер. — Тут я в какую хочешь завирюху найду дорогу... От, люди на обед идут.

Черные, пропыленные углем насквозь, идут навстречу шахтеры, по двое, по трое, кой-кто с лампочками в руках. Лица словно высечены из каменного угля, черные и глянцевиные как антрацит. Суровая усмешка в глазах, сверкающих из-под угольной пыли...

II.

Человек-ртуть.

Черные крылышки подбритых усов. Упорные глаза. Говорит торопливо, скачущими, сбитыми фразами, нагоняя убегающую мысль.

— Брянский рудник ударный... Надо, как на фронте. Была добыча 40 тысяч пудов в сутки. Теперь 70. Мы добьемся восьмидесяти, но болты... Вы понимаете, нам нужно десять пудов болтов.

Управляющий Брянским рудником тов. Сахаров — инженер и коммунист — вышагивает своими длинными ногами по конторскому кабинету. От стены к стене и назад. Коротенький, кругленький главный инженер Гнам сидит тут же, на табуретке и при упоминании о болтах пожимает плечами.

— А я все-таки добьюсь болтов,—отвечает на его скептическое пожатие плеч тов. Сахаров и обращается ко мне.—Болты! Всего десять пудов. Конвейеры без болтов нельзя поставить.

Я ничего не понимаю, что такое конвейеры и к чему болты. А Сахаров, бегая по кабинету, выбрасывает обрубки фраз с новыми непонятными терминами: врубовые машины, бензиновозы...

В контору входит человек красноармейской внешности, в полушубке, с красным крестом на рукаве.

— Наш санитарный диктатор,—указывает на него Сахаров.—Жилищный кризис... Скученность... Шахтеры живут по 3—4 семейства в домике из 2-х комнат. Тиф. 25—30 случаев в день. Так вот, при помощи нашего диктатора мы вывели тиф. Раз—раз!

«Диктатор» ухмыляется во все свое широкое обветренное лицо.

— Николай Матвейч,—обращается он к Сахарову.—Хочу завести каждую субботу побелку казарм.

— Дело! Белье?

— Запретил стирать в домах.

— Прачечная?

— Действует.

— Дезинфекционная камера?

— Тоже.

— Холостые рабочие?

— Отбираем белье каждую субботу и выдаем чистое.

— Дело!—товарищ Сахаров кивает «диктатору» головой. Тот уходит. И опять начинает свою беготню по кабинету и опять говорит о каких-то хвершлагах, которые надо зачем-то укрепить...

Спустя полчаса мы идем по улице рудника. Сахаров бежит вперед и говорит:

— Механизация труда. Ударный пункт. Забойщик лежит и долбит пласт. Первобытный способ. Низкая производительность. Врубовая машина—механический забойщик. Еще увидите саночника. Человек тащит, как лошадь, по породе санки с углем. Зачем? Поставим конвейера. Сжатый воздух качает желоба. Уголь сыплется из забоя в вагонетку. Египетский труд саночника на смарку.

Из этих бросков я начинаю смутно понимать, что такое врубовая машина и конвейер.

— Но болты!—опять вспоминает Сахаров.

— Скажите, на что вам нужны болты?—решаюсь я спросить.

— Как? Странный вопрос! А как же я поставлю конвейера?

Он останавливает свой бег и смотрит на меня во все глаза; и в его глазах я читаю очень нелестное о себе: экий, дескать, ты, брат, балда! Не знать, к чему болты?

А я все-таки балда и все-таки очень отдаленно и смутно представляю себе эти несчастные конвейера и отношение к ним болтов. Но Саха-

ров на мое недоумение машет рукою: дескать, вырастешь, Саша, узнаешь. И мчится дальше.

III.

Под землею.

Огромное трехэтажное кирпичное здание все в облаках пара. Оно напряженно дышет, содрогаясь и ворча невидными моторами, плюя искрами из высокой трубы. Над ним переплелись какие-то мостики; в серое небо воткнулась сплетенная из стали башня с двумя блоками; внизу, в котловине, пытит паровоз.

— Шахта № 12,—говорит Сахаров.

— Значит, у вас двенадцать таких шахт?—изумляюсь я, оглушенный, ошарашенный, придавленный.

— Почему значит? Есть еще шахта № 6.

— Ну, а остальные номера?

— Будут. Восстановим, какие нужно.

— Вы уверены?

— Мы обязаны.

— А какие нужно восстановить? Почему не все?—жадничая я.

— Убыточные надо закрыть.—Сахаров оживляется и с горячностью высказывает мысль, над которой он, как видно, много думал.—Какой толк в убыточных шахтах? Мы не можем восстановить все. Нет средств. На Донбассе было 1,400 шахт. Осталось 200. Надо закрыть еще, свернуться, не расплыть средств. Болты, например. Дайте мне болты с убыточных шахт, и я дам 80—90 тысяч пудов угля в сутки. Или бензиновозы. У нас 250 вагонеток. Нужно 500. Заказать еще 250? Когда они будут? Бензиновоз вдвое быстрее конной тяги. При двойной подаче я сделаю 250 вагонетками столько, сколько пятьюстами. Бензиновозы есть, но они на упадочных рудниках. Зачем? Свернуть! Боевой участок! Добыча будет утроена, учетверена! Все средства и весь инвентарь сжать в боевой кулак. Да!

Мы поднимаемся наверх и сразу попадаем в грохочущую темноту. Из решетчатого окошка бьет слабый свет. Глаза привыкают к темноте, и я вижу огромный люк в полу, сажень в 20 длины. В одном конце люка, под полом, качается гигантский желоб, с которого падают на движущиеся в противоположные стороны две длинные наклонные сетчатые ленты глыбы угля. У краев этих бегущих и грохочущих лент стоят работницы с железными лопатами и разгребают уголь. По рельсам с грохотом катятся вагонетки и сваливают уголь в желоб.

— Сортировочная.

Сортировочная отбирает мелкий уголь от крупных глыб. Из шахты, на клетки—род лифта—поднимаются вагонетки с углем и бегут сюда бесконечными вереницами.

Огоньки, огоньки. Они плывут со всех сторон в темноте, колеблясь и дрожа. Шахтеры поднимаются и спускаются по клетки, заткнутой в обшитый стальными полосами люк. Одна клеть поднимается, другая, парная ей, спускается. С грохотом захлопывается железная дверь клетки, с вагонетками и людьми внутри. Сигнал. Клеть проваливается в люк. Из соседнего люка вынырывает другая клеть.

На мне шахтерский костюм. В руках лампочка. Плотный, тяжело-весный заведующий шахтой, инженер Сильченко одет так же. Мы входим в клеть.

— Какова глубина шахты?

— Сто тридцать сажен,—отвечает инженер.

Клеть проваливается под ногами. Мы летим в абсолютной темноте Журчит и шлепает вода, обливая голову и плечи и затекая за воротник. Несколько секунд падения, и я вдруг чувствую, что мы летим вверх.

— Мы поднимаемся? Почему?—спрашиваю я.

— Нет. Это кажется. Перелом скоростей,—дает мне урок наглядной физики инженер Сильченко.

Клеть замедляет ход. Сверкает свет. Мы останавливаемся в ярко освещенном электричеством подземелье с бетонированными сводами и стенами, с убегающими куда-то в темноту рельсами, с выныривающими оттуда вагонетками. Где-то хрипло дышет мотор.

Из ярко освещенной подземной электрической станции мы сразу ныряем в темноту. Узкий тесный коридор, по которому приходится итти, согнув голову и плечи. У стен—подпорки. Ноги шлепают в грязи, из которой выступает стальная лента рельс. С десяток желтых глаз уставляется из далекой черной глубины на нас и плывут навстречу. Грохот. Сигнальный свист.

— Сторонитесь,—говорит инженер.

Мы прижимаемся к стенке. Мимо нас с грохотом и фырканием проносится бензиновоз с десятком вагонеток, нагруженных углем. Его грохот и фыркание замирает вдали. И опять темно, одиноко. Что-то непрестанно шипит над головою, где бежит труба.

— Сжатый воздух, накачиваемый по трубе,—объясняет мой спутник.

Мы одни идем по мрачным коридорам—хвершлагам—которые тянутся без конца, перекрещиваясь и встречаясь. Изредка вдали выплывает звездочка—огонек шахтера—и уплывает куда-то в сторону. Чувство тоскливой заброшенности, отъединенности от всего живого охватывает здесь, в 130 саженях под землею.

— Помните Жюль Верна «Путешествие к центру земли»?—спрашивает инженер.

Странно! В ту минуту я как раз мысленно делал такое же сопоставление. Мы герои Жюль Верна, пробирающиеся по подземным каналам к центру земли, к ее сердцу. Мертво, черно и пусто в подземных путях. Но они прорыты рукою шахтера—эти ходы на четверть версты вглубь,

на 2—3 версты вперед, и его рукою выбирается отсюда черное золото. Нагружаются вагонетки, поднимаются десятки тысяч пудов в день вверх.

Во мраке и тишине неожиданно рождаются певучие звуки. Они сплетаются в незатейливую песню. Кто-то поет в этом глухом подземелье. Песня приближается. Цокает ладный топот лошади. Желтый глазок плывет навстречу. Лошадь везет вагонетки, ее погоняет молодой рабочий и поет песню. Тягучую, грустную, задавленную сводами подземелья и тупо умирающую, без отголосков.

IV.

В забое.

Узкая щель в стене. Полуголый человек ползет из щели на четвереньках, таща за собою на цепи, прикрепленной к крюку на поясе, ящик с углем. Подтянул к краю щели, отцепился и стал выгружать уголь в вагонетку.

— Саночник.

— Товарищ, сколько в вашем ящике угля?

— Пудов десять.

— Тяжело?

— Мы привычны. Да к тому—здесь наклон.

— Сколько вы в день таких ящиков вытаскиваете?

— Раз на раз не приходится. Когда 4, когда больше.

Инженер спрашивает меня:

— Вы ползете в печь?

— В какую печь?

Он указывает на щель:

— Это называется печью. Здесь забой.

Мы ползем на четвереньках, прикрепив фонарики к плечу. Гладкий черный, точно лакированный потолок «печи» подпирается поленницами бревен. Издалека глухо доносится:

— Тук-тук-тук.

Огонек шахтерской лампочки. Он дробится искрами на пласте каменного угля. Забойщик лежит на боку, подогнув под себя ноги и долбит кайлом угольную стену. Увидев нас, перестал долбить. Сел. Вытирает пот рукавом с черного лица; показывает белый оскал зубов:

— Здравствуйте, Митрий Палыч,—приветствует он инженера.

— Здравствуйте.

Голоса отдаются тупо и глохнут.

— Как дела?

— Плохи нынче. Подача слаба,—отвечает забойщик.

— А вам что за дело до подачи?—интересуюсь я.—Меньше подачи—меньше работы.

Он осматривает меня и усмехается:

— Во-от сказали! Первое—мы работаем сдельно. Если мало подают вагонеток—кой черт я тут лежать буду? Второе—хорошему забойщику неловко делать малую выработку. Я двадцать лет работаю тут.

— Два-а-дцать лет! Разве мыслимо выдержать двадцать лет такой работы?—поражаюсь я.

— У нас есть забойщики, которые работают по тридцать лет,— говорит инженер.—Конечно, у них организм подорван. Миокардит и отек легких—профессиональные болезни шахтеров.

Старик-забойщик машет рукою:

— Пустое, Митрий Палыч! Докторей слушаться—перевод времени. Выпьешь—всякий макардит рукою снимет. Пра-а!

— И пьете?

— Эк! Найди-ка шахтера непьющего!

Мы ползем назад. Инженер сулит показать мне механического забойщика и саночника. Для этого надо вползти в другую печь. На полдороге я устаю и усаживаюсь на глыбу породы. Тихо. Ощущение жуткое—точно все умерло, и я в темной могиле.

— Тук—тук—тук!—доносится издали.

Это «тук—тук» ободряет. В мертвом подземелье стучится жизнь, буравит ходы.

У входа в новую «печь» качается желоб, с которого сыплется в вагонетку уголь. Это и есть конвеер, заменяющий адский труд саночника и приводимый в движение сжатым воздухом. Забойщик в конце забоя накладывает в конвеер уголь, желоб качается и уголь сползает вниз, в вагонетку. Теперь я понял, почему Сахаров не может простить того, что ему не дают болтов для конвееров.

Еще несколько минут—и я совсем перестаю быть тем балдой, каким я казался Сахарову. Я не только знаю, что такое конвеер, но вижу и механического забойщика—шахтерскую врубовую машину. Это плоская металлическая коробка, около сажени длины, в которой находится механизм, приводимый в движение электрическим током. Круглая пила врубовой машины врезывается в пласт и подсекает его. Каторжная работа забойщика механизирована.

Мы опять идем по хвершлягу—к выходу. Хочется скорее наверх. Глухие, мертвые звуки остаются позади. Клеть несется вверх. Мгновенное ощущение падения, но я уже знаю, что это перелом скоростей. Стоп. Свет больно режет глаза, хотя в помещении, куда взлетала клеть, полутемно. Тоскливая тяжесть, давившая там, внизу, тает...

V.

„ПЫЛЬ“.

Уже пахнет весной, побурели снега, и на рудниках началось падение добычи угля. Контора полна пришлыми шахтерами:

— Расчет давайте. Уходить будем.

Полуослепший старик-забойщик с презрением сплевывает слюну:

— Пыль, а не шахтеры.

Да, это пыль, осевшая в рудниках на зиму, когда деться некуда, и с первым признаком весны поднимающаяся с мест.

— Давайте расчет.

Забойщик-старик работает тридцать лет на Донбассе.

— Пыль!—повторяет он.—Что им до рудника. Я, вот, подохну, а не уйду. Вот таким был,—показывает он на аршин от пола,—в забой лазил. У настоящего шахтера душа углем пахнет. А это разве шахтеры?

Управляющий, стиснутый толпою шахтеров, разводит руками:

— Нет денег.

Шахтеры гудят:

— Расчет давай. Мы робили, а нам с декабря не плачено.

— У меня сын коммунист,—обращается ко мне старик-забойщик.—Когда белые пришли, я говорю ему: «Утекай, Гришка: убьют». А он: «Нет», говорит, «я шахтер». Месяц времени по шахтам прятался. Домой, как вор, по ночам приходил. Не ушел. Которые шахтеры на руднике родятся—на руднике умирают.

Да, шахтеры, «которые настоящие», не уходят. Их немного, одна пятая, горсточка, а остальные все народ, налетевший с разных сторон на рудники оттого, что зима, что лучшего не нашли, голодом загнанные в шахты. А горсточка шахтеров не уходит, несмотря ни на что.

Накануне, сидя на корточках в забое, старик-забойщик рассказывал:

— Голодовали мы в двадцать первом году—и-их как! Народ тысячами падал. И не уходили. Я тридцать лет работаю. Что я, кроме шахты, знаю? Ничего. Ни пахать, ни сеять. Да и люблю свое дело.

Как можно любить этот египетский труд? В угле, в слепой темноте, в кислом запахе газа, угольная пыль в'елась в кожу—не отмоешь.

— Погляди, хвершлагги эти, на полторы версты вправо, на полторы влево пробуровлены. Проточены в породе улицы, и переулочки, тупички. Все наши руки сделали, вот эти руки.

Показывает черные шершавые руки, точно обугленной корою покрытые.

С сыном его, коммунистом, я ходил по хвершлаггам, по штрекам, ползал по печам. Шахтерки наши бросали скупой кружочек света вокруг нас, а дальше была черная пустота. Сели на кучу угля. Стены заиграли звездочками, засверкали, заискрились.

— Пласт,—особым гордым голосом указал шахтер.—Десять сажен толщины.

Помолчал и повторил:

— Пласт! Врубисься в него снизу и сверху, отколешь—он отваливается весь в жилках. Золото—не уголь. Говорят, будто ученые нашли, что уголь сродни алмазу. Правда?

— Правда.—Я объяснил сродство угля с алмазом.

— Семьдесят тысяч пудов этого алмаза добываем в сутки. Шутка! Вот этими руками.

И он, молодой, показал такие же корявые руки, как у старика.

В конторе пробился он в тесную толпу шахтеров, требовавших расчет, бросив мне по дороге:

— Как я, коммунист и прирожденный шахтер, должен я сказать им пару горячих слов.

И, пробившись в середину толпы, крепко выругался:

— Мать вашу... Не шахтеры вы, а гниды, рвачи. Вам до дела никакого дела нет.

И нашел какие-то свои простые, грубоватые, но понятные им слова, переплел, перевил их крепкими выражениями и произнес маленькую речь о том, что, кроме своей шкуры, есть общее дело.

— Мы тамбовские,—возразил бородатый шахтер.—Землю подымать скоро.

И кругом загомонили казанские, самарские, херсонские, окая, акая на всех русских наречиях о весне, о земле, о деревне.

Окали, акали и разошлись из конторы, чтобы стать на работу. Доругался до их сердца-таки «прирожденный» шахтер.

А в глазах у него надлом:

— Падает Донбасс.

Вытянул эти слова из сердца, точно гвоздь из раны:

— Падает Донбасс.

Управляющий рудником показал мне колонны цифр: они сказали холодно и сухо:

— В январе и до середины февраля добыча увеличилась. Число невыходов на работу было невелико. Число выходов—18 в месяц, как требует договор. Но с середины февраля добыча начинает падать, невыходы увеличиваются.

— Почему?

Толстая кассовая книга ответила:

— Первого февраля выдача была за декабрь.

Саратовский мужик, пришедший от сохи в шахту, пояснил:

— Подают вагонетки худо, задерживают заработок по два месяца. Не расчет мазаться в угле, в шахту лезть.

А коммунист-шахтер, грустно сказавший о том, что Донбасс падает, повел меня по рабочим казармам и семейным домикам.

Голые нары. Окна заткнутые мешками, заколоченные деревянными щитками: стекол нет. На стенах—черные розетки, следы рук, измазанных углем. Казарма—четыре сажени в длину, две в ширину, а живет в ней двадцать слишком человек.

На кухне, на нарах, заваленных «барахлом», ребенок лет шести. Глаза тусклы, смотрят и не видят. На лице горячечный румянец. Мать — татарка, кухарка казармы, возится у плиты.

— Что с ребенком?

— Бульна. Шибко бульна.

— Отчего в больницу не снесете?

— Ат!

Махнула рукою.

— Что «ат»? Лечить надо.

Озлилась, руки в бока:

— Бульна. Кормить нада. На, кушай!

Сунула под нос ложку с какой-то бурдою: пшено в мутной воде.

— Корми-и? Помирай, малый. Пушай!

Семейные домики стоят на отлете от общих казарм. Шахтер открыл дверь.

— Не обессудьте. У нас воздух.

Да, воздух! Густое облако пара, пахнущее мылом и кислым бельем, вырывается из дверей. На улице золотой солнечный день, а здесь вонючая мгла. И опять ребенок. С задранной на задку рубашенкой ползает в мыльной луже на цементном полу. Изъеденный золотухой, сипит маленький старичек. В сморщенном личике большие надломленные глаза.

Над корытом согнулась старуха и, взбивая темно-серую пену, вся ушла в стирку глинисто-грязных лохмотьев. Не обернувшись, прохрипела:

— Дверь затворяй, холера.

Шахтер поднял ребенка, ущипнул двумя черными пальцами морщинистую щечку:

— Сыничка. Митя-яй! Цо-цо-цо,—защелкал языком.

Жалкое подобие улыбки на сморщенном личике.

— Черненькие мы и живем черненько,—извинился шахтер.

Четыре кровати с горой отрепьев. На мокром столе горшок с остатками прокисшей еды. Все черно, даже боги в углу, в пропыленных углеризах, точно забойщики.

Показывая прокуренные зубы, полувопросительно произнес шахтер:

— Неказисто?

— Тесновато живете.

— Это ли тесно? Четыре семьи только. В других по шести семей живут.

И, вздохнув, опять, как давеча, произнес:

— Падает Донбасс.

— Старик-забойщик, вошедший в эту минуту, иронически прищурил глаз:

— Эх ты, коммунист! Что Лазаря поешь? Не может этого никогда быть, чтобы Донбасс упал. Выберемся как-нибудь.

— А как?

— А так. Легкий народ, который с налету приходит сюда, к чортовой матери послать надо.

— На ком же держаться станем?

— На прирожденном шахтере. Собрать их всех в горсточку: работай весело.

Молодой горячо возразил:

— Прирожденными шахтерами весь Донбасс не поддержишь.

— Весь? И не надо. Барахло всякое—закрыть. А на сотню рудников нас хватит. А то, что выходит? Ни тебе работа, ни тебе получка. Д-да-а!

Я не знаю, прав ли старик, но ученый инженер, «спец», два десятка лет работающий на Донбассе, говорил то же самое:

— Три четверти рабочих пришлый элемент. К весне они уйдут, и тогда весь достигнутый эффект увеличения добычи сойдет на нет. Удержать их мы не можем: сами видите наши ресурсы. Платим через два месяца, жилищные условия ужасны, питание плохо. Основные кадры останутся, но и они распыляются.

— Что же делать, по-вашему?

— Собрать основные кадры в ударные участки Донбасса, сосредоточить все средства на них, закрыть никудышные рудники и поднимать Донбасс участками. Один хороший рудник даст больше, чем пять плохих.

«Легкого», пришлого человека удерживает в этих черных холодных казармах, на этом пшене только горькая нужда и зима. «Прирожденный» шахтер держится по традиции, но и его гонит с рудника первый подвернувшийся случай.

Старый шахтер, работавший на руднике с десятков лет, при мне пришел рассчитывать в контору.

— Как же так, Сикалев?—сказал управляющий.—Ведь, вы здесь детей вырастили. Зачем уходите?

— Невмоготу. На Парамоновский рудник уйду. Там, сказывают, аккуратнее дело идет.

С большой семьей, среди зимы, старик собрался переезжать на другой конец Донбасса.

— Пришлые бегут, а постоянные шахтеры пересыпаются с места на место,—рассказал мне управляющий.—Эта пересыпка срывает работу.

— Но ведь есть же договорный срок,—возразил.

— А мы соблюдаем разве с своей стороны договор? В феврале за декабрь выплачиваем.

И тоже, как инженер, и забойщик, заговорил о необходимости свернуть работу на Донбассе на ударных участках.

Может быть, они правы—управляющий, спец и забойщик, утверждающие, что при наших ресурсах нельзя держаться на «легком», пришлом элементе и что нужно собрать производство в кулак, сосредоточив все средства на ударных участках.

Во всяком случае, они правы в том, что с первыми лучами весеннего солнца начинается тяга с Донбасса, и рабочая сила в шахтах и рудниках тает.

— Мы деревенские. Землю подымать время.

И остается только основной кадр «прирожденных» шахтеров, которых никуда не тянет:

— На руднике родились—на руднике умрем. Души наши—и те, поди, углем пропылены.

VI.

На первом месте.

По степи бегут чугунные столбы, а на столбах ровными струнами натянуты толстые проволоки, которые, точно нотная линовка, режут серое низкое небо. На некоторых столбах наверху торчит что-то в роде гигантской железной вилки. Это не телеграфные и не телефонные столбы. По проводам пробегает ток, мощностью в 3.000 вольт, а невдалеке, по ровной ладони степи, там и сям разбросаны железные колпаки, огромные чугунные баки, витые, тонкие, кружевные башни.

В сельхозе со странным названием—Карфаген, которое, должно быть, взбрело в досужую помещичью голову, мне сказали, указывая на эти баки и колпаки:

— Соль.

У сельхоза буровая скважина. Из нее жидкой алмазной струей бьет вверх аршина на два вода. На нее нахлобучили деревянный цилиндр. Кто-то прострелил этот цилиндр, и голубовато-серебристые струи бьют двумя сверкающими куполами—один внизу, другой наверху. Соблазнился ключевой водой, попробовал и сморщился:

— Соль.

Вдоль дороги—электрические коллекторы: глубокие люки в земле, накрытые чугунными крышками. Впрочем, крышки были—а теперь их нет, и через каждые десять сажен кучер ругается:

— А щоб им печенки вывернуло! Трошки-трошки коньяка ногу не сломала. Покрали, чортовы дети!

— Кто покрал?

— Мужики, хай их бес!

— Зачем им крышки?

— Та соль, соль растирать.

Я озираю степь. Ни шахтных вышек, ни рудничных построек; только железные ермолки, круглые и остроконечные, да чугунные столбы, гудя, тычут в небо зубьями вилок.

— Где же тут соль?

Кучер ткнул кнутовищем направо—налево, в железные ермолки:

— Вот, и еще вот, и тамotka. Бежит по трубам.

— Да, соль бежит сама по трубам. Далеко отсюда, за тридцать шесть верст, мощные насосы гонят по подземным трубам воду из Донца в буровые скважины, а по другим трубам тридцать шесть верст бежит соляной раствор—рассол. Насосы гонят ее в гору, а с горы полдороги она бежит самотеком. Эти чугунные столбы с вилками дают электрическую энергию для гигантской водокачки и водонапора и для первого в России и шестого в мире содового завода.

...Ярко-белая голова горы. И склон тоже белый. Но это не голубоватая белизна снега, и глаз не чувствует снежной рыхлости и пушистости. Это мел—меловая гора. В ее грудь врублена широкая выемка. Меловой карьер падает вниз желтовато-белыми террасами, а внизу в белом меловом пуху копошатся белые фигуры рабочих.

Стык двух белых холмов размыкается, и сразу, рядом с украинской степью, с волами, с глиняными деревушками, открывается неожиданная картина, точно иллюстрация, вырванная из европейского промышленного журнала или рекламы.

Небо заткано проволокой. Она скрещивается, перепутывается в сложную сеть, режет пространство над головой вдоль и поперек. Она бежит к пирамидам и башням, сплетенным из железного кружева. Целый лес башен, идут аллеями. Под башнями местами нависла в пятисаженной высоте сетчатая проволочная дорожка.

По воздуху, держась на блоках, бегут взад и вперед по проволокам вагонетки—в одну сторону нагруженные углем, по 25 пудов в каждой, в другую—пустые.

— Воздушная железная дорога.

— Далеко тянется?

— К Скальковскому руднику, верстов десять и дале.

Черные рабочие на Скальковском руднике нагружают уголь—белые рабочие на содовом заводе, осыпанные мелом и содой, принимают вагонетки.

Пяти-шестиэтажные корпуса уходят в даль и тают в тумане и дыме. Частая роща труб, черных, красных, медных,—распускает по небу хвосты дыма. В тесноте и давке напирают друг на друга глянцевиные светлые покатоности оцинкованных крыш.

Внизу, в ложбине, по белому полотну, напудренному содой и мелом, крикливо суетятся паровозы. Лязгают цепи, плаксиво звенят буфера, остро верещат кондукторские свистки, медно поет сигнал стрелочника. Кто-то свежим, сочным голосом кричит неразборчивое что-то, в роде: «Отдай! Отдай!».

Грохот. Металлический лязг. Дружное фырканье десятков моторов. Дышат машины. Со свистом пролетают над головой вагонетки. Шипит пар.

А в воздухе кисло пахнет серой; этот запах перебивается тошноватым запахом хлора, остро несет нашатырем, и ветер, сбив тучу дыма к земле, обдает ароматом каменноугольного перегара.

Над вышкой огромного шестиэтажного здания конторы, на флагштоке, влившемся в небо, полощется по ветру кровавыми вспышками флаг. Красная вывеска гордо кричит:

— Государственный Донецкий Содовый Завод.

VII.

Красный спец.

Серая кепка—тарелкой. Лукавые черные глаза. Бритое острое лицо.

— Директор завода—Лопата.

Смешноватая фамилия, каких на Украине не мало. Украинская медлительность речи.

— Вы инженер?

— Потомственный рабочий.

Лукаво сверкнул глазом и с ленцою в голосе, словно нехотя, стал объяснять сложный химический состав продукта, сыпавшегося белым порошком с какого-то вала. Объяснил—перескочил к машине и рассказал, как она устроена, перепорхнул к вопросу о применении соды и развернул широкую картину будущности завода.

— Учились?

— С 1889 года работаю на заводе. Учился в соде.

— Откуда же у вас эти знания?

— Гм! Знания! Тоже сказали!

Рабочие говорят:

— Наш Лопата всех спецов переспечит. Практикой взял.

Яркая, красочная фигура красного директора сразу выпирает наружу. Биография: начал с мальчика-рассыльного, читал урывками, прошел все цеха, а теперь ворочает огромным заводом, живет и дышит им.

— Обратите внимание,—делает он широкий жест вокруг себя.

На это невозможно не обратить внимания. Мы стоим внизу, а над нами, справа и слева, поднимаются балконы—шесть ярусов, до самой крыши, огромные полки. И от полки к полке тянутся чугунные и железные горла труб, шевелятся стержни, сгибаются и разгибаются коленчатые суставы машин, вертятся валы, покрытые мучнистой влажной массой, свистят ремни, отплевываются паром клапаны. И на всех шести ярусах, над нашими головами, бегают и хлопочут белые, как мельники, рабочие.

— Да, это... это...

Я не нахожу слов, а «потомственный рабочий» не дает мне одуматься и тянет за рукав:

— Идем. Вот. Обратите еще внимание.

На ярусах, перевитых лестницами, со свистом бешено вертятся центрофуги, к стенкам которых налипает высушивающаяся после промывки сода—углекислая и двууглекислая.

— У нас все механизировано, начиная с подачи соли, мела и угля и кончая сыпкой готового продукта в мешки.

Огромный бак из железа, эдак в пятиэтажный дом объемом и вышиной, сыплет из жерла в мешки соду и насыпав столько, сколько надо, механически замыкает свое жерло. Откатчик откатывает полный мешок, а рабочий, стоящий у насыпки, прикрепляет стальным пояском к горлу бака новый мешок.

— На перегонке соли из буровых скважин по трубам мы выигрываем ежегодно 800 тысяч золотых рублей железнодорожного тарифа за транспорт. А воздушная тяга вагонеток сокращает рабочую силу на несколько сот рабочих рук.

Мы идем из отделения в отделение, поднимаемся по винтовым лестницам и на лифте. В глазах рябит от леса машин, во рту солоноватый вкус соды, мы напудрены с головы до ног, а тов. Лопата ежеминутно вторит:

— Обратите внимание.

Я обращаю внимание, притупленное, оглушенное количеством и силой впечатлений, на самое яркое и бьющее в глаза; остальное ускользает.

Механический цех. Визг сотни токарных станков. Золотые и серебрянные змейки металлической стружки сбегают из-под зубил.

— При чем тут механический цех, когда у вас сода?

— Обратите внимание. У нас есть и бондарный, и кузнечный, и электромонтерный...

— Но какое отношение?

— Такое. Если обращаться на сторону, кроме бумажек да волокиты, ничего не получим. А мы комбинировали. Нужны болты—извольте, сами сделаем. Нужна тара—готово. Дешевле и вернее. Обратите внимание.

Я недоумеваю, на что он обращает мое внимание, а он указывает на рабочих, согнувшихся над станками:

— Видите?

— Вижу. Работают.

— Эге, работают. Да это ж коммунисты. Обучаются. Будут квалифицированными рабочими. Стаж проходят.

Подошел к станку:

— Погодите, товарищ. Что вы делаете?

Безусое лицо оторвалось от станка:

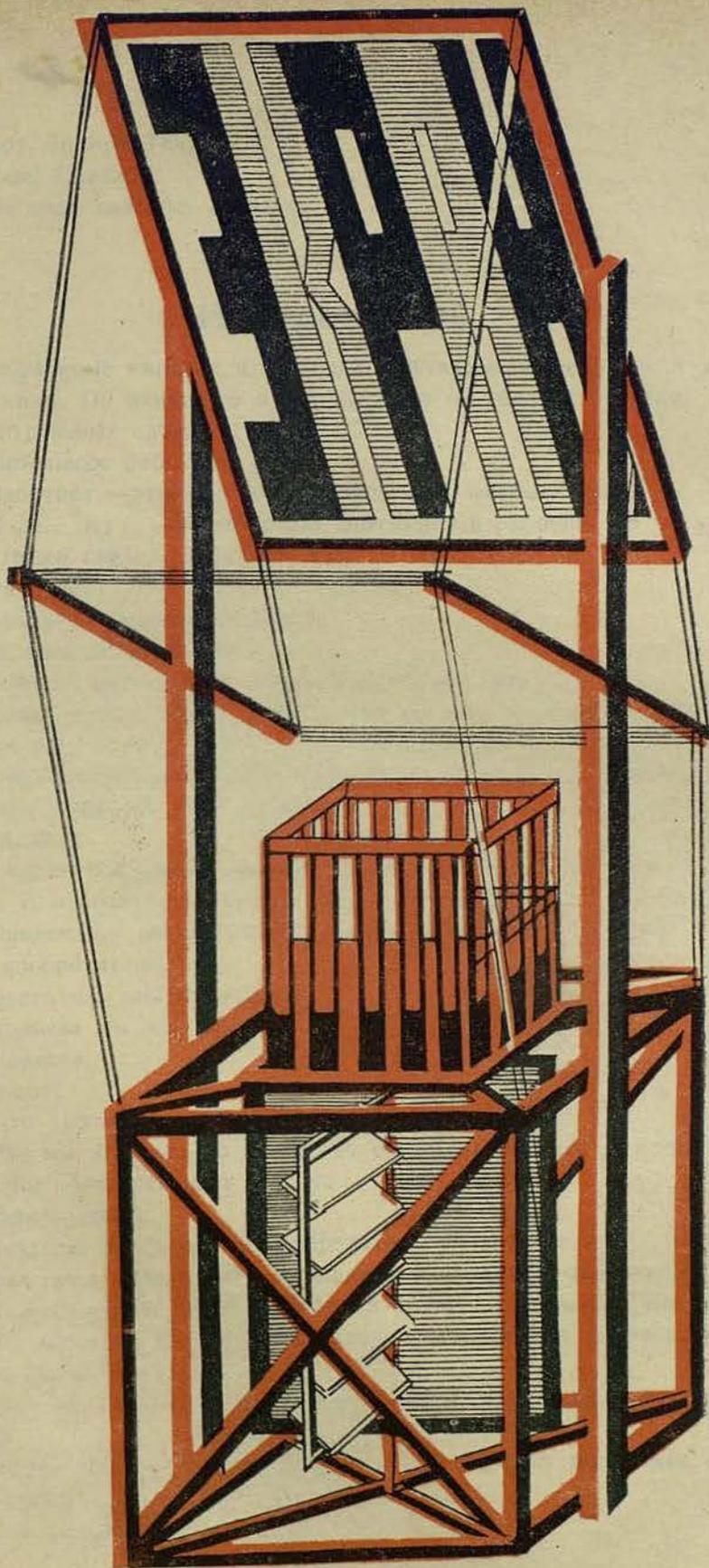
— Притачиваю уголь к электрической лампе.

— Приточили?

— Готово. Входит.

— Входит-то входит, да не чисто сделано. Работа должна быть красивой. Дайте-ка.

Засучил рукава своего светера, изъеденного кислотами, стал у станка и пошел точить.

КЛУЦИС 1922 г. Экран—трибуна—киоск к 5-й годовщине Октябрьской революции.
К статье Б. Арватова.

- Вот, видите. Гладко?
- Д-да! Спасибо.
- Не надо спасибо. Делайте.

VIII.

Изобретатель.

В фабзавкоме кипятится рабочий, размахивая черными в опилках железа руками. Он заика, но в возбуждении он говорит гладко, спотыкаясь на отдельных словах:

- Мой насос работает, а?
- Работает,—отвечает ему председатель фабзавкома.
- Я не... неуч...—Неожиданно спотыкается рабочий.—Я не уч-чился и без чертежей сделал. Работает, а?
- Работает.
- Сколько времени работает?
- Девяносто шесть дней уже.
- В-во! А спец сделал -сколько работал? Ага!

И поворачивает свое курносое лицо ко мне, ко всем и с торжеством смотрит на всех своими светлыми глазами цвета стали.

Рабочий-изобретатель возмущен. Ему кажется, будто его изобретению не дают хода, но его успокаивают:

— Делайте.

Это «делайте»—здесь ходячее словцо, которое сразу ставит человека на рельсы. И изобретатель успокаивается, остывает.

— Эпидемия,—добродушно усмехается председатель.—Все рабочие увлечены изобретательством.

Изобретатель опять вскипает:

- Хозяева мы или раб-бы?
- Хозяева.
- В-вот!
- Что «вот»?
- Раз мы хозяева, то не может быть иначе, чтоб голова не работала, как бы облегчить наш тр-труд.
- Верно, делай!

И вторично успокоенный изобретатель уходит «делать».

- Как дела, товарищи?—обращаюсь я к членам фабзавкома.
- С дензнаками кисло. Перебои в уплате жалованья. Но ничего, в общем. Вот спросите их,—и председатель указывает на рабочих, которые пришли по своим делам.

Старик, весь белый от седины и от соды, показывает огрызки желтых зубов:

— Хе-хе! Ничего, всем довольны. Кооператив подтяните, тогда и дензнаки пушай запаздывают. Не беда.

— Да оно бы ничего,—подхватывает другой рабочий, из'еденный оспой.—Оно бы ничего, что дензнаков мало. Живем все же. Вот войны бы не было опять. На ноги стали—куды лучше стало.

И вся группка рабочих одобрительно кивает белыми головами:

— Куды лучше!

— Значит, довольно?—спрашиваю.

— Рази человек бывает доволен? Не худо, говорю.

Старик деловито замечает:

— Хорошо работаем. Не то что окупать себя стали, а прибыль даем. Вот ежели бы еще наладить вывоз соды. Ведь мы до революции больше на границу работали.

Я смотрю во все глаза на старика:

— Дедушка, а до революции вы думали о прибыли, о вывозе?

— От! Тогда Теплиц был—его забота.

— Кто это Теплиц?

— Директор был, черт его матери! Благодетелем прикидывался и «облагодетельствовал»: утек с Деникиным и увез богато нашего добра.

— Что же он—деньги рабочие увез?

— От сказали! Каб это деньги—новые напечатали бы. Машины увез, сволочь! От я и говорю: мы же не под Теплицем работаем, а сами себе. Будет прибыль—нам легче. То-ж наша теперь забота.

— А как вы живете? Квартирные условия?

— Ходим до нас—покажем.

Я принял это «ходим до нас». Чистенькие рабочие домики освещены электричеством, которое проведено даже в селе, в третьей роте. Проведен водопровод из Донца. Светло, тепло.

— По сорок пудов угля выдают на месяц. Хватает. Вот только в квартирах маленькая недохватка. Потерпим—ничего: дело общее.

Этот уровень сознательности и чувства общего дела, ярко выявляющийся у рабочих Донсоды, заставил меня обратиться к статистическим справкам. Оказалось, что 80% рабочих завода работают здесь постоянно, из них 30%—не менее 20 лет, и только одна пятая часть рабочих—представляют собою текучий состав, при чем неквалифицированных рабочих всего 15%.

Рабочие по коллективной подписке выписывают почти три тысячи экземпляров разных газет, так что один экземпляр газеты приходится на двух читателей.

— Насчет учения у нас ничего, стараются,—рассказывал тот же старик.—Есть у нас школа-семилетка на 1.600 учеников, сами содержим; есть технические курсы.

Юноша-рабочий, сын старика с гордостью сказал:

— Не зря наш завод—первый в России. У нас и горный институт есть—в 3-х верстах, в Лисичанске.

— И работает?

— А то как же! Вот я на спеца дую.

Весело тряхнул головою и добавил:

— И насчет политики мы не в хвосте плетемся. В октябре на заводе собирали на губпартшколу, так все рабочие поголовно отчислили: собрали три миллиарда. А задание выполнили 119 процентов.

— Первые мы, ай нет?—спросил старик.

— Первые,—подтвердил я.

СЕРГЕЙ ВОЛОДИН.

В КОННОМ СТРОЮ.

В конном строю. В конном строю

Тучей сбиралась белая рать.

В конном строю. В конном строю

Вешать. Рубить. Бить. Умирать.

В конном строю. В конном строю.

Женщин насилуют. Гиганье. Свист.

В конном строю. В конном строю

„Бей жидов и коммунистов“.

В конном строю. В конном строю

Веру царя и отчизну несут

В конном строю. В конном строю.

Мечется в страхе трудящийся люд.

В конном строю. В конном строю

Слышишь все ближе. Уже наш круг.

В конном строю. В конном строю

Солнечной сталью сверкает испуг.

ПРОЛЕТА-А-А-А... РИИ, НА КОНЯ-АААА!..

В конном строю. В конном строю

Замкнуты мы. Выхода нет.

В конном строю. В конном строю.

Смерть на страну. Смерть на коне.

В конном строю. В конном строю.

Рады враги. Дрогнул народ.

В конном строю. В конном строю.

Кто же поможет. Кто же спасет.

ПРОЛЕТА-А... РИИ, НА КОНЯ-А А А!..

В конном строю. В конном строю
Схватчен Тамбов. Близко Москва
В конном строю. В конном строю
Страшен повешенных мутный оскал.

В конном строю. В конном строю
Кто там сказал „кони—одры“.
В конном строю. В конном строю
Больше и больше насмешливых рыл.

В конном строю. В конном строю
Красные звезды. Взыблен одер.
В конном строю. В конном строю
Гибельной лавой срывают напор.

МАМОНТОВЦЫ, В ОРУЖЕ-Е Е Е... НИИ!!!

В конном строю. В конном строю
Песню буденовцы лихо поют.
В конном строю. В конном строю
Мы сотую смерть одолели свою.

А. Февральский.

НЕУГОМОННЫЙ МЕЙЕРХОЛЬД.

„Гениальный авантюрист“—
так назвало Мейерхольда одно из лиц, делающих нашу
театральную политику.

„Авантюристы“—
кричали в 1917 году буржуа и соглашатели по адресу
большевиков, взявших власть.

Старая история.

р е в о л ю ц и я

всегда кажется авантюрой тем, кто крепок задним умом и
не видит дальше собственного носа.

А Мейерхольд—это—перманентная революция.

Еще не кончилось негодующее кудахтанье по поводу
его постановки, а он уже отошел от нее. Он уже строит
новое, которое еще сильнее ударит по головам мещан.

ОН ВСЕГДА

КИПИТ
БОРЕТСЯ
РАЗРУШАЕТ
СТРОИТ
НЕУТОМИМ

Мы празднуем 25-летие его работы.
Можно ли поверить этому?
Он—вечно юн. Он никогда не состарится.
Еще

через 25 лет

он будет тем же неутомимым юношей.

А ведь

25 лет работы Мейерхольда—
— Это 25 лет истории русского театра.

Ведь его достижения вошли в плоть и кровь русского театра.

Этого не могут отрицать даже „прошляки“.

Это они чуть не разорвали Мейерхольда после постановки „Балаганчика“, а теперь называют „Балаганчик“ „прекраснейшим цветком“ и пр.; они замалчивали (в лучшем случае) „Мистерию Буфф“, а теперь ставят ее в пример сегодняшнему Мейерхольду, как подлинно-революционную постановку. Они же, сегодня возмущающиеся „Землей дыбом“, завтра об'явят сцену с императором, сидящем на ночном горшке, образцом „нетленной красоты“.

Они тоже „признают“ Мейерхольда.

Они хотят канонизировать его прежние достижения.

НИЧЕГО.

Мейерхольд канонизации не поддается.

Завтра он поразит их новой выходкой, и они опять в ужасе отшатнутся от него.

Для нас главное—

сегодняшний день

Сегодня

М
И
С
Т
Е
Р
И
Я

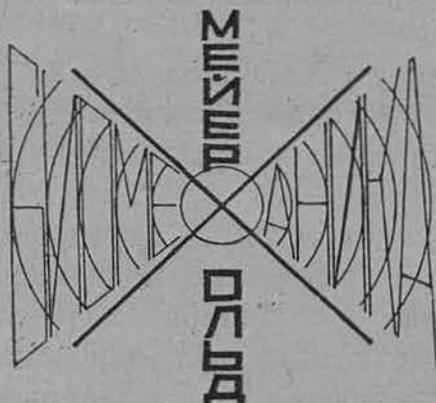
Б

У

Ф

Ф

мост к завтрашней коммуне.

Мейерхольд—революционный вожьд. Мейерхольд—знамя борьбы.

Мейерхольд—наш; потому что за нас—молодых—будущее.

**За нас —
революция.**

Ив. Приблудный.

БРАТ НА БРАТА.

Поэма.

Михаилу
Няроду
посвящаю.

I.

Замер выевиет свинцовых оводов.
Проплясал и унесся смерч,
И по нивам ленивым холодом
В грудах тел копошилась смерть.

Вон, обнявшись лежат два брата,
Два родных—но слепых—врага.
Первый—голову в травы спрятав
И другой—пополам нога.

Солнце с неба едва сбежало
В горизонт голубой тропой.
Долго, долго земля дрожала
Долго, долго ругался бой.

В схватке встретились—дуло с дулом
Спохватились—брат брату рад.
Вдруг—как ветром обоих едуло:
Чугуном оплевал снаряд.

И проснали до мглы заката.
Кровь сочилась с лица и с ног.
И приенилась родная хата,
На гумне заскучавший стог.

* * *

Выплыл месяц,—облака по скатам
Разбежались белыми баранами,
Поднялись, ощутили брат брата
И склонились сумрачно над ранами.

Перевязались ключьями одежды,
Закурили,
Улеглись—как прежде—
И устало, грустно говорили.

И ты тут,
И я тут,
Что же у нас дома?
Только конь,
Только кнут,
Хата да солома.

Пуст и тих,
Огород.
Хлеба, чай, ни корки.
Босиком,
Круглый год,
Дети по задворкам.

Ты ушел,
Я ушел,
Кто ж остался в хате?
Только печь,
Только стол,
Жены да ухваты.

Жены там
Пропадут,
Пропадет „худоба“¹⁾.
А ты тут,
И я тут
И бессильны оба.

Говорили долго,
Говорили братски.
А недавно были смертные враги,
Породнило слово,
Боевое лихо.
Вспоминали далеких, близких дорогих,

¹⁾ Худоба по-украински—скот.

Но опять притихли,
Густо хмурия брови.
И уже в обоих,
Назревала буря,
Непонятной, злобной муки острее.

И тот, который был уже с усами,
Говорил, глазами муку выразив:
— Виноваты мы, конечно, сами,
Потому что, как в лесу,
На грядах выросли.

Но я не так уж виноват,
Ведь мне не как тебе:
Едва минуло двадцать,
Пришли в погонах,
Стали вербовать.

А я привык погоням подчиняться.

Не первый раз подставил грудь я грозам
И не одна война меня состарила,
Но что тебя, —
Еще молокососа
Туда же лезть заставило?

— Эх, брат,
Крещеный саблейю и пулей,
Пропахший кровью, порохом слуга,
Скажи,

А разве был ты рад,
Когда тебя пихнули
На такого же как ты врага?

И был ли ты душой спокоен,
Не мучил ли тебя твой грех,
Когда в пожаре братских боен
Ты слышал стоны тех
Кто часто тебе руку подавал?

А я, я знал
Куда, за кем иду
И за кого быть может пропаду!

Так говорил безусый воин,
Уставившись на пасмурного брата,
И рот, кривившийся от боли,
Старался улыбаться.

Но побледнел как полотно.
Нога клонила, хоть глаза блестели,
И вновь уснул таким же сном
На травяной постели...

И.

Старший крепился, старший не спал,
Был он бывалым и грубым.
Бревнами с линии выбитых пшал
В травах рассыпались трупы.

Вот оглянулся—нет никого.
Рана сверлит не на шутку.
В лагере мертвых он часовой.
Холодно с ними и жутко.

Еле колышутся кудри межи.
Утро в туман нарядилось,
Брат в стороне улыбаясь лежит,
Что-то родное приснилось.

Где-то снаряд закричал далеко,
Тешась рассветным покоем,
К брату склонился, потрогал рукой:
Спит... и спокоен... спокоен.

Выхватил штык... и к земле пригвоздил
Бледное, сонное тело
И озверев до костей, бороздил
Бледное... мертвое тело.

А потом ушел, шатаясь к лесу.
Ночь ползла, как черная змея.
Вышел месяц клоуном-повесой,
Посмотрел и спрятался смеясь.

Г. БЕУС.

ОТКЛИКИ.

(О ПЕРВОМАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1923 г.).

История рабочего движения — живой опыт организации пролетарских сил, живой опыт действия и воздействия этих сил на классовых врагов.

История первого мая в России неразрывно связана со всеми путями и перепутьями нашего рабочего движения, а также роста и развития коммунистической партии.

В этом году мы празднуем 33-ю годовщину первомайского праздника и первую годовщину выравнивания и усиления издательской деятельности Советской Республики.

Как же наши издательства откликнулись на этот исторический день?

Пока в нашем распоряжении имеется шесть новых изданий.

Каждое из них со своими претензиями.

Остановимся прежде всего на «солидном» сборнике статей и материалов — «Первое Мая»¹⁾.

Честь составления этого сборника принадлежит т. М. Равичу-Черкасскому, который, к слову сказать, не впервые обнаруживает «своеобразное мастерство» на этом полезном в наше время поприще.

«Мы идем навстречу остро назревшей потребности прежде всего партийного агитатора и пропагандиста. До сих пор материалы и статьи, относящиеся к 1-му мая, разбросаны по отдельным журналам, книгам и протоколам», заявляет редакция в предисловии и сборнике.

Дальше, «с ученым видом знатока», говорится о том, что «первое мая можно считать самым популярным из пролетарских праздников», но, с другой стороны, «спросите у любого (курсив наш) пропагандиста, лектора политкурсов, руководителя ячейки, что такое 1-е мая, и вы, вместо ясного ответа, услышите набор фраз, дешевую декламацию».

Путь противоречий — путь истины, но есть противоречия и противоречия.

Оставим «набор фраз и дешевую декламацию» из предисловия и перейдем к характеристике собранного материала.

Треть сборника занимают очерки В. Акимова-Махновца — «Первое Мая в России» (стр. 5—66).

Общественный лик автора: он был «крайним и самым последовательным оппортунистом в рядах Р.С.-Д.Р.П., примкнул в конце 90-х годов к экономизму, и его выступления — предмет постоянных похвал со стороны

¹⁾ Госиздат Украины 1923 г., Харьков, стр. 181.

либералов (читай буржуазии. Г. Б.) за «реализм» и «научность» его марксизма»¹).

«Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», но т. Равичу-Черкасскому, право же, не следовало поучать ничегонезнаек писанинами меньшевистского критика рабочего движения.

Ведь в статье, помещенной в сборнике, Акимов-Махновец все время пытается доказать «бессилие фракции большинства», оторванность фракции большинства от масс и т. д. и т. п.

Ведь в этой статье Акимов-Махновец полемизирует даже с «товарищами из фракции меньшинства», которых он укоряет за то, что их тактика по отношению к празднованию первого мая 1905 г. «фактически была такою же, как и тактика большевиков».

Акимов-Махновец на протяжении всей статьи надеется, что день первого мая рабочий класс превратит только в день «неделания», в день, «когда все сторонники великого международного движения, оставив обычное течение жизни, отдаются общему порыву наших желаний, подводят итоги прошлого, размышляют о задачах будущего, провозглашают свои идеалы» (стр. 35 сборника).

Можно привести еще десятки цитат поповской проповеди смирения и внушения боязни перед силой господствовавших классов, ибо «как грубая физическая сила» они были и есть сильнее нас и не сим (читай классовою борьбой Г. Б.) победит наше движение, пишет В. Акимов-Махновец.

И весь сборник—работа ножниц без головы.

Наряду с ценной статьей С. Валк «Материалы к истории Первого мая в России»²) помещено давно изданное, и по заслугам несколько раз переизданное «Обуховское Дело»—т. Д. Рязанова.

Интересны воспоминания т. Ботвинина «О первомайской демонстрации в Вильне в 1902 г.» и небольшая, но хорошо сконцентрированная статья т. М. Ольминского «Первое мая в России» (из № 93 «Правды» от I/V—1922 г.).

Все это хорошо, но вот опять перепечатка явно устаревшей и, с нашей точки зрения, далеко не блестящей брошюры т. В. Фриче — «Мировой Великий праздник».

Эта брошюра похожа на длинную передовицу, после которой чувствуешь явное неудовлетворение и досаду на автора, который широко размахнулся и почти ничего не охватил в своем многословии.

Мы не станем останавливаться на некоторых ошибках этой статьи с тоски зрения исторического анализа первомайского праздника, но считаем совершенно недопустимым для составителя сборника перепечатывать эту брошюру без пояснения и примечаний к такой главе, как «Начало Мировой Коммунистической Революции». (Стр. 130—132).

¹) Н. Ленин-Ульянов, собр. соч. т. VII, Госизд. 22 г. примечание 141, стр. 250.

²) Взята из журн. Петрогр. Истпарта «Красная летопись», № 4.

Ведь брошюра, если мы не ошибаемся, писалась в 1920 г.

С того времени мы, в силу совершавшихся и совершающихся событий, вынуждены были изменить взгляды и тактику по отношению к революционному движению на Западе.

Статьи т.т. Зиновьева и Бухарина, относящиеся к различным датам, не потеряли своей свежести и силы, но и здесь, как и ко всем прочим статьям и документам, необходимо было бы дать вступительный очерк, объединяющий весь материал в исторической перспективе минувшего и грядущего.

В общем, сборник от начала до конца неудачен и должен в поучение и назидание всем прочим издательствам стать примером, как нельзя издавать сборники.

Еще два сборника:

«Первое мая в клубе» — изд. «Молодая Гвардия», Москва, 1923 г. Составил П. Щелканов, 160 стр. и «Первое мая в рабочих клубах», и-во «Красная Новь», Москва, 1923 г. 66 стр.

Оба сборника преследуют одну и ту же цель, но второй более легковесен и по объему и по содержанию.

Составитель первого сборника, по нашему мнению, умело подобрал «литературные памятники, воспоминания, материалы для докладов о значении праздника 1-е мая»¹⁾ и сделал ряд ценных указаний, как использовать весь материал.

Тезисы сборника выдержаны с исторической точки зрения, кратки, сжаты и ясны и иллюстрированы необходимыми фактами и цитатами. «Указания о проведении праздника — деловые практические указания, как использовать и тезисы и «воспоминания».

Последних в сборнике 14. Взятые они, в виде отрывков, из сборников, журналов и книг.

Есть в отделе воспоминаний досадное редакционное упущение:

Некоторые отрывки воспоминаний не снабжены примечаниями о месте и времени событий.

Возьмем—«Рабочий праздник в захолустье» год 1905 здесь отмечен, а то, что события происходили в Муроме, Владимирской губ., об этом ни из отрывка, ни из заголовка не узнать.

В отрывке «Первое мая в Лондоне» и «Первое мая в далеком Китае» не указано, в каком году это было.

Без этих сведений умело выхваченные отрывки многое теряют.

Хорошо составлен и «Календарь праздника 1-го мая». В нем т. Ал. Р. использовал в хронологической последовательности все заслуживающие внимания факты из истории первомайского движения, с кратким описанием наиболее выдающихся моментов и положений, начиная с 1886 г. по 1920 г. включительно. Жаль, что в «Календаре» нет лозунгов, которые

¹⁾ Слова, заключенные в кавычках—«От издательства» стр. 3.

помещены отдельно и подобраны неумело. Между прочим, в «лозунги» попали, очевидно, по ошибке, и внушения градоначальника ген. майора Клейгельса и одна фраза из прокламации Витте к рабочим.

Прокламации—«первомайские листки», помещенные в сборнике, дают еще большую возможность осмыслить и использовать упомянутые уже материалы.

«Библиография о первом мая» охватывает 172 названия. Здесь и брошюры, и статьи из газет и журналов, и материалы «Историко-Революционного архива».

Поскольку нам известно, этот библиографический обзор с краткими анотациями—наиболее полный из всех существующих.

Составитель библиографического указателя тов. Ал. Р., по нашему мнению, в некоторых характеристиках перечисляемых им материалов не совсем прав¹⁾, есть в указателе и ошибки, но мы склонны отнести их к корректурным недосмотрам²⁾.

Недостаток указателя в том, что в нем не отмечены материалы, которые необходимо прочитать в первую очередь товарищам, незнакомым с историей первомайского движения.

О той части сборника, где имеются стихотворения, песни и один драматический этюд, сказать нечего. Занимает художественная литература 4-ю часть сборника (77-й по 118 стр.), но художественности в этой части очень мало. Печально, но факт. Факт, с которым приходится мириться, потому что мы еще не имеем пока певцов и поэтов рабочей революции.

Перейдем к другому сборнику, изданному «Красной Новью».

Как мы уже упоминали, называется он «Первое мая в рабочих клубах» и значительно легчевеснее сборника «Молодой Гвардии».

«Тезисы к 1-му мая» в сборнике «Красной Нови», очевидно, написаны наспех, не дают нужного материала и заключают в себе ряд противоречий в той части, где говорится о политике и тактике II Интернационала и о бытовых и политических условиях празднования 1-го мая на Западе и в России.

Читайте:

Конгрессы II Интернационала «принимали пламенные резолюции против капиталистического строя и милитаризма и призывали рабочих праздновать 1-е мая и демонстрировать против захватнической политики буржуазии» (стр. 6-я).

Сильно сказано, но не соответствует действительности. Автор тезисов сам доказывает это на следующей странице, где говорит об истории первомайского праздника на Западе—до войны:

1) См. выше наше мнение о брошюре т. Фриче.

2) См. последние предложения в анотации под назв. 10 (стр. 143) и конец предложения под назв. 114 (стр. 153).

«Решительные резолюции, благодаря стараниям господ соглашателей, сопровождались оговорками и примечаниями, сводившими на нет все их революционное содержание».

И дальше:

На Западе «Первое мая вскоре стало терять свой революционный характер. Во многих местах, нередко по соглашению с капиталистами, празднование переносится на ближайшее воскресенье».

Вот еще образчик неясности:

Говоря о праздновании первого мая во время войны, автор тезисов мельком останавливается на измене II Интернационала делу рабочего класса и добавляет: «во всех воюющих странах было введено осадное или военное положение. Бушевали военно-полевые суды. Празднование первого мая при таких условиях не могло иметь места. И, действительно, в 1915 г. ни в одной воюющей стране, кроме России, рабочие не бастуют 1-го мая».

Дело изложено так, как будто бы в России рабочий класс был свободен от прелестей военного режима в условиях царского самодержавия.

«Литература о 1-м мае в сборнике «Красной Нови» охватывает всего 32 названия. Указатель рассчитан на малоподготовленного читателя, и с этой точки зрения удовлетворителен. Имеется в сборнике и обзор художественной литературы 1-го мая, чего нет в сборнике «Молодой Гвардии».

* * *

Переходим к брошюрам. Их три:

Хабас.—«Первомайский праздник» (33 года празднования 1-го мая в России). Издат-во «Красная Новь», Москва, 1923 г. (32 стр.).

К. Шелавин.—«1-е мая в России». Кн-во «Прибой», Петроград, 1923 г. (80 стр.).

Ил. Вардин (Мгеладзе).—«Майский праздник коммунизма», изд. «Московский Рабочий» 1923 г., (42 стр.).

Тов. Хабас в своей брошюре дает богатый фактический материал в хронологическом порядке и попутно освещает смысл и значение его в истории рабочего движения в России.

Основная мысль брошюры,—вполне правильная,—говорит о том, что характер «первомайского празднования менялся от времени и обстоятельств», что партия коммунистов-большевиков «сумела показать, какою должна быть тактика истинно-революционной рабочей социалистической партии: в годы самодержавного безвременья мы звали рабочих в день 1-го мая на улицу, мы руководили рабочими массами в их непосредственных столкновениях с царским режимом, мы приучали их к мысли, что не дешево достанется наша победа». «В годы войны мы умели сочетать свои лозунги борьбы с самодержавием с лозунгами протеста против войны, и, вместе с тем, мы никогда не забывали в угоду этим временным задачам

раз'яснять, что борьба в первомайские дни это только школа, подготовка для более грандиозных столкновений — сначала с силами самодержавия, а затем и всего капиталистического мира».

«Партия сумела, как и во всем, и на первомайском празднике показать, какую должна быть тактика именно передовой части, авангарда пролетариата, сумела выявить на практике ту истину, что все, в том числе и первомайский праздник, является укрепляющим и организующим ряды пролетариата средством, когда от всей работы партии веет революционным духом».

Мысль эта, как видит читатель, прямо противоположна меньшевистской критике первомайского движения, о которой шла речь, когда мы касались статьи Акимова-Махновца, помещенной в сборнике Укр. Госиздата.

Брошюра тов. Шелавина в отношении богатства материала не уступает брошюре тов. Хабаса и имеет перед ней ряд преимуществ.

Весь материал, с критическим освещением источников, с освещением, доступным рядовому читателю, расположен тов. Шелавиным по главам:

— Установление праздника 1-го мая и первые девять лет (1890-й—1899-й годы).

— 2-ой период первого мая в России (1900—1904 г.г.).

— Майский праздник в годы революций (1905—1907 г.г.).

— Майский праздник в годы реакции и войны (1907—1917 г.г.).

— Под властью «демократии» (1917 г.).

— Под властью Советов.

Расположение материалов—с точки зрения зарождения роста и развития первомайского движения в России—вполне правильно.

В каждой главе имеются подзаголовки, дающие возможность быстро ориентироваться в материале.

Нельзя еще не остановиться на «общих выводах», которые даются автором в конце каждой главы, т.е. каждого периода истории первомайского движения. «Выводы» связывают первомайское празднование с общим развитием рабочего движения и коммунистической партии.

День первого мая—день постепенной, действенной организации рабочего класса, день подготовки к восстанию и захвату власти для претворения идеи диктатуры пролетариата в живую действительность, нашел себе яркое отражение в разбираемом нами труде.

Наконец, мы подходим к последней брошюре—«Первомайский праздник коммунизма» Ил. Вардина.

Она является третьим дополненным переизданием брошюры того же названия 1919—1920 г.г.

Дополнения и изменения, внесенные автором, значительны.

В настоящем виде брошюра дает яркий агитационно-пропагандистский материал о «рождении Красного мая», о «Майском празднике и 2-м Интернационале», о первом мая в России до войны и во время войны, о

«Первом штурме революции», о «Наступлении капитала», о «Четырех», так называемых, мирных годах—после Версальского мира, о задачах текущего дня первомайского празднования, знамя которого зовет не к реформам, а к революции.

Брошюра написана ярким языком революционной публицистики, языком, доступным для массового читателя и, вместе с тем, заключает в себе факты и цифры из международной жизни и рабочего движения, которые необходимы пропагандисту и агитатору для освещения первомайского праздника, как праздника организации борьбы рабочего класса против капитализма за осуществление коммунистических идеалов пролетариата.

Вместе с брошюрой тов. Шелавина и сборником «Молодой Гвардии», брошюра тов. Вардина дает тот материал, который необходимо знать всякому, кто интересуется судьбами и развитием рабочего движения.

ИВ. ПРИБЛУДНЫЙ.

МАЙ.

Рожь и рожь. В горизонты змеится межа.
На душе ни тревог ни боли,
Хорошо по росе босиком пробегать,
Занырять в колебанья поля.

Вышло солнце—и в небе растаял туман,
Даль разбрызгалась песней и ревом.
Я цветы по пути сколько раз подымал,
Сколько раз рассыпал я их снова.

Прозвенел соловей в лознянах на лугу.
Вон, стада зарыбили по скатам.
Поиграть в чехарду—к пастухам забегу,
Поиграть в перегонку—к телятам.

Кое-где по долине мелькнет хуторок,
Разольется сабачьим лаем
И несется веселый буян-ветерок
По груди загостившего мая.

Т Р И Б У Н А.

Проф. А. Е. Чичибабин.

О ЗНАЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

„Промышленность может быть здоровой, лишь если она в состоянии прогрессировать без подражания“.

Полезно ли просвещение? Полезно, слова нет о том, но... и т. д. ¹⁾

На вопрос о том, должно ли быть образование в высшей технической школе научным, всегда дается ответ только один: „должно, слова нет о том“. Однако, если из этого ответа делаются дальнейшие выводы относительно программ и планов преподавания, то в большинстве случаев оказывается, что эти выводы вытекают в меньшей мере из этого ответа, чем из различных „но...“, исходящих из соображений, с научностью ничего общего не имеющих.

Между тем, для человечества давно исчезла возможность производить, руководясь старым опытом отцов. Отношение числа живущих на земном шаре людей, к наличности в его пределах естественных материальных богатств, уже давно сделалось таким, что за последние 50 лет со стороны высококомпетентных лиц, время от времени, раздаются грозные предостережения о том, что на человечество может надвинуться тяжкое бедствие, вследствие истощения то тех, то иных необходимых для человеческого существования ресурсов, и в настоящее время только напряженная совместная работа науки и техники

¹⁾ Из басен Крылова.

может справиться с трудными задачами организации производительных сил.

Так в 1898 г. знаменитый Виллиам Крукс, тогда президент Британской Ассоциации Натуралистов, указал на страшные бедствия, грозящие человечеству от истощения запасов связанного азота. Уже тогда Европа не могла кормиться без интенсивной земледельческой культуры, требующей громадного количества азотистых удобрений. И внимание науки и техники было направлено на разрешение вопроса о связывании атмосферного азота. Мы знаем, что благодаря напряженной научной мысли и тесной связи между промышленностью высоко культурных стран и наукой, этот вопрос был на наших глазах блестяще разрешен, и история разрешения этого вопроса является лучшей демонстрацией безусловной необходимости глубокого проникновения научной мысли в сферу фабричную и заводскую. Самые тонкие изгибы теоретической научной мысли, несут самые важные практические результаты.

Позднее возникли опасения о надвигающемся истощении запасов горючих материалов; каменного угля, нефти и пр. Запасов этих веществ, необходимых для жизни источников энергии,—по самым оптимистическим вычислениям, может хватить при современных способах их утилизации, лишь на какую-нибудь сотню, две лет. И в соответствии с этим, в последние десятилетия, мы видим колоссальное напряжение научной мысли,—от самых высоких ее теоретических вершин, до почти шаблонных применений технической энергетики на ничтожнейших производственных предприятиях,—направленной к тому, чтобы наиболее экономно и производительно тратить наличные запасы энергии и чтобы найти новые ее источники. И в последнем направлении работа ведется на научных высотах; таковы, напр., попытки овладения процессом распада атомов, и на широких, доступных ординарной научной мысли, равнинах, напр., в направлении утилизации бедных или неудобных источников энергии, как плохие сорта ископаемого угля, некоторые сланцы, мало применявшиеся ранее погоны продуктов сухой перегонки и пр.

И в области всех других производств, наиболее основной чертой прогресса, является стремление к интенсификации, вызванное уменьшением отношения наличности сырья к количеству потребителей, не позволяющим жить и работать патриархально, шаблонными методами, но требующим строгой организации, возможной лишь при проникновении научной мыслью, как методов использования материалов, так и методов использования энергии, доходящих в последние годы и до методов использования человеческого труда.

Имея в виду сказанное, можно без преувеличения сказать, что будущее принадлежит той части человечества, которая сумеет наиболее научно организовать хозяйство, что возможно лишь при на-

личности максимума научно-образованных работников, приготовляемых высшей школой.

Последнее положение относится также к числу таких, на которые дается тот-же ответ: „полезно, слова нет о том“. Но насколько шаблонное признание истины этих слов еще не означает его реального действительного признания, можно видеть из слов английского профессора Мелдала, сказанных в начале 1915 г. по поводу состояния английской химической промышленности. „Задачей для сатирика будущего будет показать, что потребовалась европейская война непредвиденной колоссальности для того, чтобы влияние науки на промышленность получило официальное признание. Если и это предостережение не будет услышано, тем хуже для Англии“.

Та же мысль выражена английским техническим деятелем (Орманди): „Если настоящий призыв к английской промышленности не поможет, то, очевидно, никакое словесное оружие не будет достаточным, чтобы сокрушить органическое самодовольство и тройные оковы плохо понимаемого собственного интереса“.

Разумеется, речь здесь идет не о словесном признании, ибо на словах все правительства Европы и все культурные промышленники необходимость такого влияния признавали давно. Официальное признание, о котором говорит проф. Мелдала, было вызвано колоссальным напряжением сил под влиянием войны, при котором обнаружилось преимущества германской техники перед техникой стран Антанты. Не только в Англии, но и в других воевавших и даже в нейтральных странах,—во Франции, Италии и даже в Америке,—в начале войны текущая литература была полна признаний недостаточности связи между наукой и промышленностью этих стран и превосходства германской техники.

Как же проводилась и проводится связь между наукой и техникой в Германии, и какие требования к „товару, выпускаемому высшей школой“, предъявляет германская промышленность.

Как относилась к этому „товару“ германская промышленность в 70-х 80-х годах прошлого столетия, об этом ярко свидетельствует рассказ знаменитого немецкого химика-теоретика, В. Оствальда, на одном из съездов немецкой химической промышленности. Он сказал, что когда он был еще молодым профессором, то к нему обратилось несколько промышленников с просьбой рекомендовать для работы на заводах кого-либо из своих учеников. Оствальд на это указал, что у него нет таких учеников, которые были бы знакомы с заводской практикой, все его ученики—лишь молодые химики, сделавшие небольшое научное исследование чисто теоретического характера. И, к удивлению проф. Оствальда (надо думать, что удивление его объясняется его тогдашней молодостью), практичнее из практических немецкие промышленники ответили ему, что это и

есть именно те люди, которые им нужны. „С работой они познакомятся на заводе, а научить их необходимому на заводе научному исследованию завод не может“.

С тех пор, как были произнесены эти слова, прошло много времени; германская химическая промышленность выросла, развилась и приобрела мировое господство. Организация крупных германских химических заводов является наиболее совершенной в мире. И в смысле непосредственной связи науки и техники эта организация также первая в мире.

Германская промышленность сумела создать на фабрике вторую высшую школу, дополняющую научное образование оканчивающих высшую школу в направлении специальных задач завода, и в то же время знакомящую с методикой практического применения научных открытий и изобретений.

Чтобы познакомить с тем, как это осуществляется на практике, сообщу вкратце, как обстоит дело на одном из крупных химических заводов, по описанию лица, прошедшего там стаж.

Всякий поступающий на фабрику, должен проработать некоторое время ($\frac{1}{2}$ —1 год) в так называемой образовательной лаборатории (Ausbildungslaboratorium), при чем курс разделяется на два отделения: 1) красочное и 2) фармацевтическое. В течение учебного периода, являющегося пробным,—так как не позже года и служащий и фирма могут отказаться от договора, а сам химик и заведующий курсом успевают установить, к какому делу химик более пригоден,—соответственно способностям и наклонностям его или посылают в одно из производств, или оставляют в научной лаборатории для самостоятельной разработки интересующих фабрику вопросов.

Из курса химик попадает на 1 или 2 месяца в красильню, оттуда в печатное отделение и, наконец, в аналитическую лабораторию.

Переходя в производство, химик все еще не получает самостоятельного дела, но работает сначала в лаборатории своего отдела, помогая опытному химику во всесторонней разработке какого-либо технического процесса. Лишь постепенно молодой техник входит в детали производства и овладевает своей специальностью. Иногда в производство берутся и сразу химики из высшей школы, но в таком случае они больше работали в лаборатории отдела.

Кроме образовательной лаборатории, при фабрике имеются следующие научные лаборатории отделов:

- 1) Лаборатория неорганич. химии и электрохимии.
- 2) „ органических промежуточных продуктов.
- 3) „ ализариновых красок.
- 4) „ фармацевтических препаратов.
- 5) „ фотографических препаратов.

- 6) Общая аналитическая лаборатория.
- 7) Фармакологическая лаборатория.
- 8) Лаборатория отдела по исследованию красок.

Переходной ступенью от лаборатории к производству при применении новых изобретений является техническая лаборатория (Technischer Raum). Техническая лаборатория представляет завод в миниатюре: здесь могут быть перепробованы подходящие аппараты и исследованы реакции в технических условиях. Здесь же обыкновенно разрешается важный для техники вопрос о тех материалах, из которых должны быть сделаны аппараты.

Для более широкого научного образования фабричных химиков ежемесячно устраиваются научные конференции, где читаются обзоры успехов, как чистой, так и прикладной химии. Химики, занятые в производстве, имеют еще и свои особые заседания, где, на ряду с обзорами, разбираются и более узкие специальные вопросы.

К услугам работающих имеется большая научная химическая библиотека,—одна из лучших в Германии,—с медицинским и юридическим отделами и, кроме того, библиотека справочных изданий. Для покупки книги обыкновенно бывает достаточно подписи двух химиков, при чем книги выписываются по всем отраслям науки (но не беллетристические).

Текущая научная и патентная литература всех стран подвергается систематическому обследованию с целью не упустить что-либо, что могло бы быть применено или использовано фабрикой.

Аналогичным образом организованы и другие крупные химические заводы Германии.

В смысле требований, предъявляемых к окончившим высшую школу, Германия все время оставалась и теперь остается верной принципу, выраженному в вышеприведенном рассказе Оствальда: от „товара“, выпускаемого высшей школой, германская промышленность требует не специальных знаний и навыков, но чисто научного образования и склонности к научным исследованиям.

Проф. А. Ниток, ныне стоящий во главе Научного Института по химии имени императора Вильгельма в Берлине—Далеме, в июне 1914 г. писал в журнале, „*Technik und Wirtschaft*“: „Сила немецкой химической промышленности основывается на справедливом признании ценности науки..... Фабрика, приглашающая молодого химика, не спрашивает о том, подготовлен ли он специально для будущей работы, но—лишь о том, достаточно ли он научно образован, чтобы быть в состоянии научно обработать какую-либо тему“.

В начале европейской войны немецкие обзоры того, что предпринималось во враждебных странах, и, в частности, в Англии, по части промышленности, полны злорадства и сознания своего превосходства над Англией и Францией, где, по мнению немцев, заботились об образовании лишь избранных науки, с одной стороны, и с другой, готовили для техники людей, недостаточно научно подготовленных, которым сообщался лишь „старый опыт“ заводской работы, и которые мало способны творить „новый опыт“. Промышленная сила Германии состоит, по словам одного из обзоров, в армии „незаменимых“ научных работников, работающих в промышленности.

Русская промышленность никогда не достигала такого уровня, чтобы ее можно было сравнить с промышленностью не только Германии или Америки, но и Англии или Франции. До начала настоящего столетия она все еще в значительной степени жила или патриархальным опытом отцов, что возможно лишь там, где сырья „куры не клюют“, или, в лучшем случае, „старым опытом“, позаимствованным от стран с более совершенной научно-технической организацией. Зачатки той здоровой промышленности, которая может прогрессировать без подражания, все же были, но это были, именно, только зачатки.

Конец прошлого столетия для русской промышленности знаменуется постепенным вытеснением невежественного мастера, знающего „секреты“ отцов и дедов, раскрытие которых для науки ничего не стоило образованными инженерами и вообще специалистами, способными эти „секреты“ раскрыть и перенести на русскую фабрику „старый опыт“ современной научной техники. В начале однако же не малую роль в деле привлечения в промышленность инженеров играло переложение ответственности за фабричные порядки с хозяина на инженера, в соответствии с фабричными законами, отвечающими нарастающей технической сложности фабричного дела.

К началу текущего столетия завоевание фабрики инженером почти всюду уже закончено, а прогрессирующее развитие русской промышленности и постепенное втягивание в поток мировой конкуренции, приводит ее к настоятельной необходимости в некоторых областях не довольствоваться старым техническим научным опытом и попытаться собственными силами начать создавать „новый“ опыт.

Главные поставщики фабричных инженеров, каковыми являются технологические институты (и Моск. Техн. Училище), в виду спроса на образованного инженера, могущего овладеть научной техникой (старым опытом), с одной стороны, а с другой, в виду малой дифференциации русской заводской жизни и вышеупомянутых офи-

циальных требований об ответственных лицах в разных сторонах фабричного дела (строительной, содержания котлов и машин и проч.), старались сообщить своим питомцам возможно более разнообразные сведения во всех тех областях науки и техники, которые могут найти приложение на фабрике. Программы технологических институтов, все же все более и более резко дифференцировавшихся на два отделения, механическое и химическое, отличаются в это время чрезвычайной многопредметностью. Причиной этому является, отчасти требуемое жизнью многообразие обязанностей фабричного инженера, отчасти косность Министерства Народного Просвещения, враждебно относившегося к попыткам профессуры ввести в пределах высшей технической школы более узкую специализацию. При таком отношении Министерства, усложнение техники могло отзывать на программах школы лишь введением в них все новых и новых научных и технических предметов, при чем последние разрешались охотнее, чем первые.

Несколько более склонности к уступкам духу времени обнаруживало в своих политехнических институтах Министерство Финансов, позднее Министерство Торговли и Промышленности; и так, напр., впервые появились надлежащим образом обставленные кафедры физической химии, тогда как ни в технологич. институтах и даже в университетах для этого средств не находилось.

Развитие русской промышленности и вовлечение ее в сферу мировых интересов и международной конкуренции были причиной того, что и в русской промышленности начал увеличиваться спрос на специалистов, подготовленных научно в такой степени, чтобы не только заимствовать от более культурных стран уже созревший технический опыт, но и быть в состоянии создавать совершенно самостоятельно новый опыт, т.-е. вести к прогрессу без подражания.

Соответственно назревающим нуждам жизни, преподавательские коллегии высших технических школ, одни в большей, другие в меньшей степени, стали стремиться к полной научности даваемого школами образования, понимая под последней овладение научными методами в такой степени, чтобы оканчивающие были в состоянии „научно обработать какую-либо тему“ и явиться на фабриках ферментом „прогресса без подражания“. Такое истинно научное образование могло быть достигнуто лишь при сокращении, если не уничтожении многопредметности путем дифференцировки, или специализации образования. В значительной степени это могло быть достигнуто расщеплением прежней единой технической школы в школы политехнического типа, а с другой стороны,—введением специализации в программы отдельных факультетов, или отделений технич. школы. Начало текущего столетия характеризуется упорной борьбой

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

С'ЕЗД

РАБОЧИХ

СТРОИТЕЛЕЙ

ЧВБКВ

Сергей Сенькин 1922 г.

К статье Б. Арватова.

Планат к с'езду.

ПРОСТАВНИК
ВСЕХ СТРАН СОЕДИНИТЕЛЯ

РАБОДНИК

С.Б.ЗД

СТРОИТЕЛЬ

ГЛАВКА И С.Б.ЗД

С.Б.ЗД 1922 г.

И.С.Б.ЗД

руководящих преподавательских коллегий с министерствами за специализацию.

Вначале специализация в высшую техническую школу проникала почти лишь контрабандным путем, вследствие упорного сопротивления Мин. Нар. Просвещения, принимавшего самодеятельность преподавательских коллегий за политическую оппозицию. Резким ударом по этому сопротивлению явилась война, изолировавшая Россию в отношении продуктов промышленного производства. Благодаря этому сразу появилась большая потребность в специалистах, могущих—худо ли, хорошо ли, организовывать новые производства, руководясь лишь своими научными знаниями, учась создавать „новый опыт“ своими силами, хотя бы этот новый для нас опыт для мировой промышленности и не был вполне новым.

Мобилизация русских научных и технических сил в первые годы войны явилась блестящим доказательством того, что русская высшая школа уже образовала известный кадр работников, стоящих на высоте современной научной техники. Можно, напр., поражаться теми крупными результатами, которые были достигнуты русской химией во время войны. Эти успехи, достигнутые при общей численной ничтожности научных и вообще культурных сил в России, свидетельствуют о богатой одаренности русского народа и о высоком качественном состоянии русской науки, хотя и несомненно бедной количеством представителей.

К чести руководящих преподавательских коллегий высших технических школ следует отнести то обстоятельство, что, вводя в эти школы специализацию, они всегда держались того направления, которое охарактеризовано вышеприведенными словами Оствальда и Штока. Высшая школа должна прежде всего заботиться о высоте научного образования, при которой оканчивающий овладевает методами научного исследования в области своей специальности. Высшая школа не может и не должна готовить специалистов, знакомых с практикой заводской работы на тех, или иных заводах. Этой практике они легко научатся на заводах. Поскольку нужны мастера, знакомые со старым техническим опытом, без особой надежды на руководящее участие в создании прогресса производства, их должны готовить профессиональные школы, обладающие всеми необходимыми возможностями, чтобы исчерпывающе и действительно познакомить своих учащихся с современной заводской практикой. Но в таком случае нечего и думать об овладении, сколько-нибудь полным, методами научного исследования. Для высшей же школы движение вперед возможно лишь при наличии таких специалистов-педагогов, которые могли бы сами работать, пользуясь научными методами и постоянно сталкивались бы с запросами жизни в той, или иной форме.

Та специализация, которая нужна в высшей школе, должна состоять лишь в специальном ознакомлении с интересами отдельных видов промышленности и лишь отчасти в обучении применению научных методов в области того производства, которым по каким-либо причинам успел заинтересоваться учащийся больше, чем каким-либо другим. Если учащийся чувствует интерес к таким техническим вопросам, которые имеют значение для нескольких различных производств, то совершенно бессмысленно ставить какие-либо ограничения, или, наоборот, требовать, чтобы он специально ознакомился во всем объеме со всеми производствами, которым не чужды его научные, или научно-технические интересы.

Все возрастающее влияние лабораторных научных исследований на технику уже давно заставило русскую высшую техническую школу, особенно ее химические факультеты (вначале — отделения), ввести в ряду с дипломным проектом в качестве заключительной работы, свидетельствующей о достаточной подготовке оканчивающих инженеров, также и специальной лабораторной (или, так называемой, дипломной) работы.

Аналогичные работы давно уже введены в ряде факультетов, особенно химических, в заграничных и, в частности, в германских высших технических школах.

„Главное назначение этой работы — первое знакомство с методикой самостоятельных научных исследований с целью разрешения вопросов научного или научно-прикладного характера. Соответственно такому назначению работы на химическом факультете, автор должен в ней:

1) Показать, что он не только познакомился с элементарными законами в области химических и близких к ним дисциплин, но что он и овладел ими в такой мере, чтобы, в случае надобности, пользование ими не представляло бы для него затруднений.

2) Обнаружить знакомство со справочниками и умение подыскивать по ним необходимую оригинальную научную и научно-техническую литературу.

3) Доказать, что прочтение и усвоение оригинальной литературы с целью использования ее результатов для разрешения научных или научно-технических вопросов не представляет для него непреодолимых затруднений.

4) Показать, что он настолько ознакомился с техникой лабораторной работы, чтобы при некоторых указаниях со стороны руководителя уметь использовать свое умение для получения новых объективно-ценных данных.

Элемент новизны, или в методике, или в результатах, хотя бы в сфере очень маленького задания, должен являться существенным признаком законченной специальной работы. Поэтому, специальная

работа ни в каком случае не должна являться применением шаблонных методов (напр., количественного анализа или технических испытаний) для получения результатов, представляющих лишь узко-практический интерес, или простым повторением уже кем-либо сделанной работы без внесения оригинальных черт в ее методику“.

Такова была формулировка задач для дипломной работы, принятая химич. факультетом МВТУ в начале 1919 г.

Из сказанного вытекает, что дипломная работа, как правило, ни в коем случае не может претендовать на разрешение каких-либо практических вопросов заводской жизни. Если, как мы видели, германская химическая фабрика допускает к решению вопросов заводских лишь после известного научного стажа в научных институтах фабрики, то, тем более, наивно было бы думать, что прошедший курс русской технической школы, все же менее научной,—уже вследствие нашей бедности научными силами,—и более многопредметной, в связи с меньшей дифференцировкой работы специалистов на русских фабриках и заводах, сразу может браться за разрешение вопросов заводской жизни. И вообще, в специальной лабораторной работе овладение самой методикой исследования и отчасти разнообразие методики имеют для учащегося гораздо большее значение, чем самая тема работы. Наиболее существенными условиями по отношению к последней являются ее научность и возможно более захватывающий интерес ее для работающего. С другой стороны, руководимый в этом исследовании может тем большему научиться, чем более заинтересован предметом исследования его руководитель, и чем большим исследовательским талантом он обладает.

В Германии, как и в других культурных странах, большая часть дипломных работ делается на чисто теоретические темы, и наибольшее количество работающих привлекают те лаборатории, где имеются руководители, обладающие крупными научными именами. Оканчивающие стремятся принять хотя бы маленькое участие в работе, ведущейся крупным ученым и его школой учеников. Дух научного энтузиазма, проникающий работников такой лаборатории и многочисленность более опытных товарищей по работе являются условиями, чрезвычайно благоприятными для того, чтобы вновь поступающий проникся любовью к процессу работы и, частью даже незаметно для себя, перенял от старших товарищей максимум навыков, необходимых для успеха научного исследования.

Если даже по отношению к начальным лабораториям высшей школы является жестокой ошибкой думать, что здесь в качестве руководителя педагог может заменить ученого,—так как только работник может создать работника, а не диллетанта, то тем более неверным является мнение, что руководителями специальных дипломных работ могут быть заводские практики, за теми редкими (особенно в

России) исключениями, когда заводский практик является в то же время и ученым, широко владеющий методикой научных исследований и любящим исследовательскую работу. При том же, русские совершенно не обладают обстановкой, необходимой для исследовательской работы.

В соответствии со сказанным, химическая промышленность Германии ценит и пред'являет спрос на ученых крупных ученых—теоретиков. Заводы с гордостью указывают на то, что у них служат ученики Э. Фейсера, Вильштеттера, Габера и др.

За годы войны и революции положение русской промышленности резко изменилось в сторону истребления запасов материальных ценностей, облегчавших для русского обывателя борьбу за существование и дававших возможность производить патриархальными методами. Правда, вследствие изоляции России и экономических и политических неурядиц в других европейских и внеевропейских странах, она еще не втянута в круг мировой конкуренции, что дает еще возможность производить материальные ценности по методу „тяп да ляп“.

Но не подлежит сомнению, что настанет время,—и оно уже не за горами,—когда организация мировых производительных сил более или менее войдет в норму, и Россия займет свое определенное место, как производительница материальных ценностей. И экономическое будущее России будет в значительной степени зависеть от того, сможет ли она организовать свою промышленность наиболее совершенными, т.-е. наиболее научными методами. Если не думать, что должен приехать „барин“, но что мы сами должны это дело „рассудить“,—ибо на бар надежда всегда неверна,—то отсюда следует, что мы должны торопиться созданием максимума своих научных сил пригодных для работы в технике.

Утопичной является мысль о том, чтобы готовить арифметически определенное число узких „специалистов“ для каждой отдельной отрасли производства „по заказу“ органов управления различными отраслями промышленности. По заказу можно получить людей с шаблонными профессиональными навыками, но и для этого, во 1-х, требуется такая обстановка, которой лишены высшие школы, а во 2-х, и здесь, чтобы иметь успех, надо готовить большой запас, позволяющий сделать надлежащий выбор. Там же, где нужны творческие силы, надлежащее количество их можно получить лишь путем естественного отбора из большого количества материала. Здесь, в особенности, должно быть „много званых, но мало избранных“.

Неправильна мысль, будто экономия сил требует ограничения числа высокообразованных научных работников. Наоборот, правильно понятая экономия сил требует того, чтобы не позволять себе рискованных экспериментов, нарушающих железный биологический закон

отбора. Те же, кто не попадет в число избранных творцов производственной жизни, найдут приложение своих сил и знаний на пользу России, столь бедной культурными силами.

Пока русские заводы не войдут в такую силу, чтобы завести свои научные институты, подобные германским, на русской высшей школе лежит обязанность восполнять, хотя бы отчасти, этот недостаток возможно большим усилением научности преподавания и научно-исследовательской работы в пределах школы. Весьма целесообразной мерой в этом направлении может быть также введение степени доктора-инженера, к чему в последние годы стремились русские технические школы и как это давно сделано в германских технических школах. Лица, имеющие такую степень, т.-е. производившие уже, сравнительно, значительное научное исследование, особенно ценятся германской промышленностью.

НИКОЛАЙ ТАРАБУКИН.

ИСКУССТВО И ПРОЛЕТАРИАТ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В России пролетариат вышел на арену активного строительства экономических и политических форм социального быта. И естественно, что в связи с постановкой разнообразных проблем культуры, рассматриваемых в новом аспекте классовой идеологии встает на очередь и проблема искусства, как проблема классового пролетарского творчества. На эту тему создалась уже значительная литература, пестрящая разнообразием точек зрения и качественной неравноценностью высказанных суждений. Свое слово сказали марксисты, пролетарские писатели, специалисты искусствоведы, художники и просто обыватели. Синтезируя все эти суждения, можно разбить их на две, резко противоположных группы. Одна исходит из заранее предвзятого тезиса, что искусство внеклассово по своей природе. Поэтому, как нет буржуазного искусства, так не может быть и пролетарского. Другая группа, стоя на точке зрения исторического материализма, доказывает, что искусство является „надстройкой“ на экономическом фундаменте, зависит от классовой структуры общества, а поэтому является выразителем классового сознания. Как старое искусство идеологически было классовым, так и новое неизбежно будет таковым, т.-е. пролетарским. Внеклассовость приобретает оно,—добавляет вторая группа, как бы примиряя свои выводы с суждениями первой группы,—в далеком будущем, когда пролетариат создаст единую социально-экономическую структуру общества, основанную на всеобщем труде и тем

самым, уничтожив классовые перегородки и сам перестанет существовать, как класс.

Суждения обеих групп априорны и игнорируют материал исторических фактов. Оба они противоречат методологии исторического материализма. А этот грех, конечно, совершенно непростителен доктринарам марксизма, от которого отправляется вторая группа.

Первая группа суждений, выдвигая априорный тезис внеклассовой природы искусства, игнорирует исторически - об'ективный факт, доказывающий обратное. Вторая группа, защищая классовую основу искусства, не делает из этого утверждения всех последних логических выводов. В самом деле, если искусство классово, то следовательно каждому классу свойственны особые, ему лишь присущие творческие формы. И вместо того, чтобы поставить естественный вопрос какие же формы творчества свойственны пролетариату, эта вторая группа совершенно априорно решает, что рабочий класс свое творчество будет выявлять почему-то в формах „чистого“ искусства, как и дворянская аристократия и купеческая буржуазия, влив в них лишь новую идеологию.

Задача этой статьи, во - первых, подвергнуть историко - социологическому анализу тезис о классовой основе искусства, во - вторых, — на основании добытых результатов установить соотношения между определенными классами и соответственными им формами искусства, и, наконец, поставить вопрос, какие же формы художественного творчества свойственны пролетариату.

Грандиозное монументально - декоративное искусство создавали классы властвующих правителей или касты жрецов господствующих религий. Такое искусство зиждилось на неограниченных экономических и политических ресурсах правителей, диктовавших искусству идеологию и форму, и на бесправьи масс, покорных исполнителей деспотических велений. Все монументально - декоративное искусство древности от египетской пирамиды и ассиро - вавилонских грифов до персидских дворцов Персеполя было выполнено рабами, которые были не больше, как техническим орудием в руках царствующих властителей. Египетская пирамида — это не только формальный мотив редкостного по силе выразительности разрешения декоративного пейзажа, не только удачно найденная конструкция, воплощающая в своих геометрических формах весь схематизм мировоззрения египтян и весь примитивизм статико - размеренного экономического быта, но это и знаменательнейшее выражение могущества фараонов, незыблемого в своей грандиозности, неизменного в своей уверенности, а с другой стороны, безличия, порабощенности лишь количественно множественного народа. Символом первого является ясность, простота и статика геометрической формы, символом второго — неисчислимый строй камней, лежащих покорными рядами.

Все формы искусства, связанного с религиозным культом были выражением не „народной“ воли, которая „безмолвствовала“, а воли жреческого сословия, оформлявшего в искусстве свое религиозное мировоззрение от египетского обелиска и сфинкса, холодных и бесстрастных в своей абстрактности, как и религия Ра, Озириса и Изиды, от запутанного барокко индийских пагод, в смутных очертаниях громоздящихся одна на другую форм, отражавших темные извилины браманизма, от дорикки Пестума и Парфенона, ясных в своей гармонической простоте, как культ Аполлона и Зевса, до суровости романских соборов и пышности великолепной готики. И даже в тех случаях, когда в создании, напр., готики принимал участие формально „свободный народ“, хотя и закабаленный политически и экономически,—воля его находилась под гипнозом религии и он действовал под ее давлением.

Готика была последним монументальным искусством большого стиля. В барокко уже сказался переход от монументальности к станковизму, от органической декоративности ассирийского грифа—к бутафорской декорировке всех последующих за барокко стилей. Эпоха Возрождения была первым утверждением станковизма, блестящим расцветом музейной формы искусства, отделившегося от производства, быта, жизни. А Микель-Анджело—одной из его высочайших вершин, но и первым упадочником, первым из тех, кто, оторвав искусство от производственных форм выражения, привел его к тому оскудению, грандиозную картину которого мы наблюдаем в наши дни.

Искусство последних Людовиков во Франции, искусство Версаля было попросту „придворным“ искусством. „Двор“ создавал „этикетки вкуса“, но он уже не в силах был продиктовать искусству монументальную форму, к которой стремился. Что оказалось возможным для двора блестящего Дария I в Персеполе или для „великих рамессидов“ в стовратных Фивах, то было невыполнимым для Людовика XIV в Версали. Между неограниченно-могущественными властителями и бесправной массой рабов (картина, наблюдаемая в древности) в XVIII веке появилось средостение из земельной аристократии. Она выросла в большую экономическую и политическую силу, на которую опиралась сама власть. Отныне она становится соиздательницей новых форм в искусстве. Этой формой явился станковизм.

Феодально-дворянский класс был самым распыленным из всех социальных группировок, известных истории. Жизнь в отдельных, разбросанных друг от друга вотчинах, незаинтересованность в корпоративном объединении на почве экономических интересов обусловили индивидуалистическую психологию этого класса. Охрана собственных интересов замкнутых, самообслуживающих майоратов, создавала междусобную вражду, романтическая трактовка которой была дана в рыцарской поэзии. Земельная аристократия, связанная со сво-

ими поместьями, не была даже насильственно объединена в городах, подобно торговой и промышленной буржуазии, индивидуалистичной, но все же связанной экономической зависимостью в общем ходе капиталистического хозяйства. Этот сословный индивидуализм создал и индивидуалистическую, замкнутую в себе, самодовлеющую форму станкового искусства, отрезанную рамкой от всякой связи с окружающей средой, подобно тому, как зубчатые стены феодальных владений отделяли их от связи с внешним миром. С эпохи Возрождения станковизм становится типической формой художественного творчества. Он кладет свой отпечаток и на другие виды искусства—декоративное, прикладное и пр. Фрески Леонардо и Рафаэля такие же „картины“, лишь раскинутые на стене. Даже архитектура идет не по пути конструктивного созидания форм, а по пути подмены строительной конструкции здания бутафорской декорировкой фасада. Палладио являлся талантливейшим выразителем этой фасадной бутафории, но он же был и упадочником архитектуры, как конструктивного строительного мастерства.

Вторая черта станкового искусства — созерцательность — обуславливалась бездейственным укладом усадебной жизни, обеспеченностью материального существования, некоторой отдаленностью от жизни, создающую удобную позицию для наблюдений „из прекрасного далека“. И хотя впоследствии, когда на смену художнику и поэту из аристократии и буржуазии пришел художник из интеллигентов-разночинцев, не только необеспеченный, но просто голодный, он все же оставался в общей схеме общественного хозяйства вне всякой практической рубрики, не являясь созидателем утилитарных производственных ценностей, подобно промышленнику, инженеру, рабочему, организатору. Оставаясь философом и созерцателем, он, если и являлся организатором, то только организатором нашего созерцания. Пейзаж—это упорядоченный взгляд на природу. Роман—такой же взгляд на человеческие взаимоотношения.

Станковая форма искусства была создана паразитическим классом, и этот паразитизм в производственном аспекте неизбежно сопутствовал всему сословию художников, культивировавших станковую форму картины, стиха, сонаты, сольного танца, камерной театральной постановки и пр.

Романтизм, как уход от реальной действительности и натурализм, как бездейственное созерцание этой действительности, сплошь и рядом пассивная фиксация ее, явились наиболее распространенными формами выявления творчества этого класса.

Умирание деревни с ее феодально-дворянским и крепостным укладом, развитие городов с их новым торгово-промышленным классом буржуазии, возникновение массовой индустрии, классовая и сословная дифференциация капиталистического общества—все это отразилось как на социальном положении художников, так и на формах

искусства. Художника - дворянина сменяет художник - интеллигент, сословно принадлежащий к разночинцам, буржуазии или мещанству. Форма по существу остается станковой, выражая анархический и индивидуалистический дух капитала, но натурализм уступает место символизму, неоромантизму и эклектизму.

Грандиозный рост урбанизма в конце XIX столетия создал в среде художников ту „пугливую“ атмосферу, которая была так характерна для психики людей, застигнутых врасплох. Они растерялись перед грозным лицом могущественного сфинкса современности—Капитала и его безропотного раба—машины. Они стали уходить в символично-романтическую скорлупу той эстетической доктрины, которая нашла свою знаменательную формулировку в словах Соллогуба о „творимой легенде“ или стали заниматься эклектическими реставрациями былых эпох, столь характерными для наших живописцев из „Мира Искусства“ и для поэтов символической школы. На той же почве расцвели нездоровые цветы поэзии Гофмана и Гюисманса, Вилье-де-Лиль Адана и Бодлера и родились страшные „каприччио“ Гойи и Ропса. Этой болезненной гримасой встретила отживающая культура аристократии приход нового „хозяина жизни“—Капитала.

Буржуазии, как классу активному, принимающему действительное участие в экономической и политической жизни государства нейсвойственна была созерцательная форма станковизма. Буржуазия выделила из своей среды гораздо меньше живописцев, поэтов музыкантов и пр., нежели дворянство. Буржуазия по преимуществу лишь поддерживала искусство и художников, являясь главным потребителем художественных ценностей. В меценатстве она стремилась подражать аристократии, внешний бытовой облик которой она хотела усвоить.

В разброде художественных „измов“, в выразительном бесстильи современья буржуазия создала свои формы искусства. Искусство буржуазии—это искусство плаката и рекламы, кино и мюзик-холля, иллюстрации и графики, журнала и фотографии, театра-буффонады и художественной промышленности. Если станковое искусство мы называем „чистым“, то это искусство является „прикладным“. Плакат представляет собою символ современной формы искусства. Плакатность—ее характернейшее свойство. Плакатностью заражены и типические, станковые виды искусства. Плакатная и современная живопись (почти все беспредметничество) и поэзия (напр., Маяковский) и музыка (Стравинский) и театр (Мейерхольд) и т. д. Искусство плаката (в широком смысле), искусство „зрелищ“ и искусство „прикладное“—типичные формы художественного творчества буржуазии. Все эти искусства более действительны, чем станковое, следовательно, больше импонируют буржуазии, выступающей в роли активного участника капиталистического хозяйства. Они более современны и эксцентричны. Они менее абстрактны и более практичны. Они непосредственно вовлечены в

общий анархический поток конкуренции рынка. Они сами зарабатывают себе существование, не нуждаясь в меценатах. Они же составляют угрожающую конкуренцию всем „чистым“ формам.

И вот в этой беспощадной борьбе на улицах и площадях мировых столиц начала разыгрываться грандиозная какофония современной художественной культуры. Бесчисленные „измы“ появлялись и исчезали. Но как бы краток ни был миг их существования, каждый из них в беззастенчивом утверждении индивидуалистического „я“ приносил свой кирпич и торжественно водворял его на здании современного искусства. Пестрота этих, каждый раз своеобразно обожженных кирпичей, имеющих разные формы, цвета, разную качественность материалов и количественные масштабы, не предвещала прочности возводимой постройки. Уже импрессионисты, выкинувшие „содержание“ из живописи и начавшие утверждать самодовление формы, первые заложили в вавилонскую башню современного искусства тот „пустотелый“ кирпич, который, не выдержав дальнейшего напора, привел к катастрофе всего здания, к „вавилонскому столпотворению“ не понимающих друг друга, оглушительно кричащих „измов“.

Вслед за интеллигентом-разночинцем, творцом художественных ценностей становится деклассированный полунинтеллигент. Он был в большинстве случаев деятелем футуристического искусства. Пассивная созерцательность не была уже свойственна его действительной, хотя и анархической натуре. Идеологически он был врагом буржуазии. Принадлежа к тому или иному составу трудового населения, он знал, что такое работа. Это он внес в художественное творчество то, что являлось в производственном процессе характерным для рабочего, как творца материальных ценностей. Это он поставил во главу угла современного искусства метод обработки материалов и проблему профессионального мастерства. Но он не внес никакой идеологии, ибо ему, как деклассированному элементу, классовая идеология пролетариата была еще чужда. Это он — футурист, кубист и беспредметник окончательно „добил“ станковую форму, первую трещину в которой сделали импрессионисты. Это он, высшее порождение разброда анархического хозяйства капитала, пожелал соединить несоединимое: оставаясь в плоскости чистого станковизма, внести в процесс профессиональной работы художника производственные методы индустриального рабочего. Лишенная идеологии и эстетизма, голая форма, „обнажавшая“ лишь „прием“ творчества, не смогла вынести на своих плечах катастрофы, надвинувшейся на искусство. От старого искусства этот новый художник взял форму чистого станковизма, но без ее содержания, а от производства — его методы, но тоже без их содержания, т. е. без той утилитарности, на которой зиждется целесообразность индустриализма. Новейшее искусство было тем последним „пустотелым“

кирпичом, после закладки которого вавилонская башня современного искусства треснула, накренилась и рухнула.

В момент этой грандиознейшей катастрофы и пришел новый художник - пролетарий. Его облику присуща определенность социальной роли. Это делает его психологию столь же ясной, как и психология четко выкристаллизовавшихся классов, напр., дворянства. Поэтому ему чужд весь экспрессионизм и эксцентризм деклассированных элементов, до которого столь падка вырождающаяся буржуазия, ищущая наркотиков, взвинчивающих нервы. Но дворянство было паразитическим классом. Поэтому - то и психология его вылилась в пассивно-созерцательные и метафизические формы станкового искусства. Пролетариат по своей экономической роли является создателем ценностей материальной культуры. Отсюда психология его является психологией активного позитивиста.

Пролетариат пришел в жизнь с крепкими и сильными руками, но без всякого „багажа“, кроме своей энергии. В начале он растерялся в сложном круговороте противоречий жизни, как провинциал теряется в столице. Несмотря на враждебность к старому бытовому укладу и своему социальному антиподу и политическому врагу — буржуазии, он был придавлен целым пантеоном авторитетов, непогрешимость которых усиленно отстаивалась буржуазией. Такого рода „священными обителями“ были „храм мудрости“ современной науки и „сад красоты“ искусства. У пролетариата, не имевшего под ногами крепкого фундамента культуры, не хватало собственного критицизма, чтобы пересмотреть сверху донизу багаж, завещанный прошлым. В критическом пересмотре научных и философских ценностей решительную роль для идеологии пролетариата сыграли Маркс и Энгельс. Но на протяжении всей истории марксизма не явилось ни одного серьезного ученого, который бы в одно и то же время был марксистом и специалистом искусствоведом. Марксисты, бравшиеся за истолкование проблем художественной культуры, будучи дилетантами в искусствоведении, поддавались атавистическим склонностям, без всякого критицизма принимая незыблемость многих авторитетов. И чем отдаленней от современности было произведение искусства, тем (должно быть, благодаря длительному консервированию его в музейных „хранилищах“), оно больше утрачивало в их глазах свое классовое происхождение. Так, многие марксисты приходили к отрицанию футуристического, кубистического и беспредметного искусства, видя в нем отпрыск разлагающейся буржуазной культуры.

В историческом анализе художественных стилей нами остался не затронутым один период хозяйственных форм, длительный по времени, но слишком неясный в историческом освещении вследствие крайней бедности добытого о нем материала. Это период первобытной культуры, характеризуемый в теоретической схеме разных видов обще-

ственного хозяйства, как форма первобытного коммунизма. Этот пример сознательно приберегался к концу нашего анализа, ибо он служит чрезвычайно выразительным доказательством классовой природы станкового искусства. В первобытном хозяйстве не было станковых форм искусства, потому что не было классовой дифференциации общества. Искусства в обычном, „чистом“ понимании этого термина первобытное общество не знало. Творческая энергия художника являлась в вещах повседневного обихода, в утвари, орудиях и оружии, в идолах и других атрибутах религиозного культа, в украшениях, подобных татуировке и пр. Это не были формы станковизма, ибо на охотничий нож, которым дикарь распарывал брюхо зверю, на глиняный сосуд, в котором варил пищу, на деревянный идол, служащий талисманом, хранителем судеб домашнего очага и на многое другое дикарь смотрел не как на самодовлеющие вещи, созданные исключительно под давлением эстетического стимула, а как на вещи утилитарные. Это были вещи примитивного производственного мастерства. Искусство в них органически сливалось с производством. Оно не было „прикладничеством“ в нынешнем смысле этого понятия. Ибо даже геометрический орнамент на глиняном кувшине создавался чаще не как простое украшение, а являлся в результате производственного процесса лепки этого кувшина. Форму только что вылепленную, ставя сушить на солнце, обвязывали лентами, чтобы она не разваливалась. Когда ленты снимались, на кувшине оставались рубцы, в рисунке которых эклектики старались отыскать мистическую символику.

Весь предыдущий анализ художественных форм должен убедить, что тезис о классовой природе искусства должен быть истолкован лишь распространительно, т. е., что каждый класс в определенных экономических условиях и в определенные эпохи не только создает определенную форму искусства станкового, декоративного, прикладного, как это мы видели по отношению к дворянству, буржуазии и пр., но что иногда класс не выявляет себя никак в искусстве, напр., рабы, или что творческая энергия общества проявляется непосредственно в производстве, минуя какую бы то ни было форму искусства, то, что наблюдалось и в первобытном быту.

На основании этих данных мы умозаключаем, что, если пролетариат выявит себя в творчестве, то отсюда еще не вытекает, что форма его волеизъявления будет непременно каким-либо „чистым“ искусством. Между тем, силлогизм, выставленный вначале, что каждому классу соответствует выработанная им форма искусства, а поэтому и пролетариат, как класс создаст свое искусство, — этот силлогизм не выдерживает ни логической, ни исторической, ни социологической критики. Это софистическое умозаключение, противоречащее логике, диалектике исторических фактов и доктрине исторического материализма, от которого как раз и исходят те, кто его высказывает. Ошибка кроется в

том, что большая посылка силлогизма подменяет понятие художественного творчества понятием искусства, т.-е. выявлением творчества только в „чистых“ формах. Отсюда и следствие силлогизма, приводящее к выводу, что пролетариат создает свою форму искусства, — весь вопрос ограничивает творческим диапазоном чистых форм. Следовательно, вопрос из проблемы социологического масштаба сужается до формальной проблемы художественного „изма“: быть ли пролетарскому искусству натуралистическим, футуристическим или каким-либо иным?

Между тем, история говорит нам, что формы чистого искусства — это лишь формы частичного выявления творчества того или иного класса. Кроме приведенных уже примеров из первобытной культуры, указывающих на отсутствие станковых и „чистых“ форм искусства в определенных социальных условиях, можно сослаться и на римскую эпоху, не создавшую ни одной оригинальной формы чистого искусства, рабски заимствуя их от греков, но зато создавшую стройную систему права и государства, грандиозный акведук и водопровод, победоносную войсковую колонну, дороги и пр.

Вопрос формы, перенесенный из формальной плоскости в социальный аспект, нечто большее, нежели смена одного „изма“ другим. Это проблема стиля, обусловливаемого всей сложностью разнообразных факторов данной эпохи от науки, техники, политики, экономики — до религии и права. Смена господства буржуазии и переход руководящей роли в политике и экономике к пролетариату — это смена эпох и перемена „изма“ в станковом искусстве, замена одних средств выражения другими — слишком невыразительный жест в ответ на столь значительную социальную революцию.

Поэтому мы с большим основанием можем поставить вопрос в такой формулировке: в какие формы может вылиться творчество пролетариата и свойственна ли вообще ему какая-либо форма искусства: станкового, монументального, прикладного? Чтобы дать на этот вопрос не гадательный ответ, чтобы построить не отвлеченную гипотезу, а сделать объективный вывод, добытый путем индукции, надо учесть все своеобразные черты этого класса, его экономическую роль и социальную позицию, класса создающего свою культуру не на „вещном“ фундаменте земельной собственности, как дворянская аристократия, не на товарном фетишизме, как буржуазия, а на „беспредметном“, неовеществленном начале трудовой энергии.

Прежде всего ставится вопрос, соответствует ли творческой актуальности пролетариата станковая форма искусства? Как мы видели, станковое произведение представляет собою довлеющую себе вещь, символизирующую мир частновладельческой собственности. Между тем, пролетариат не собственник и не сталкивается в процессе своей производственной работы с вещами, как таковыми. Он орудует энергиями и силами. В этом смысле он творец развеществленной и беспредметной

культуры. Во-вторых, работа художника-станковиста над произведением носит кустарный характер. Художник работает руками и создает из каждой сработанной им вещи уникал. Производственная же работа пролетария в современной крупной индустрии носит массовый и механизированный характер. В-третьих, произведения станкового искусства индивидуалистичны, являясь созданиями анархического индивида. А психология пролетариата коллективитична. Как коллектив, выступает он во всех стадиях производственного процесса своей работы. В-четвертых — станковое искусство созерцательно по своей природе и метафизично, в то время как психология пролетариата актуальна и позитична. Наконец, в-пятых, вещи станкового искусства самодовлеющи по ценности, это вещи музейного искусства, а пролетариат творец жизненно необходимых полезностей.

Итак, ни по форме, ни по назначению, ни по психологической концепции и идеологическому содержанию, ни в профессионально-производственном процессе — вещь станкового искусства не отвечает всей профессиональной, психологической и идеологической структуре рабочего класса.

Но, может быть, монументально-декоративное искусство, о котором, кстати сказать, так много говорят именно теперь и есть та форма, которая воплотит стиль новой эпохи? Но мы видели, что монументальное искусство создавалось при наличии трех условий: 1) мощного, безраздельно властвующего заказчика, творца и вдохновителя, 2) безличного массового исполнителя в лице рабов или „безмолвствующего народа“ и 3) в период довольно примитивной культуры, замкнутой в неподвижные, статистические формы быта при малой дифференцировке общества, в котором посредствующий между властью и бесправной массой элемент свободных граждан не был совершенно развит. Уже в тех культурах, где этот элемент играл большую роль в жизни государства, как, напр., в Греции, монументально-декоративное искусство уступало станковым формам. Фивийцы, занимавшиеся мореплаванием и торговлей, тоже не создали монументального искусства. В Китае и Японии, где был силен класс земельной аристократии и класс городских ремесленников-кустарей, искусство было тоже по преимуществу прикладным и станковым. Все попытки в позднейшие эпохи создать монументально-декоративный стиль приводили к самым извращенным формам упадочничества, к простой декорировке, вместо органической декоративности произведения. Искусственная культивировка монументального стиля в условиях нашей немонументальной, потому что не статичной, а динамичной эпохи, не может привести ни к каким результатам, как и все идущее в разрез органическому росту.

Но, может быть, рабочему классу свойственны формы типично-урбанистического искусства: плакат, реклама, кино, театр, фотогра-

фия и т. д.? Но эти искусства типично буржуазны, вызваны и обусловлены всеми особенностями буржуазного рынка. Плакат нужен пролетариату главным образом в переходное время, в период борьбы. И в этом смысле рабочий класс его пользуется. Реклама, рожденная рыночной конкуренцией, естественно вымрет, когда исчезнет сама конкуренция. Буржуазные зрелища, щекочущие нервы, играющие почти всегда на сексуальности, пролетариат сумеет заменить более рациональными видами отдыха — спортом, общественными играми и пр. А мелкобуржуазная форма искусства „прикладничество“, культивируемая кустарем и ремесленником, обречена на гибель, потому что крупная индустрия не оставляет места ни кустарю, ни ремесленнику, заменяя ручной труд машиной, а мастера - собственника и одиночку — коллективом фабричных рабочих.

Только в самом определенном прошлом имеется параллель той форме, в которую выльется творческая актуальность пролетариата в будущем. Это уже указанная выше форма бытового искусства первобытной культуры. Внеклассовость первобытного общества и того, которое стремится создать пролетариат, одно из существенных оснований для подобной параллели. Первобытное общество потому не знало чистых форм искусства, потому что было внеклассовым. Будущее общество тоже не будет иметь чистых форм, потому что будет внеклассовым. Но то примитивное производственное мастерство, которое дикарь создал на заре человеческой культуры, так относится к будущему производственному мастерству, которое создаст пролетариат в момент зенита европейско-американской цивилизации, — как первобытный коммунизм — к будущему укладу социалистического общества, теоретическое обоснование которому дает научный социализм.

Поскольку мы охарактеризовали пролетариат, как класс действительный, коллективистичный, утверждающий лишь позитивные ценности, ему свойственно выявлять творческую энергию в производстве.

Производство реальных, жизненно-необходимых, социально-оправданных ценностей — типичная форма проявления творческой активности пролетариата. Но в современных условиях высокоразвитой индустрии она должна вылиться не в формах кустарного „прикладничества“, а в высококвалифицированных машинных способах массового производства.

Итак, идея производственного мастерства предопределена всей диалектикой развития экономических факторов. Она не отвлеченная доктрина, а вывод, сделанный на основании социологических, исторических и художественно-формальных фактов.

Теперь понятны будут причины разрухи современной художественной культуры: Эта разруха не случайна, не временна. Искусство кончилось и ни в каких „чистых“, оторванных от производства формах не возродится. Можно обманывать себя, можно надеяться, свали-

вать вину на бездарность современников и ждать прихода „гения“. Можно искусственно культивировать из рабочих поэтов, живописцев, писателей, музыкантов, подобно тому, как искусственно выращиваются в оранжереях растения, не свойственные данному климату. Можно создать незаурядный пролетарский Парнас. Но оранжерейная культура не есть естественная флора данной страны. Как бы удачно ни шел рост парникового растения, тропические деревья не будут расти в наших северных садах и на бульварах.

Для романтиков это безнадежная перспектива и убийственное сознание. Для трезво смотрящих на исторические факты это — естественная неизбежность, открывающая хотя другие, но не менее заманчивые перспективы, чем те, которые рисовала нам история искусств. Культура производственного мастерства будет грандиозней всех бывших доселе форм станковизма. Никакой, даже древний, непревзойденный в своем мастерстве Микель-Анджело не сравнится с высокоинтеллектуальными формами творчества современных инженеров, техников, политиков и ученых. **Будущую интеллигенцию создаст пролетариат**, подобно тому как в прошлом ее создавало дворянство и буржуазия. **Он же создаст и новых художников** в лице организаторов, политиков, инженеров и рабочих-мастеров. **А они создадут новую индустриальную эстетику.**

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ.

ТЕАТР—ПРОЛЕТАРИАТУ.

С одной стороны—борьба за новую культуру.

С другой—крайняя бедность культурганов.

А вывод—почему-то крайнее сокращение клубной сети, снятие пролеткульта с госснабжения и поддержка преимущественно актеатров.

Здесь не сравниваю забот об искусстве с заботами о других видах культурной работы, говорю только о распределении материальных благ и общественного внимания внутри театра.

Академические театры—выразители культуры феодализма и первых стадий капитализма и поэтому воздействие их на рабочие массы может быть только вредным, реакционным. Они не могут даже дать пролетариату мастерства, техники театральной культуры, так как, чрезвычайно отстав от темпа эпохи, не дав совершенно ничего нового ни по содержанию, ни по форме за 5¹/₂ лет революции, находятся в состоянии полного разложения. Всякая поддержка этих театров есть, заранее обреченная на неудачу, попытка оживления трупов и вредная трата ресурсов республики.

ВЛУЦИС 1922 г. Установка к 4-му конгрессу Коминтерна.

Ж. статъе Б. Арватова.

А ведь только-что вступившие в жизнь, имеющие права на жизнь и идущие не из жизни, а в жизнь художественные организации находятся в самых тяжелых материальных условиях.

Это, во-первых, театры экспериментальные, стремящиеся к созданию новой современной театральной культуры. Нет никакого сомнения, что ими уже достигнуто многое. И когда указывают на их ошибки, надо твердо помнить не только то общее правило, что всякое новаторство чревато ошибками, но и то, что искусство переходной эпохи есть искусство аналитическое, разрабатывающее отдельные стороны, часто мелкие детали целого. Этого требует критический пересмотр художественного наследия былых эпох и новые требования, которые революция поставила перед искусством. Каждое художественное произведение, сделанное этими революционерами искусства, не есть нечто законченное, оно является определенным этапом в диалектическом развитии искусства от разложения старых форм к конструированию новых. Именно эти художественные организации, работающие под лозунгом научно-материалистической революции искусства, особенно ценны для рабочего класса.

Другой вид театральных работ исключительной важности это—те, что ведутся самой рабочей массой. Это—Пролеткульт, фабрично-заводские, красноармейские, комсомольские, рабфаковские клубы. Мы видим на деле: от безденежья в рабочих клубах стон стоит. Пора уже дать рабочей молодежи полную возможность не «приобщаться» к старой трухе, а создавать свое. И уж, конечно, это свое будет не «стремлением к прекрасному», а той необходимой лабораторией движения и речи освобожденного от эксплуатации человека труда. Здесь будет серьезно учтен и проверен опыт экспериментальных театральных организаций. Разумеется, не следует каждое достижение рабочего кружка принимать с телячьим восторгом: вот, мол, мы, мол, тоже, мол. Ошибок будет очень много и главнейшая из них—стремление стать заправским актером. Целью театральной работы должна быть выработка не спеца-актера, а здорового гармонично развитого человека, и не угощение публики всяческого рода «красотами», а здоровое в психическом плане и социально-политическом отношении воздействие на зрителей - трудящихся. Политуправление Московского Военного Округа уже указало, что художественная работа в красноармейских частях должна вестись не в эстетическом, а исключительно в воспитательном направлении. «Комсомольское Рождество»—веселый карнавал рабочей молодежи на улицах города,—вот нужная нам форма театрального действия.

Кроме этого, ряд крайне нужных нам театров находятся под весьма сомнительным руководством. Это прежде всего профтеатры для рабочих—районные театры. Халтура, свирепствовавшая в прошлые годы, вовсе не исчезла, она только приняла более организованные формы. Какая исключительная мерзость зачастую преподносится рабочим в этих театрах отпрысками того же академизма. Там все, мол, сойдет. Репертуар, методы

постановки и исполнение, равно антикультурные, действуют на зрителя определенно разлагающе.

В районы!—должно быть лозунгом нашей театральной политики. Районные театры надо самым тщательным образом продезинфицировать.

И еще театры, которые нужно поставить в фокус общественного внимания—это детские. Сюсюканье, одобренное кривляющимся эстетизмом, которым там основательно потчуют детей,—отжило свой век. Надо относиться к детям с большим уважением, надо помнить, что задача—воспитание не рахитичных принцев, а граждан Трудовой Республики. Детские театры нужно оздоровить.

Все сказанное здесь (сказанное вкратце) относится и к распределению материальных ресурсов, и ко вниманию и интересу рабочих организаций, в первую очередь нашей прессы.

От восхищения «Аидами» перейти к оценке работы заводского клуба, от безграмотного обывательского выискивания порнографии в постановках Мейерхольда—к учету огромных завоеваний театральной революции в его работах.

Пора уже изжить коалиционный период в нашей театральной политике. И коммунистическое строительство, и наша бедность материальная и культурная говорят нам:

**Нормализация в театре.
Равнение на пролетарскую революцию.**

М. НИРОД.

Артем Веселый.

Опыт характеристики его творчества *).

„Беспокойная дерзкая сила на поэмы мои
пролилась“.

(С. Есенин).

И совсем он не веселый, а жуткий фотограф-бытовик. Сила безусловно космическая, разрывная. Такие уже были и прошли—певцы и деятели разрушения. Его бы можно было назвать пугалом для шатающихся и обывателей. Новые люди дела, прикрыв хотя бы один глаз, поблагодарят его за фотографию; тем более теперь, когда бури прошли и под весеннюю песнь отдыхающей груди начинается терпеливая разумная постройка жизни. Стихийные взлеты и реки огненные прощли. На их следах—тысячи рук, обгаренные зноем пыли, сооружают новое русло.

*) Редакция помещает означенную статью, как пример полного непонимания творчества А. Веселого. Оценка А. Веселого, разделяемая редакцией, будет помещена в 3 номере.

„В простоволосом вокзальном садике три кучки ¹⁾).

В одной — мечут в очко.

В другой — убивают начальника станции ²⁾).

И в третьей — китайченок показывает фокус-могу ³⁾“.

Просто и жутко и, может быть, даже гениально в своей лаконичности.

Ужас ярок и характерен: очко; убийство нач. ст. и китайченок с фокус-могусом; но 8 строк ниже и снова и более жестоко, чем прежде:

„На ходу, обсасывая последнюю куриную ногу, чернобородый орлом летит добивать начальника станции: говорят — еще дышит“.

И дальше:

„За этот день убили человек шесть ³⁾: вора, какого-то старика, умевшего говорить по-немецки, картежника, изгвавшего на наколку, начальника станции, еще кого-то...“

А следом — ласковое тепло:

„блеснули глаза теплые, как талый снег“.

Жестокость, которая несомненно есть в природе (русского) человека.

Один из русских авторов упоминает сценку: городской, натешившись вволю над избиеьем жертвы, умиленно гладит пальцем своей корявой лапы птенчика, выпавшего из гнезда и слезы текут по его булыжному лицу ⁴⁾).

Дальше: избиение телеграфиста, не „дающего“ паровозов солдатам:

„Лукин, чипыхни ево!

— Эх!

„Хлесток кулак Лукина. Телеграфист затылком в стенку, уклеенную плакатами займа свободы ⁵⁾. Полизнул визг. С корнем вывертывался рыл. Хрябкали и бякали удары“.

Я бы вынес автору небольшое порицание за несоблюдение некоторой объективности. Ему, как матросу, следовало бы описывать свой быт так же беспристрастно, как и быт солдат или крестьянства. И не выдвигать их (матросов) с более провлекательной стороны в ущерб другим.

Сравните выдержки:

о солдатах:

„Месиво шинелей“.

„Грязной напикью пенятся жеванные шинели“.

„Сидит солдат — швей бьет; ради забавы бросают окурки и сплевывают в корзинки торговцев семечками“.

1) Цитаты из ром. „Реки огненные“.

2) Курсив здесь и дальше на всем протяжении очерка, мой.

М. Н.

3) Не шесть человек: в стихийной свалке нельзя было сосчитать сколько.

4) Смысл таков; подробности, м. б., мною спутаны.

5) Жаль, что не приведен текст плакатов — это было бы совсем кстати.

„Шинельные рукава, полы метнулись в окна, в двери. Затопотопотил табуны бегущих ног“.

Сцена погрома, начавшегося „с пустяка“. Солдат даром „купил“ у торговки сельдей

„парочку для пититы“.

И т. п.

и о матросах:

„Строй черных матросских шинелей“. (Сравните с предыдущ.: „месиво“, „грязная нахить“ и т. п.).

„Спокойны. Покуривают. Вполголоса бубнят“.

(О солдате: *„Рев. Рык. Визг. Треск. Хряскали и бьякали удара“... и т. д.*)

„... На левом фланге веселый голос подпрыгнул: двадцатый полный“...

Слепому, дикому, необузданному месиву солдат противопоставляется организованный *„строй черных... шинелей“.*

Конечно, это и так было. История отметила выдержанность и доблесть моряков, но не следовало бы ему, А. В.-му, так резко противопоставлять два быта в своем романе. *Нужно бы было более близко и чутко подойти к „месиву“.*

Правда, и в среде матросов нашелся один, укравший шубу (еле уловимо психологически остро и верно схвачено: матрос украл шубу, солдат—золотые часы).

О нем говорится:

„...Этого сачка мы знаем... В Питере, когда брали Зимний, тот салага под Троицким мостом отсиживался. Еще тогда его шлепнуть хотели...“

Но попал этот злосчастный „салага“ и „сачек“ в матросскую среду, видимо, по ошибке, и когда шел приговоренный к расстрелу *„рыдал, как малый ребенок“*, а солдат, укравший золотые часы (их судили вместе), идя на смерть, *„крестился и матерился“...*

Арт. Веселый художник с сочной кистью (что уживается с фотографичностью его бытоописания), но с узким диапазоном знаний. (Может быть посему и краски его выигрывают в сочности). Кроме этого быта он не даст ничего.

Может быть—пока: он еще молод.

Да пусть извинят мне такое категоричное мнение о будущем творчестве А. В.; но это мнение за собой я удерживаю.

Кстати сообщаю, что этот очерк написан мною при разборе *сколков* с ром. „Реки огненные“ (напечатанных в № 1 апр. 1923—„Пролет. Студенчество“). Кроме этого учитывается знакомство с иными отрывками этого романа и произведениями другими, ранее напечатанными, наприм.,—рассказ „Масленица в деревне“ („Красн. Новь“, 1921 г.), что не изменяет высказанного положения.

Прочтите след. типовые пятна, они гоголевски вырублены—остро и сильно:

Солдатская жизнь:

„Матюки гвоздят горькую и вшивую солдатскую жизнь... Между путями ложатся костры. В котелках пучится чечевица...“

или сценка в садике: очко, нач. станции и китайченок.

„В телеграфе делегаты от эшелонов, навалившись на худобу телеграфиста: паровозы требуют.

А сзади в дверь прут, вытягивают шеи:

— Тут ли мундировку дают?

— Ну? Семка, наших покличь!

— Легче, земляк, легче...

— Где мундировку дают?..

— В очередь, в очередь — все равны.

— Куда, чорт козлапый, лезешь? Ногу отдалил...“

и т. д.

Острота наблюдательности автора колоссальна. Так писать диалоги — мастерство великое (или фонографическая точность записи).

Каждая строка диалога нова.

Ее говорит иной человек.

Каждая строка рисует нового типа.

Слишком натуралистично.

Легко потерять человечность.

„Передом гимназист розовый и сочный, ровно только-что со сковороды прыгнул:

Солдатики, граждане, вот жишовская пекарня... тут наверно имеются солидные запасы“.

„... к матросу протискался чернобородый мужик и, оснастив свои слова, соленой руганью и тыча в глаза короткими пальцами, вразумительно сказал:

— Сынок, ни программой надо жить-то, а правдой“.

„Когда повели их, в двери солдат крестился и матерился, а матрос рыдал, как малый ребенок...

И шубы с него не сняли. А солдату на шею повесили золотые часы“.

Такой крайний натурализм граничит с жизнью. Тогда исчезает различие между произведением искусства и слуховым окном на базар мира. Какая же тогда цель художника? Может быть, таким подобает быть историку.

Глаз Веселого — глаз пролетариата — жестокий и прямой и диктующий, и пафос его новый — пролетарский:

„Расступись, ветер родной! Дадададакайте колесики! Дребезжи, мир не-наглядный! Ярче пылай, знамя мозолистых рук!“

„Леса роняли. Реки огненные перемахивали. Горы гайбали. Облака топтали. Гроном фыркали“.

„Широки степя. Неумны озорные ветра. Кровь сладка. Пляско вино. Кипуч огонь. Хлопчи росы. Говорючи журчи. Буен ветруга. Девченокки — алый цвет. Голубушки мяжки, хоть в узел вяжи...

... рвись в доскутья! Колись в куски!

— Шире круг!..

Раскаленную докрасна печку пинком за дверь.

— Сыть!

— Все пропьем, гармонь оставим. Ноги пляшут! Теплушки пляшут! Стена пляшут!..“

„Тяжелые ветра пылали, густо плескались. Пылали, плескались зноем травы. С огорков пестрыми ручьями цветы. Долиной! Потоком! На вылет!“

„Перуци тѣжкие сливачи... Напориста вешняя вода, Но когда падает по-ловодте, то от реки отбегают озерца и лужицы:

Зацветают, чахнут, тают...“

Здесь рождается или должно родиться чистое пролетарское искусство. Но здесь оно может и умереть.

* * *

Всякая постройка является компромиссом по отношению к идее, вызвавшей ее к жизни.

Справедлив закон:

Когда идея сходит на землю, она теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная ею жизненность.

(Конкретный пример: программа Сов. строя 1918—19 г. и нэп как компромисс для осуществления идеи).

Дик и неуемный Веселый в своей жестокой фотографичности, может быть, больше бы *человечности* ему.

Взглянуть немного внутрь себя; иногда в живописи его строк проскакивают голубыми жилками нити человечности, того, на что приходится опираться, строя „новый свод в дворец миру—Ресефесер“.

Если таким жестоко-фотографичным останется творчество Веселого, оно не войдет камнем в закладку: его будут показывать в паноптикуме и, тыкая пальцем, говорить:

„Он бач, яка кака намалевана“ и дитя, удерживая слезѣнки... будет коситься на картину и жаться к груди своей матери...“

(Гоголь).

Жизнь...

Діхі.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Е. Л. ЗЕЛИНСКИЙ (БОКШИЦКИЙ).

ГОД РАБОТЫ.

Настоящая статья преследует не столько цели отчетного характера, сколько должна дать критический обзор прошедшего года, оценить соотношение сил в Высшей Школе и его эволюцию, и на основании анализа положения и опыта работы дать основные принципиально-политические и организационные вехи работы в будущем.

Прежде всего основной подход. Пролетарское студенчество, вступающее на путь организованной общественности, оформляющееся, как отряд трудящихся на фронте овладения последней цитаделью капитализма— специальными знаниями; студенчество, с каждым днем все более смыкающее свои ряды с революционными рабочими массами; студенчество, готовящее нам интеллигенцию рабочего класса,— это студенчество является ценнейшим для революции материалом, и ему суждено сыграть в общем ходе социалистического строительства громадную роль, определяющую во многом темп, качество, а может быть и судьбу этого строительства.

И не даром внимание широких масс рабочего класса и партии сосредоточено достаточно бдительно на работе и обстоятельствах жизни этого студенчества.

Штрейкбрехерским, фашистским массам западно-европейского студенчества мы противопоставляем кадры подлинно революционного студенчества, которое в своих демонстрациях, митингах и собраниях громогласно заявляет свою солидарность с рабочим классом, свою готовность служить рабочей революции.

Громадная общественная роль этой молодой силы пролетариата будет видна с каждым годом все более четко и ясно.

* * *

Какая основная задача была у Центрального Бюро коммунистического студенчества?—Сплотить силы коммунистов-студентов, спаять вокруг РКП все пролетарские элементы, которые в вуз'ах и рабфаках имеются, чтобы

организованно влиять на окружающее студенчество, ассимилировать его, давать ему лозунги, строить этой горячей молодежи вежи — советские, революционные, увлекать ее за нашими красными лозунгами.

Соотношение сил в прошлом году в вуз'ах что давало нам?.. Старое студенчество, в большинстве политически аморфное, руководилось меньшевиками и эсерами. На студенческих сходках шла постоянная борьба. Большевистские и прочие ЦК занимались весьма обстоятельно студенчеством.

Коммунистические и пролетарские кадры в вуз'ах были малочисленны. Ни о каком идейном влиянии на студенчество не могло быть речи, пока в его состав не были влиты новые революционные слои, взятые с фронтов, с фабрик, прошедшие закалку гражданской войны и школу пролетарской общественности. Классовый прием дал свои результаты, положив начало студенческой общественности в ее самом развернутом виде.

Профессура, подбодренная Генуэзской конференцией и прочими обстоятельствами, родившими активность реакции, подбодренная для борьбы за автономию, сражалась и упорно, с большими боями отстаивала свои позиции: возможность легального саботажа нового устава, возможность удержать хоть кое-что из пресловутой автономии.

Верхушки антисоветского студенчества и реакционной профессуры блокировались, и не даром во время забастовки профессоров в Московск. Высшем техническом училище можно было наблюдать трогательное единение между этими молодыми и старыми флангами единого класса — буржуазии. Итак, задача была в организации студенчества, во внедрении в его состав людей из рядов рабочего класса, в организованном влиянии аудитории на профессуру, в изоляции политиканствующих элементов профессуры и в блокировании с деловыми работниками из ее рядов.

В такой обстановке разрабатывался основной вопрос — о формах и методах организации студенческой общественности.

Для решения вопроса необходимо было, на основании трезвого учета положения, социальных прослоек, внутренней динамики бытия и настроений установить определенный политический курс, индивидуализированный применительно к отдельным группам студенчества, курс, из коего должны были бы вытекать и принципы работы, и лозунги, и форма организации. Прежде всего: отказывалась ли РКП от влияния на мелко-буржуазную интеллигенцию, тем паче на молодежь из ее рядов?.. Нет, не отказывалась. Отгораживала ли она широкие массовые организации от этих слоев?.. Нет. Она всегда стремилась распространить организующее и идейное влияние пролетариата и его партии на эти слои, ассимилировать их (конечно, не в рядах РКП). Сделать их спутниками, пособниками пролетарской революции. И здесь в Высшей Школе, готовящей в конечном счете работников нашей промышленности, хозяйству, нашим аппаратам, — не было никаких оснований отказываться от общих принципов работы.

Отсюда, конечно, курс на общестуденческую организацию, т.-е. на такое объединение, которое в перспективе имеет охватить всю массу современного студенчества, объединение, в котором основной костяк—пролетарское и коммунистическое студенчество. Как строить эти организации?.. Какие этапы строительства?.. Как обеспечить пропитывание организаций влиянием пролетариата, как связать их покрепче с рабочим классом, с производством?..

Здесь выходом явилась форма, предложенная Центральным Бюро, принятая высшими органами и проводимая сейчас в жизнь. Профессиональные секции в вуз'ах. В перспективе общестуденческая организация, построенная по типу профорганизации. Почему секции, а не центральный студенческий главк?.. Почему не студкомы — на факультетах, в вуз'ах, в городах и центре?.. Прежде всего и раньше всего потому, что никаких предпосылок для построения организации самодовлеющей, как студенческой—нет. На каких основах можно строить студенческую общественность вне организационной связи с массовыми объединениями пролетариата?.. И можно ли трактовать студенчество, как определенную общественную группу, не пытаясь дать анализа его социальной природы, динамики его социальных связей и, наконец, не пытаясь укрепить уже существующие пролетарские связи и исходить из них при построении студенческой общественности?.. Конечно, нельзя. Это будет означать пустой схематизм, ни в какой мере не связанный с политикой рабочего класса в его борьбе за создание своей интеллигенции и за подчинение своему идейному руководству через форпосты — рабочее студенчество, интеллигентской молодежи, находящейся уже сейчас в вуз'ах.

Мы делаем ставку на овладение Высшей Школой путем ее пролетаризации. Овладение не только путем увеличения количества рабочих в Высшей Школе, но и путем подчинения влиянию этих рабочих всего остального студенчества, которое в своей массе политически развито ниже столичного рабочего.

Вливание рабочих элементов — путь советизации вуз'ов. Рабочие являются организующим кадром. Их организации, связанные с классом, постепенно обрастающие студенчеством, и должны быть положены в основу студенческой общественности.

Здесь мы будем втягивать студенчество в ряды массовых организаций рабочего класса, а не строить специфически-студенческую организацию, оторванную от пролетариата.

Никто не докажет нам, что можно построить студенческую общественность по чисто-студенческой самостоятельной схеме и этим не погрешить против основной политики пролетариата по отношению к мелко-буржуазной интеллигенции.

Кроме того, основная опасность при попадании рабочего в вуз — отрыв его от класса, отрыв, с которым нужно бороться. Далее, никогда мы не обеспечим возможности влияния пролетариата на подрастающую

интеллигенцию, не бывшую в производстве и к нему готовящуюся, если не будет создано организационных предпосылок такого влияния, т.-е. объединения студенчества, связанных с массовыми рабочими союзами. И затем,—почему готовить в вуз'ах будущих инженеров и уже в вуз'ах не учить их быть членами союзов?.. Почему уже в вуз'ах не подводить их вплотную к пролетарской общественности?..

Итак, два основных требования: сохранение связи с пролетариатом ушедших из его рядов в вуз'ы и привлечение в орбиту его влияния тех, кто пришел в вуз'ы не из его рядов, а со школьной скамьи, но кто по окончании будет в его массе работать,—определили профсекции, как форму студенческой общественности.

Естественно, встал вопрос об этапах строительства. Нужно было начинать строить организацию с членов профсоюзов, а затем постепенно вовлекать в их ряды все большие и большие слои беспартийного студенчества. Нужно было постепенно изживать ту разногласицу в студенческих организациях, которая имела место. Это—работа, которая должна проходить эволюционным путем.

Ясное дело, что, положив в основу студенческой общественности профессиональный принцип, нужно постепенно ликвидировать систему студенческих комитетов, советов студенческих представителей, старостатов и т. п.

Далее, как сочетать и размежевать функции студенческой общественности с функциями союзного руководства?.. И тут отчетливо указывается, что секции союзов, как первичные ячейки, подчиняются целиком и полностью в вопросах союзного руководства своим губотделам, а исполнительным бюро вуз'ов ни в коей мере не присвоены права и функции межсоюзного объединения.

Исполбюро по существу—студком. Этим характер работы сразу выясняется.

Встает вопрос о старых формах студенческих организаций и в первую голову об организациях рабфаковских.

Нет никаких оснований в настоящем этапе отгораживать рабфаковское студенчество, в большинстве пролетарское, от всего студенчества. Этим мы отрезали бы себе путь к одной из главнейших целей: организации и руководству всего студенчества вокруг пролетарского и коммунистического костяка. Это было бы грубейшей политической ошибкой, и мы уверены, что те широкие массы беспартийного студенчества, которые с каждым днем все более и более революционируются, были бы весьма и весьма тяжело разочарованы такой постановкой дела. Коммунист и рабочий—студент должен стать организующим и идейно влияющим двигателем студенческой общественности. Только при наличии этого условия мы можем здесь построить для революции рабочего класса ту громадную силу, которая нам нужна.

И первичной, основной ячейкой организации, влияния, материальной помощи, самодеятельности, связи с рабочей массой—должна стать союзная секция. Она должна превратиться для студента—ее члена в основу его общественных основ, и тогда действительно здесь будет выполнена основная цель.

Здесь снова уместно поставить вопрос: когда более обеспечено влияние массовых пролетарских организаций на студенчество?.. Когда оно (студенчество) замкнуто в свой студенческий главк или, когда все союзы имеют среди него свои организации, когда секции участвуют в жизни союзов, в их конференциях, ведут культработу среди союзных масс и т. д.? Конечно, во втором случае. А это чрезвычайно важное преимущество.

Здесь Ц. Б. поставило в свое время, при самом проектировании излагаемой системы, вопрос об использовании союзами студентов—членов своих секций для работы в массах и связи с производством. Эта работа уже ведется и уже сейчас можно сказать, что она обещает много хороших результатов.

Как же быть с такими организациями, как землячества и кассы взаимопомощи?..

Мы не имеем никаких оснований препятствовать возникновению студенческих землячеств. Мы не закрываем глаз на то, что наши враги попытаются использовать их в своих интересах, но, в конце концов, достаточно сильный и разветвленный аппарат власти имеется в руках рабочего класса, для того, чтобы не пугаться этих попыток.

Что касается касс взаимопомощи, то их, конечно, нужно построить по типу союзных касс, ибо ясно, что взаимопомощь, как одна из основ самодеятельности, должна организационно совпадать с основной первичной ячейкой студенческой организации. И не случайно мы видим, что самые мощные студенческие кассы построены по союзной линии и при союзах (напр., касса взаимопомощи студентов-горняков при союзе горнорабочих).

Два слова относительно организационного увенчания всей схемы и системы общегородских и центральных объединений.

Высшие союзные организации, по предложению Ц. Б., установили, что в городах при губпрофсоветах создаются общегородские бюро студенчества, избираемые на общегородских конференциях профессионально объединенного студенчества.

Ясно, что все существующие виды общегородских студенческих объединений должны работать под руководством такого бюро, как его части, его аппараты. Это, конечно, не касается кооперации, которая имеет свои особые принципы построения и соподчинения.

В центре Ц. Б. предполагает построение Центрального Всероссийского Бюро при ВЦСПС, избираемого на Всероссийской конференции студенчества, организованного в профсекции.

* * *

Провинция. В настоящее время можно отчетливо сказать, что вопрос об отсутствии связи с провинцией уже не стоит. Если на местах имеется до 32 местных губернских бюро; если все они имеют регулярную переписку с Ц. Б.; если больше половины мест были представлены в Ц. Б. через специально командированных для этой цели товарищей; если особые представители Ц. Б. об'ехали и изучили положение дел в таких районах, как Питер, Украина, Сибирь, Кавказ,—то, конечно, можно смело сказать, что взаимная связь есть. Она определенно чувствуется. Ц. Б. руководит местными организациями и из отчетов, протоколов и прочих материалов с мест это руководство ясно видно.

Какие наиболее характерные уклоны и перегибы в местной работе?..

Основное: не всегда понимание задач по отношению к беспартийному студенчеству: начиная от нежелания организационно втягивать широкие слои беспартийного студенчества в орбиту влияния коммунистов и рабочих и кончая широкой, беспартийной, огульной, «студкомовской» общественностью.

Есть, конечно, и анекдоты, вроде празднования «традиционного дня Татьяны». Празднования самого торжественного, как это было кое-где на Кавказе и в Сибири.

Конечно, уклоны определяются слабостью пролетарского ядра.

Есть, конечно, как это ни странно, такие благословенные углы, как Самара (похоже на Царевококшайск), где студенчество пребывает в состоянии летаргии и где местные организации, коим это дело ведать надлежит, до сего времени не поняли, что 2000 студентов,—это поле, на котором работать нужно, с которого можно пожать очень хорошие плоды, если его обработать, и вырастить очень скверные плевелы, если его запустить.

Основная картина в провинции: безусловное оживление работы, наличие определенного революционного энтузиазма среди студенчества, руководство коммунистов и пролетарского студенчества.

И основная задача, конечно, в закреплении этой победы путем углубленной и систематической общественно-организационной и политико-просветительной, марксистской работы. На это потребуются силы, силы и силы. Мы уверены, что партия и союзы эти силы найдут и дадут.

Нужно сказать о связях Ц. Б. с заграничными группами русского студенчества.

Процесс расслоения идет там сильно. Он идет не под флагом смены вех, а под флагом установления первых вех, выработки мирозозерцания—советского, революционного. Мы, конечно, помогли им в этой работе и в смысле оформления этой группы, довольно многочисленной, уже имеются определенные результаты.

Во всей широте, остро и крайне болезненно, на всем протяжении обзорного года стоял и стоит вопрос о материальном положении студенчества. Здесь была развита самая напряженная работа, далеко еще, конечно, не законченная, но дающая постепенно некоторые результаты.

Как рассматривать в нынешних условиях, в обстановке нэп'а, самую основу вопроса применительно к пролетарскому студенчеству?.. Мы здесь выдвигаем и боремся за единственно правильную, с нашей точки зрения, позицию: пролетарское студенчество должно быть целиком и полностью обеспечено за счет государства. Дело комплектования вуз'ов рабочими, дело подготовки красных спецов — есть восстановление одного из основных элементов производства — квалифицированной рабочей силы.

Классовый прием, его количество, его распределение по отраслям, должны быть уложены в рамки плана, связанного с темпом восстановления производительных сил страны. Республика, которая держит в своих руках основные командные высоты промышленности и транспорта, держит весь аппарат государственной власти, должна иметь в своем бюджете, подобно статьям на амортизацию машин и оборудования, статьи на воссоздание квалифицированных специалистов.

И если средства не позволяют полностью обеспечить десятки тысяч пролетарского студенчества, то отсюда следует только, что мы не можем позволить себе роскоши иметь такую громадную армию пролетарского студенчества только для того, чтобы оно билось в тисках нужды и не училось. Так стоит вопрос в его голом, вылуценном виде. Все остальное, как взаимопомощь, пособия, бюро труда, артели, кооперация, Ара и прочее и прочее — паллиативы, часто сбивающиеся в сторону филантропии, партизанщины, но вопроса не решающие.

Принцип же ясный. Твердый план комплектования вуз'ов пролетарскими элементами, согласованный со сметами на его полное обеспечение. Жесткий отбор лучших в вуз'ы и на рабфаки. Жесткие сроки обучения. Ликвидация кустарничества и работы от случая к случаю. Это жестокие опыты над живыми людьми, которые на практике показывают всю свою несостоятельность.

В области мероприятий, которые относительно облегчают положение студенчества и его пролетарской части в первую голову, достижения имеются и, можно сказать, довольно приличные. Увеличение количества и качества госстипендий, значительное увеличение фонда частных (хозяйственных) стипендий, оформление и укрепление студенческой кооперации, построение студенческих трудовых артелей и бюро труда, организация студенческого издательства, комиссий по улучшению быта в центре и на местах, построение касс взаимопомощи, материальная помощь профессиональными союзами, проведение во многих местах системы студенческих самообложений для целей взаимопомощи — все это меры, которые, по кирпичику, улучшают то безысходно-тяжелое материальное положение, в котором студенчество находится.

Много еще придется бороться, чтобы подвигаться вперед.

Что касается дел академических, то здесь, путем участия в коллегиях Главпрофобра и отдела рабфаков и в целом ряде комиссий, Ц. Б. было все время в курсе работы, вносило ряд предложений и оказывало влияние на работу.

Поле деятельности, конечно, предстоит очень большое и здесь еще много придется поработать. Вопрос большой и сложный, и ему придется посвятить еще много места на страницах нашего журнала.

В частности, поднятый в свое время Центральным Бюро вопрос об установлении в государственном порядке института студентов-практикантов решен уже СНК в благоприятном смысле.

Особого внимания как раз сейчас заслуживает вопрос о подготовке приема в 23-м году. Здесь нужно учесть опыт прошлого года и сделать из него выводы.

Прежде всего, необходимо подготовиться уже сейчас. Нужно выяснить кадры желающих поступить в вузы и рабфаки, заранее установить, кого из них можно будет снять с работы и отправить учиться. Заранее на местах по возможности обеспечить командируемым материальную помощь, начать отбор наилучших, выдержанных, а не так, как было в 21 году, когда в Высшую Школу отпускали ненужных, негодных на работе.

Есть еще серьезный вопрос об опасности исчерпания кадров товарищей из рабочих, крестьян, коммунистов, подготовленных для поступления в Высшую Школу. Нужно заранее организовать сеть подготовительных курсов, групп и проч.

Ц. Б. дало уже давно по этому вопросу директиву провинциальным организациям, и по материалам с мест видно, что инициатива Ц. Б. была подхвачена и работа уже ведется.

Вопрос, приобретающий все большее и большее значение в работе среди студенчества, — постановка политико-просветительной работы. Он распадается на две части. Политико-просветительная работа среди самого студенчества и использование студенчества как культурной и отчасти политической силы для массовой работы в городе и деревне.

Конечно, основой работы среди студенчества являются кафедры общественных наук, клубы и пресса. Здесь определенные достижения налицо. Клубная работа расширяется и углубляется. Сеть научных, политических, литературных и специальных кружков увеличивается, активность их возрастает. Нужно дать силы и силы. И в первую голову силы для чтения курсов общественных наук, особенно в специальных вузах. Ц. Б. считает и во многом здесь добилось положительных результатов, — что партия должна дать для этого лучшие силы, что нужно ликвидировать положение, когда часто эти науки читают реакционеры самых разнообразных поповских или буржуазных направлений. И здесь приходится упорно, шаг за шагом, добиваться результатов. Студенческая пресса — стенные и

печатные газеты, журналы, странички в местных газетах,—это дело развивается и здесь определенные успехи также наличо.

Наконец, наш центральный журнал должен внести определенную руководящую линию в творчество студенческой массы, дать руководящие лозунги, направление, идейно воспитывать наше студенчество. Мы надеемся, что он будет эту задачу выполнять.

В политических кампаниях студенчество в истекшем году показало свое лицо во всей республике. От самых далеких углов и до Москвы, где громадная демонстрация беспартийного студенчества поднесла знамя X Московской конференции Р. К. П.—всюду можно было видеть те глубокие сдвиги, которые произошли в студенчестве, сдвиги в сторону Советской власти и Коммунистической партии. Эти сдвиги нужно закрепить и это можно сделать только углубленной идейно-воспитательной работой.

Вторая часть вопроса—использование студенчества, как культурной силы.

Центральное Бюро поставило вопрос о связи студенчества с предприятиями и деревней, об использовании его в каникулярное время для работы в провинции. Здесь может быть целый ряд практических форм, но основной принцип ясен. Практика показывает, что эта работа на местах прививается, дает свои плоды и что эти начинания нужно будет развивать и углублять.

Нам думается, что в решении вопроса о смычке города и деревни студенчество и его пролетарская часть в первую голову выполняют большую работу, и политический эффект от появления в деревне пролетария-студента в роли культуртрегера будет достаточно велик, если не сказать больше.

Кроме этих отраслей политико-просветительной работы, Ц. Б. сейчас разрабатывает вопрос о постановке работы среди студенчества по изучению бытовых и культурных особенностей тех национальных областей, где студенты собираются работать или откуда они посланы в вузы.

Здесь, конечно, стоит вопрос о борьбе с попытками буржуазных шовинистических партий развить свою работу среди студенчества. Активность сионистов в этом вопросе достаточно показательна.

* * *

Коммунистическое студенчество. Значение его для РКП огромно. Этого никто не отрицает. Каковы его задачи?.. Каковы задачи всей РКП по отношению к нему?.. Прежде всего, конечно, совершенно неправильны представления некоторых товарищей, что комстуденчество имеет в перспективе приходить на смену партийной гвардии и ее вождям. Вряд ли можно серьезно думать, что коммунист-студент, только потому, что он изучил путейское или медицинское дело, может претендовать на замену старой партийной гвардии.

Наше коммунистическое студенчество далеко не однородно в коммунистических университетах, вузах и рабфаках. Детально разбирать этот вопрос нужно будет особо на страницах нашего журнала и партийной прессы. Здесь нужно будет дать лишь основной материал применительно к комстуденчеству вузов и рабфаков, поскольку в коммунистических университетах коммунисты находятся в особых условиях.

В грубых чертах мы можем сказать, что комстуденчество имеет в своей среде большой процент партийного молодняка, который нуждается в систематическом марксистском обучении и воспитании. Последний год в среду комстуденчества попали кадры довольно крепких и закаленных партийцев, которые в большой степени оживили работу в вузах и среди коих имеются товарищи с весьма большим партийным и революционным стажем.

Какие задачи стояли перед комстуденчеством?... Участие в общей партийной работе, повышение своей марксистской квалификации, работа внутри ячеек, работа среди беспартийного студенчества и—учеба.

Организационные предпосылки для работы были крайне тяжелые. Поскольку в начале обзорного года не существовало определенных форм студенческих беспартийных организаций—ячейки были перегружены, если можно так выразиться, советскими функциями и от этого страдала внутрипартийная работа. Целый ряд студенческих организаций находился под непосредственным руководством ячеек, и понятно, как это отзывалось на партработе.

Парторганизации не давали достаточно сил для ведения марксистской работы, а студенчество своими силами, за редкими исключениями, конечно, могло только кустарничать.

Политическая и партийная активность комстуденчества была по целому ряду причин невысокой.

Партийные органы мало уделяли внимания работе комстуденчества, зачастую не давали себе труда внимательно присмотреться к его внутреннему состоянию, взять руководство той борьбой, которую комстуденчество вело в стенах школы: за новый устав, за советскую профессию, за беспартийное студенчество. С таким положением вещей мы начали обзорный год.

Что же мы имеем сейчас?... Комстуденчество, отчетливо понимая насущную потребность участия в общей партийной работе, втянулось в определенной части в это дело и во многих местах дало здесь большие результаты.

Сеть марксистских кружков, правда, пока еще недостаточно обслуженных, работает так или иначе, и эта работа развивается.

Беспартийное студенчество организуется, во многих местах уже организовано и созданные аппараты работают в общем не плохо.

Какие уклоны наблюдаются среди комстуденчества и чем они объясняются?.. Уклонов—два: академизм и пассивность. Охватывают они круг студентов-коммунистов небольшой и объясняются в специальных вузах прежде всего недостатком сил для постановки марксистского просвещения.

Если этот пробел пополнить, то эти уклоны, конечно, исчезнут.

Заражается ли комстуденчество буржуазной идеологией?.. Оправдались ли здесь надежды наших врагов?.. Здесь можно смело сказать—нет.

Какие были уклоны в работе местных бюро комстуденчества?.. Здесь нужно ясно сказать, что некоторые из них сбивались сначала на путь превращения в маленькие студенческие партийные губкомы.

Вещь, которую все время приходилось выправлять.

Партия должна сейчас вплотную заняться коммунистическим студенчеством. Она должна через свои партийные комитеты руководить его работой, извлекать в рабочие районы коммунистов из вуз'ов, она должна дать силы для идеологического руководства студенчеством, ибо много еще подводных рифов будет стоять на его пути.

Задача—вываривать в котле партийной массовой работы одни кадры комстуденчества,—неуклонно и систематически марксистски обучать другие. Это должна делать партия, если она хочет получить из вуз'ов будущих строителей таких, какие партии нужны.

Партия должна систематически учитывать свои кадры в вуз'ах, рабфаках и коммунистических университетах, знать всегда их количество, качество, их внутреннюю динамику.

Партии стоит основательно заняться комстуденчеством, ибо ценность его для партии и рабочего класса будет громадной, когда студенты выступят из вуз'ов на арену работы, как борцы, вооруженные самым острым оружием—знаниями. Им нужно помочь в их работе и борьбе, их нужно постоянно смыкать вплотную с партией и рабочими массами.

Если здесь поработать как следует,—а это делать нужно,—то результаты окупят работу, энергию и силы, вложенные в это дело.

Вот итоги года работы. Нам думается, они положительны.

Первый и самый главный: в Высшей Школе, на рабфаках, коммунистических университетах рабочий класс уже сейчас имеет растущую могучую силу для дальнейшей работы, для революции.

Второе: строятся тесно сомкнутые с массовыми рабочими союзами студенческие организации под руководством коммунистов и пролетариев.

Третье: уже отпала необходимость в существовании отдельных обособленных организаций комстуденчества (губбюро и ЦБ).

Четвертое: видна громадная нужда в идейной воспитательной работе лучших работников РКП среди коммунистического и беспартийного студенчества.

Пятое: пролетарское студенчество нужно материально поддержать.

Шестое: в общем и целом наше современное коммунистическое студенчество справляется со своими задачами, но ему нужно помочь и в первую голову ему нужно дать хороших марксистов-учителей.

Вот итоги. Какие же выводы?..

Вывод один: работа, работа и работа.

ИВ. СТРУЕВ.

Об использовании каникул партийного студенчества.

Учебный год кончается. Несколько тысяч коммунистов-учащихся рассеивается из ВУЗ'ских центров по всей России. Одна Москва даст 10 тысяч членов партии и комсомола.

Некоторая, довольно большая часть их в результате отвратительных условий существования измоталась, исчахла, переутомилась и свои летние вакации должна использовать прежде всего и главным образом для отдыха и лечения. Вопрос о предоставлении им возможности делать это очень серьезен, требует своей постановки, но в данном случае нас интересует другой—об использовании летних каникул части коммунистического студенчества, сохранившей свою работоспособность.

К сожалению, и в рядах партийного студенчества имеются тенденции все свои силы и изобретательность положить на уваливание от всякой работы в течение летних каникул, использование их на ничего неделание или на устройство всякого рода личных дел. Это может быть понято и объяснено, как реакция на перегруженность академической работой, пуританские условия существования в течение учебного года, но это никак не может быть оправдываемо с точки зрения партийной целесообразности. Мы должны здесь возвратиться к одному старому вопросу.

Самой опасной стороной академической работы коммунистического студенчества в ее теперешних формах является отрыв его от жизни. Я употребляю это „избитое“ положение совершенно сознательно и настойчиво. Ставшие признаком хорошего тона брезгливые гримасы при первом напоминании об отрыве от жизни на деле выражают недовольство спящих за нарушение их покоя и не должны смущать партию в постоянной, настойчиво возобновляемой постановке вопроса о формах предупреждения и борьбы с академизмом во всех его видах.

Старые партийцы еще могут позволить себе отказаться от постоянного, непосредственного контакта с жизнью рабочих и крестьянских масс: выработанный годами революционной работы в условиях старого подполья метод дает им возможность улавливать мельчайшие изгибы массовых настроений по материалам, которых учащаяся партийная молодежь, вместе с отрывом от масс оторванная и от практической работы, не умеет собирать, а собираемый без них не понимает.

Газета для партийного молодняка в лучшем случае источник „интересных“ сообщений и „хлестких“ статей, в худшем (и, к сожалению, более распространенном)—сборник скучных, непонятных изве-

стей, читать которые считается почему-то обязательным и которые или через час по прочтении забываются или совсем не читаются.

Самая сильная и быстрая птица в безвоздушном пространстве летать не может, и крылатое положение т. Троцкого: провести партийное воспитание молодежи по линии введения ее в курс международного революционного движения—актуального значения для разрешения проблемы не сыграла. Когда у учащейся молодежи нет даже узкой смычки с жизнью в ее наиболее близких и живых узлах текущей советской и партийной действительности, тогда мировое революционное движение преломляется в сознании молодого партийца в абстракцию и отскакивает от него, как горох от стены, в лучшем случае вызывая мечтательные вздыхания о мировой революции.

Установить контакт с текущей действительностью непосредственно в академической работе пока не удалось. Известные статьи т. Степанова отражения на содержании и методах учебы не получили, отчасти преломившись в неленое, вульгарное понимание науки, отделение ее от практики, отрицание революционно-практического значения теории революции и т. п. Высокие и модные слова о приоритете практики над теорией, о схоластичности науки и т. п. часто используются для оправдания нежелания заняться систематическим упорным изучением Маркса, Плеханова, Ленина с заменой их какой-либо модной, „всеобщей“, и умещенной на нескольких печатных листах „наукой“ в роде „тектологии“ Богданова.

Теперешние формы вовлечения партийного студенчества в живую работу, главным образом, занятия в школах политграмоты и марксистских кружках рабочих районов дали (в рассматриваемом здесь отношении) большие результаты, но они недостаточны, так как охватывают только небольшую прослойку наиболее квалифицированной и активной части ВУЗ'ских ячеек, не давая сферы приложения массовых сил коммунистического студенчества.

На ближайший период, до начала будущего учебного года, когда вопросы партийного воспитания учащейся молодежи должны быть вновь поставлены во всей их глубине и обнаженности, нужно разработать вопрос об использовании летних каникул, чтобы в течение их вплотную подвести коммунистическое студенчество к текущей советской и партийной работе и к конкретной жизни масс.

Партия в целом вопрос об этой работе должна расценивать не как „гимназические“ или „студенческие“ вздыхания и мечты о „летнем отдыхе на лоне природе“, а как важнейшую часть своей воспитательной и внутривнутрипартийной работы. Несколько тысяч членов партии, готовящихся к ответственной работе, находящихся в условиях, особенно способствующих растлевающему действию анти-революционных и анти-партийных тенденций переживаемой мировым революционным движением эпохи, никогда не должны выпадать из

поля зрения руководящих партийных органов, а всякая возможность противодействия указанным тенденциям должна быть использована в полной мере.

Предоставить движению пройти стихийно, полагаясь на самостоятельность каждого уезжающего, было бы громадной ошибкой и отмахиванием от дела. Рассчитывать на местные партийные организации не приходится. Места, очень нуждающиеся в работниках, не могут и не умеют рационально использовать приезжающих на 1½—2 месяца студентов-коммунистов. Видов работы, требующей „временных гастролеров“, вообще осталось очень немного, а летом, с понижением темпа и напряженности агитационной и пропагандистской работы, их совсем не остается. В результате—какая-либо нудная техническая работа за паек „в аппарате“ комитета.

Наметить и разработать возможные формы использования летних каникул необходимо уже теперь и при том не только в рамках ВУЗ'ских ячеек, но и шире—ЦК и МК в Москве и соответствующих комитетов в Питере, Харькове и т. п. Дело соответствующей подготовки местных организаций должно стать непосредственным делом указанных комитетов.

В основу наиболее широкого и целесообразного использования раз'езжающегося на места партийного студенчества должен быть положен принцип заданий, центра. Заданий, как можно меньше носящих черты „служебных командировок“ с их широкими мандатами и прочими атрибутами „высоких миссий“, как можно больше деловых и обязывающих.

Два примера наиболее желательных работ:

1. Отправляющиеся в села и в уездные города могут быть, несмотря на период полевых работ, использованы исчерпывающе на обследование деревни по методу работ т. Яковлева и Комиссии ЦК; от работы этих последних работа студентов будет невыгодно отличаться меньшей глубиной, критической проверкой и четкостью охвата обследуемого материала, а выгодно отличаться большей широтой и непосредственностью материала и его более свежим по времени происхождением (с данными об урожае 1923 года). По возможности, привлекая т. т. Яковлева, Гурова и других нужно будет своевременно провести кампанию по инструктированию раз'езжающихся и определенно назначенных на это дело студентов-коммунистов. Нужно будет стимулировать их работу серьезной постановкой задания, раз'яснением всего его громадного значения и обещанием использования собранных материалов. Нужно будет снабдить их необходимейшей для дела литературой.

2. Задание уезжающим в рабочие районы, проведенное примерно через ВЦСПС: провести обследование бюджета местных рабочих, ознакомиться и дать материал о их быте, работе профессиональных орга-

низаций, фабричной инспекции, культурно-просветительных учреждений и т. п.

Нужно обязательно использовать сохранившиеся в массе рабочего студенчества здоровые производственные интересы и помочь ему летом возвратиться на свои заводы и фабрики к своим станкам; это—задача парторганов, выходящая за рамки партийного студенчества и охватывающая более широкую массу.

Подробное обсуждение намеченных форм работы, выяснение других возможностей и т. д.—дело массового обсуждения в ячейках и детальной кропотливой разработки в специальных комиссиях.

С. ВЕСЕЛОВ.

Пролетаризация Высшей Школы и наши очередные задачи.

Мы постепенно забываем о «минувших» годах. Перед нами все больше и больше разворачиваются новые горизонты, мысль и воля направлены на дальнейшее развитие строительства.

Рабочая масса, пролетарская, коммунистическая молодежь, проявляющая героизм в борьбе с неравными врагами в открытом бою, влившаяся огромной лавиной в учебные заведения, также героически «грызет гранит науки», вооружается теоретически «снаряжением» для того, чтобы уметь побеждать—преодолевать буржуазную и мелкобуржуазную идеологию, а может быть и твердость капиталистической стали, в открытом бою.

Готовятся многотысячные боевые колонны, проникнутые глубоким сознанием величайшей ответственности в той исторической задаче, которая должна быть ими завершена, как новой сменой. Они понимают, как трудно выступить в роли новой смены над перестройкой всего старого мира.

В настоящий момент чрезвычайно важно возможно отчетливее представить себе основные проблемы, стоящие перед нашей Высшей Школой—первой в мире школой социалистического государства и в частности перед нашим современным студенчеством.

Если в прошлом **ВЫСШАЯ ШКОЛА** была опорой буржуазно-монархической власти для умелого закабаления и порабощения трудящихся масс, то теперь она **должна явиться твердой опорой и могучим рычагом пролетарской власти** для завоевания всей экономической и хозяйственной жизни страны.

Разрешиw теоретически эту проблему под таким углом зрения, рабочий класс, со всей присущей ему энергией и героизмом, практически принял за строительство опорных пунктов для осуществления пролетаризации Высшей Школы—эти пункты—рабочие факультеты.

Таким образом, рабфаки явились первой брешью на славном пути завоевания пролетариатом «храма науки»—Высшей Школы. Синеблузники, победители Октября брали позицию за позицию во всех областях современной жизни, упрямо завоевывая науку, технику, культуру. И в тот момент, когда еще на фронте гражданской войны гроыхали орудийные выстрелы, а представители «цивилизованного» европейского мира слали на нас с «нарочным» достижения своей науки—танки, в это время рабочий класс России при поддержке революционного крестьянства, не взирая ни на какую контр-революционную слякоть, твердой, уверенной поступью (солдат революции) шел на штурм всех достижений буржуазной науки. Не вдаваясь в панику от неудач, не опьяняясь своими героическими победами, подходя с марксистским пониманием к окружающим событиям, с марксистским прогнозом к грядущим задачам, рабочий класс создал свои пролетарские факультеты.

Сколько было трудностей на пути этого строительства: реакционные профессора пророчили гибель этого начинания, как самого неудачного из «экспериментов» Советской власти; белогвардейское студенчество осмистывало и осмеивало появление рабочих в Высшей Школе, а также отсутствие должного сочувствия и необходимой помощи со стороны различных организаций и учреждений создавало иногда неуверенность в успешности этого начинания.

Но воля и энтузиазм тысяч в начале, а теперь десятков тысяч рабочей массы укрепили, узаконили навсегда это ценнейшее достижение Октябрьской революции.

Оглядываясь на пройденный путь, мы смело можем сказать, что и здесь победа за нами. От первого рабфака в начале 1919 года с тысячьо человек слушателей, мы в своем строительстве достигли 70-ти рабфаков в 23 году с 35 тыс. слушателей. И эти цифры решительно говорят, насколько жизненно-необходимо существование рабфаков и дальнейшее их развитие. Вся история строительства их доказывает, что эти культурно-научные очаги, в отличие от других учебных заведений, организаторами и вдохновителями которых являлись иногда старые спецы, рождались в низах, фабрично-заводской рабочей массе, упорно рвущейся к знанию.

Кто не знает, как и сейчас места бесконечно ходатайствуют об открытии рабфаков. Часто общее собрание рабочих, работниц и молодежи на фабриках и заводах решают о необходимости открытия в их местности, районе, при руднике, фабрике или заводе—рабочего факультета.

И приемы на рабфаки особенно последних лет показывают, что среди рабочей массы тяга к науке неимоверным образом растет. Об этом ярко свидетельствует поднимающийся процент рабочих в РФ и падающий %/о

лиц нефизического труда. Сравнивая в процентном отношении классовый состав рабочих факультетов по республике мы видим:

В 1920 году.	В 1921 году.	В 1922 году.
1. Рабочих . . . 40 ⁰ / ₀ .	1. Рабочих . . . 52 ⁰ / ₀ .	1. Рабочих . . . 63 ⁰ / ₀ .
2. Крестьян . . . 32 ⁰ / ₀ .	2. Крестьян . . . 23 ⁰ / ₀ .	2. Крестьян . . . 23 ⁰ / ₀ .
3. Лиц нефиз. тр. 28 ⁰ / ₀ .	3. Лиц нефиз. тр. 25 ⁰ / ₀ .	3. Лиц нефиз. тр. 11 ⁰ / ₀ .

Таким образом возрастает процент рабочих и падает ⁰/₀ лиц нефизического труда.

Это дает наилучшую гарантию и уверенность, что, строя на столь твердой базе пролетарского состава будущее здание социалистической, коммунистической школы, мы можем быть уверены в плодотворности нашей работы.

Теперь необходимо указать на скрепляющий цемент—коммунистический состав рабфаков по республике. Выясняя, таким образом, по годам рост партийного состава на рабфаках, мы имеем и здесь не менее интересные данные в процентах.

В 1920 году.	В 1921 году.	В 1922 году.
1. Партийных: коммунистов и кандидат. 20 ⁰ / ₀ .	1. Партийных: коммунистов и кандидат. 26 ⁰ / ₀ .	1. Партийных: коммунистов и кандидат. 46 ⁰ / ₀ .
2. Беспартийн. 80 ⁰ / ₀ .	2. Беспартийн. 74 ⁰ / ₀ .	2. Беспартийн. 54 ⁰ / ₀ .

Эти цифры являются наилучшей порукой того, что дело пролетаризации Высшей Школы в твердых надежных руках революционного авангарда рабфаков—коммунистического студенчества, которому даже в прошлом и особенно теперь совершенно не страшны встречающиеся преграды на идеологическом фронте. Он гигант великан. Он уж спорит сейчас не за одну шестую земного шара, а за весь земной шар, и он победит.

Нам, вступившим на шестой год строительства Советской власти и четвертый год расцвета пролетарских коммунистических факультетов, следует бросить сейчас взгляд на пройденный путь. И намечая практическую будущую деятельность по строительству Высшей Школы и рабфаков, необходимо яснее дать себе отчет в той задаче, которая в этой области стоит сейчас перед профессиональными, партийными и советскими организациями.

Видя достижения на одном участке идеологического фронта—рабфаках, мы должны ни на минуту не забывать, что этим задача далеко еще не исчерпывается. Рабфаки есть только первая ступень к овладению этими необходимыми всякому образованному товарищу знаниями. За рабфаками затем последуют основные факультеты, где пока «иной витает дух». Здесь еще много старых, правда, может быть «смирившихся», но в достаточной степени свирепых «зубров», на которых мало влияет восходящее «солнце» коммунистической мысли, их еще тянет болото «независимой» от рабочих Выш. Школы.

Высшая Школа еще находится в состоянии сухого, архистарого академизма. Связь школы с производством осталась только хорошим лозунгом, осуществление которого еще далеко впереди. До сего времени еще содержание задач ВШ не изменилось в связи с новыми хозяйственными вопросами, но пролетарское студенчество само уже начинает интересоваться новыми вопросами: 1) научной организацией труда (ибо в производстве мы все «достигаем» довоенной нормы); 2) социалистическим землеустройством и новыми принципами сельско-хозяйственного устройства и земельной обработки (здесь мы получаем только 30 пудов хлеба с десятины в то время, как заграничный крестьянин имеет 150—200 пудов с десятины).

В связи с изменившимися социальными условиями нашей страны задачи ВШ сводятся не только к передаче старых научных дисциплин, но должны быть расширены до размеров изыскательной работы и применения новых производственных принципов в хозяйственной жизни республики. До сего времени ВШ, как научное учреждение, мало интересуется указанными выше вопросами. Конечно, отдельные представители преподавателей и студенчества уделяют иногда внимание, но это считается иногда с точки зрения «маститых» представителей ВШ «роскошью посторонней».

Рабочий, выйдя из фабрично-заводской массы и попав на рабфак, чувствовал там «что то новое» и это «новое» он замечал не только в своих собратиях по классу, но и во всех новых методах программно-методической работы; рабфаковец получает хоть какое-нибудь общественно-политическое воспитание путем своей самодеятельности прежде всего, в то время, как на основных факультетах мы имеем совершенно противоположную картину. Конечно, этого нет в коммунистических университетах. Причины такого явления можно считать следующими: число учебных заведений и количество студентов расширилось без соответствующего учета материальных и других возможностей республики. Поэтому мы вынуждены были держать и держим пока на государственном обеспечении огромное количество «культурных»; преподавательских сил прежних старых школ «доброе царского времени». До сих пор не сделано еще достаточно строгого проверочного отбора наилучшей культурно-мыслящей преподавательской интеллигенции от общей массы для того, чтобы более радикальным образом видоизменить вообще всю постановку в Высш. Школе, а при этом и иметь возможность более лучше материально обеспечить меньшие кадры преподавателей и, таким образом, дать им возможность «мыслить» не только о хлебе насущном, но и о новых методах преподавания, об улучшении постановки лабораторно-изыскательской работы и проч. И дать им возможность хотя бы немного знакомиться с «весенними» и «осенними» литературными новостями нашей современности. Во вторых, само студенчество основных факультетов настоящего состава заставляет желать очень многого. По некоторым Вуз'ам это «многое» доходит чуть ли не до 75%

такого состава студенчества, ничего общего не имеющего не только с революцией, но и с общественностью.

В подтверждение этого очень красноречиво говорят следующие цифры классового и партийного состава студентов 33 Московских ВУЗ ВТУЗ и П. И. (за исключением: Первого гос. университете—физмата, Второго гос. университета, Высших научных педагогических курсов, Высший географический институт, Институт кинематографии и Коммунистических университетов). Из общего количества студентов основных факультетов ВУЗ и П. И. в количестве 43.580 ст.

По соц. положению.

1. Рабочих . 5,812 или 13,3%.
2. Крестьян . 7,457 „ 17,1%.
3. Лиц не физич. труда—
трудоустрой интелли-
генции . 9,225 или 24,1%.
4. Платн. места нетр. ин-
теллигенц. неизвест-
ных и пр. 20,986 или 48,2%.

По партийности.

1. Членов РКП 3,541 или 8,2%.
2. „ РКСМ 1,577 „ 3,6%.
3. Беспартийн. 38,462 „ 88,2%.

Нет сомнения в том, что общий состав студенчества по всей республике основных факультетов представляет в классовом отношении еще менее утешительным, так как полных сведений по провинции нет не только у автора настоящей статьи, но и у органов, кому надлежит этим ведать, я приведу только некоторые характерные факты состава студенчества провинциальных ВУЗ и П. И.

Донской Сел.-Хоз. Институт в Новочеркасске из общего количества студентов в 621 чел. 22/23 уч. года.

По соц. положению.

1. Рабочих . . . 112 или 18,1%.
2. Крестьян . . 242 „ 39 %.
3. Трудовой ин-
теллигенц. 137 „ 22,3%.
4. Неизвестных 130 „ 20,6%.

По партийности.

1. Членов РКП , 2 или 0,3%.
2. „ РКСМ 3 „ 0,5%.
3. Беспартийных 616 „ 99,2%.

Не более утешительные цифры дает нам другое учебное заведение— Витебский Механико-Строительный Институт из общего колич. 286 ст. 22/23 уч. года.

По соц. положению.

1. Рабочих . . . . 69 или 24%.
2. Крестьян . . . . 63 „ 22%.
3. Трудов. интел. 102 „ 38%.
4. Торговцев и не-
известных . 52 „ 16%.

По партийности.

1. Членов РКП . . . 6 или 2%.
2. „ РКСМ . 3 „ 1%.
3. Беспартийных . 277 „ 97%.

Теперь возьмем Пермские учебн. заведения: Медфак, Педфак и Агрофак из общего количества студентов в 1.882 ст. 22/23 уч. года.

По соц. положению.

1. Рабочих . . . 148 или 8 %.
2. Крестьян . . . 366 „ 19,5%.
3. Труд. интел. . 535 „ 28 %.
4. Буржуазн. эле-
мента . . . 240 „ 13 %.
5. Лица духовного
происхожд. 128 „ 7 %.
6. Детей старых
чиновников 99 „ 5 %.
7. Неопредел. . 366 „ 19,5%.

По партийности.

1. Членов РКП . 46 или 2,3%.
2. „ РКСМ 25 „ 1,2%.
3. Беспартийн. 1811 „ 96,5%.

И в заключение Воронежский Сельско-Хоз. Институт из общего количества студентов 670 22/23 уч. года, из которых заполнило анкеты на госстипендии 487. Всех заполнивших анкет 487 можно разбить (дословно пишет местная стипендиальная комиссия Главпрофобру):

I. По сословному и классовому происхождению:

1. Рабочих и крестьян . . . . . 223.
2. Мещан (чиновников, служ. и проч.) . . . . . 199.
3. Мелк. торговцы, кулаки, потомств. поч. граждане 31.
4. Духовенство, дворяне и буржуазия . . . . . 34.

II. По профессии:

1. Землеробы и рабочие 47
2. Служащие . . . . . 104.
3. Учащиеся . . . . . 286.
4. Без профессии . . . . . 50.

III. Служба в Красной армии:

1. Служили, но не канцеляристами и не занимали
административных должностей . . . . . 59.
2. Служили, но находились в канцелярии и за-
нимали административно-хозяйственные дол-
жности . . . . . 106.
3. Не служили по причинам . . . . . 301.
4. Не служили без причин . . . . . 21.

IV. Командировки:

1. Рабфаками, РКП и РКСМ (Губкомы) . . . . . 46.
2. Профорганизациями . . . . . 203.
3. Наркоматами . . . . . 56.
4. Без командировок . . . . . 182.

V. Профсоюз:

1. Действит. членов . . . . . 91.
2. Не членов . . . . . 396.

VI. Партийность:

1. Члены РКП . . . . . 13.
2. „ РКСМ . . . . . 16.
3. Беспартийных . . . . . 458.

VII. Общественные работы:

1. Принимали участие . . . . . 220.
2. Не принимали участия . . . . . 227.

Скрепил Заведующий Подотделом ОБУ (подпись).
Делопроизводитель (подпись).

Понятно, такой состав ВУЗ и П. И. не может вносить новые коммунистические элементы критики в жизнь Высшей Школы, что делается на рабфаках. Здесь известная часть преподавателей чувствует «родное» ей поле, ведя старые методы преподавания. Кроме этого, обстановка при наличии такого состава студенчества ни чуть не располагала и не располагает какой-либо творческой и общественной работы, и поэтому оканчивающие рабфаковцы, перешедшие на основные факультеты, в такой обстановке деклассируются, разлагаются.

Время покончить с подобным явлением. Республика ждет от Высш. Школы красных специалистов с пролетарской коммунистической идеологией, ибо практика и опыт нашей революции и практической работы показал, настолько успешнее и продуктивнее идет работа в производстве, в отделе и т. п., когда в одном лице объединяется спец-коммунист или спец-рабочий.

Правда, некоторые головы оправдывают существующее положение в отношении настоящего состава студенчества тем, что потраченные государством средства, в течение первых 2—3 лет обучения нельзя прерывать. Надо дать возможность закончить и дипломировать настоящее студенчество.

Но понесут ли многие из них те новые принципы социалистической коммунистической мысли в производство и сельское хозяйство с тем, чтобы там произвести тоже своего рода «октябрьский переворот». Конечно, нет и еще раз нет. Их поглотит, как уже многих поглотил частный рынок, частная инициатива, поскольку существуют нэп и еще может быть долго будет существовать, пока Западно-Европейский пролетариат не придет нам на помощь революцией в собственной стране.

В заключение необходимо указать на те основные очередные задачи, которые стоят перед Высшей Школой и самим студенчеством.

ВШ должна получить более твердую материальную базу для того, чтобы развиваться как научно-культурное учреждение. Но это не означает

наших надежд на новые и новые государственные ассигновки, ибо государство в данный момент не располагает дополнительными средствами и вряд ли в ближайшие годы будет располагать. Необходимо проявить инициативу мест—учебн. заведений в направлении усиления работы по своего рода «самоокупаемости»: 1) применить прием НОТ'а: качество за счет количества, т.-е. произвести реальное сокращение количества студенчества, что равняется притоку новых средств; 2) усилить работу «налоговую» по взиманию платы за право учения с состоятельного буржуазно-спекулятивного элемента (а как мы видели такой состав в Вуз'ах есть); 3) принять активное участие в теоретической и практической разработке вопросов: а) финансирования, снабжения и материальной помощи за счет хозяйственных и других органов Вуз'ам и студенчеству, б) урегулировать вопрос о выдаче частных стипендий и разовой помощи профсоюзами, хозорганами и другими организациями, в) более внимательного отношения распределения государственных стипендий, представляя их исключительно пролетарскому коммунистическому составу и лицам, имеющим особые заслуги перед революцией.

Далее необходимо отметить некоторые организационные задачи, в осуществлении которых студенчество должно проявить в достаточной степени инициативу и самостоятельность. Такими задачами можно считать: 1) усиление работы профсекций. В частности углубления этой работы. Здесь необходимо очень внимательное отношение к «желающим» вступить в профсекции, надо строго помнить классовое значение профорганизаций и их роль в общей системе республики. 2) При будущем приеме в Вуз'ы необходима такая постановка работы, при которой бы не могли пройти в стены ВШ единицы чуждого нам элемента. Надо заранее помочь союзным органам произвести отбор наилучших кандидатов из общего количества желающих. Надо создать условия соревнования кандидатов на основе производственного, партийного и военного стажа, отбирая наилучших представителей рабочих. Только при этом можно гарантировать классовый состав студенчества ВШ и в таком отборе студенчество должно принять живейшее участие.

Вот некоторые проблемы на пути укрепления ВШ. Помня, что Красная армия, укрепив свои полки, смогла внести боевое настроение в победы на военном фронте, **пролетарское студенчество должно последовать ее примеру, укрепить свои колонны, внести „боевую“ волю в ряды будущих творцов и создателей новой коммунистической жизни, твердой поступью солдат революции от побед на военном и хозяйственном фронте, к победам на фронте идеологическом.**

Проф. И. В. ГРИБОВ.

ВЫСШАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

В настоящее время научно-технической секцией Государственного Ученого совета ведутся работы по реформе высшей технической школы. Работы по реформе этой школы были начаты Главным Комитетом Профессионального Образования еще с марта 1920 года специальной комиссией из профессоров, под председательством О. Ю. Шмидт. Труды комиссии были приняты конференцией высших технических учебных заведений из профессорской и преподавательской коллегий, студенческих организаций и представителей заинтересованных учреждений 18—22 июня 1920 г. и были опубликованы вместе с протоколами конференции в материалах по профессионально-техническому образованию. Учебным заведениям предложено проведение намеченной реформы. Однако, как теперь уже установлено, в проведении на местах реформы получилась весьма пестрая картина. Стало ясно, что необходимо продолжать начатые работы вновь в центре. Одновременно необходимо в предметных комиссиях и вообще в органах учебных заведений поставить также широко и вопросы методологии.

Уже начало империалистической войны наглядно показало царским правящим кругам всю несостоятельность нашей промышленности и, в связи с этим, нерациональность постановки технического образования. Так, проф. В. П. Гриневецкий сделал 17 января 1915 года доклад собранию Политехнического общества „О реформе инженерного образования“, обнаруживший недостатки технического образования и намечающий вехи к реформе. Основная мысль доклада устанавливала факт оторванности высшей технической школы от промышленности. Отмечалось отсутствие ясности задач инженерного образования, многопредметность и перегрузка студентов; высказывалась необходимость углубления изучаемых дисциплин для особо одаренных студентов в намечаемых особых курсах в виде надстройки над высшей технической школой с сокращенным учебным планом и сроком пребывания в ней студента.

В дальнейшем вопрос о реформе технического образования вновь встал в первое же время после революции. На съезде по профессиональному образованию тот же проф. В. П. Гриневецкий сделал доклад на тему: „Жизненные задачи профессионального образования в связи с хозяйственным положением России“. Докладом предлагается на базе общего народного просвещения, развитие специализации не только по отраслям техники, но и по функциям, обновление всей постановки учебного дела в соответствии с новейшими достижениями техники и новейшими требованиями промышленности.

Необходимо заметить, что в Северо-Американских Соединенных Штатах и в Германии идет непрерывная планомерная работа по дальнейшему развитию технического образования. Быстрое и грандиозное развитие промышленности С. - А. С. Ш. в начале текущего столетия приковало к себе внимание всего мира. Разрешение многих технических вопросов, ряд весьма важных изобретений и открытий во всех областях техники и удачные улучшения в машинах-двигателях и в станках-автоматах создали первенствующее положение американской промышленности. Интенсивные хозяйства ведутся по последнему слову науки и техники и ручной труд в них доведен до минимума. Такое положение создало стремление со стороны германских ученых к изучению факторов, влияющих на такое развитие промышленности Штатов. Было установлено, что своим колоссальным развитием промышленность Штатов обязана, в первую очередь, высшему культурному развитию населения, широкому профессионально-техническому образованию рабочих, получаемому или в фабрично-заводских школах, курсах и в клубах, глубокому профессиональному образованию инженеров. Немцы, с присущей им настойчивостью и стремлением к законченности, рядом командировок в С. - А. С. Ш. изучили постановку общего и технического образования, и подробнейшие отчеты об этих поездках известных профессоров, педагогов и инженеров — Матшоса, Миллера, Мюльмана и Лемгандра, были представлены, как материал для работ, созданной специальной Общегерманской Комиссии по техническому образованию, в которую вошли все заинтересованные учреждения с широким участием промышленных предприятий. Начало работ этой Комиссии относится к 1909 г. — с тех пор комиссия ведет свои работы. После войны эта комиссия более интенсивно продолжает работать, и в 1919 году впервые принимает участие в ее работах организованное студенчество высших технических школ. В основу работ комиссии кладутся доклады профессоров Матшоса, Ридлера и Аумунда. Германия успела создать отлично практически подготовленных инженеров, которым германская промышленность, в значительной степени, обязана своим сильным развитием, дающим ей возможность во многих случаях успешно конкурировать с промышленностью С. - А. С. Ш. Работы германской комиссии идут в настоящее время, главным образом, по линии создания еще большей связи школы и промышленности и в подведении экономической базы для программ и планов технического образования.

Таким образом, материалом для работ комиссии по реформе высшей технической школы при научно-технической Секции ГУС'а могут служить исчерпывающие работы германской комиссии по техническому образованию. В этих работах, помимо анализа и выявления новых принципов высшего технического образования, твердо проводятся идеи единения высшей технической школы с промышленностью в форме совместного сотрудничества в деле высшего технического образования.

Для нашей технической школы, построенной на началах пролетаризации, в управляющих органах которой призваны участвовать представители хозяйственных и профессиональных организаций и заинтересованных ведомств, легче осуществима теснейшая связь на почве совместного сотрудничества высшей технической школы с промышленностью. При этом, промышленность крайне заинтересована в высшей технической школе не только в конечных результатах ее работы в смысле подготовки необходимых специалистов, но и кровно должна быть заинтересована в тесной связи, в целях использования результатов научно-исследовательских работ, которые ведутся в лабораториях высших технических учебных заведений.

Будучи кровно заинтересована в высшей технической школе, промышленность должна не только командировать в нее рабочих для обучения, но должна содержать их в ней, предоставляя им все средства к существованию во время прохождения курса. Необходимо помнить, что рабочие фабрик и заводов с их опытом, являются чрезвычайно ценным элементом и, с практической стороны для подготовки инженеров соответствующей специальности, не нуждающимися в обучении практическим навыкам и сведениям, а также в ориентировке в вопросах практики.

Чрезвычайно необходимой и важной помощью промышленности школе является участие в оборудовании и снабжении материалами. В этом отношении мощным предприятиям особенно легко помочь оборудовать ту или иную учебную лабораторию, организовать тот или иной кабинет, предоставить материал для учебных занятий студентов. Часто на складах фабрик и заводов лежат десятками лет без пользы предметы, необходимые для школ. Сплошь и рядом, отбросы производства, загромождающие заводские двory и проходы, являются ценными для работ в мастерских и лабораториях. Так, например, можно указать обрезки и обрубки железа и прочих металлов, которые с пользой идут при элементарных работах в мастерских. Коллекции, собранные из фабрикатов промышленных предприятий, особенно в последовательных стадиях обработки, образцы материалов и топлива—являются чрезвычайно ценными при организации кабинетов в учебных заведениях.

Высшая техническая школа, с своей стороны, как персоналом, так и оборудованием, должна помочь промышленности в деле организации краткосрочных курсов для рабочих промышленных предприятий. Должна организовать периодически курсы для высшего и среднего персонала предприятий в целях возобновления их теоретических познаний и сообщения итогов соответствующих новейших достижений науки и техники. Высшая техническая школа должна пойти навстречу своим участием делу организации школ фабрично-заводского ученичества.

Первым и наиболее легко выполнимым способом совместной работы школы и промышленности являются студенческие экскурсии на фабрики, заводы и прочие технические предприятия. Такие экскурсии должны

быть систематичны и, по определенной программе,—введены в учебный план. Экскурсии, по существу, могут носить лишь общий характер и должны производиться, по преимуществу, на первых курсах, небольшими группами непременно под руководством соответствующих профессоров и их ассистентов, с одной стороны и специальных руководителей инженеров, со стороны предприятия. Однако, эти экскурсии не должны быть поверхностны и все же по существу они не могут и носить характер частного углубленного изучения каких-либо деталей производства. Посредством экскурсий необходимо в студентах развить наблюдательность. Перед экскурсией необходимы вводные беседы профессоров, объясняющие особенности предполагаемого к посещению производства, дающие указания, на что необходимо обратить внимание. В этих беседах необходимо давать пояснения экономической стороны предприятия. После каждой экскурсии участники должны составить отчеты о виденном. Эти отчеты должны рассматриваться на собрании вместе с руководителями экскурсии. Такой метод разовьет в студентах самостоятельность в работе воспитывает в них умение наблюдения и выделения из общего наиболее важных и нужных моментов.

На старших курсах, по преимуществу, необходимо также введение в учебный план, в соответствии с прохождением теоретических курсов, длительного изучения в предприятиях определенных процессов и устройств, проделывание определенных работ, опытов. Эти работы ведутся преимущественно индивидуально. К ним допускаются студенты уже с известными познаниями и обладающие соответствующими навыками, приобретенными ими при их теоретических занятиях, работах в мастерских и лабораториях школы.

Последними этапами студентов в производстве должна быть ежегодная, по преимуществу, летняя практика. Однако, некоторые производства, требуют например, осенней практики, будучи связаны с временем года. Первая производственная практика должна выполняться студентом в качестве простого рабочего. Вторая практика, требующая уже большего знания, студентами должна выполняться в более ответственных должностях—мастера и т. п. Студенты должны вести рабочие журналы, описывая в них производство, вводя в них изучение элементов времени и его влияние в процессе работы. Перед отправлением на практику профессорами делаются предпосылки к работе на практике в форме определенных директив. После практики студенты обязаны отдать отчет. Эти отчеты должны разбираться в соответствующих семинариях под руководством преподавателей. Во время практики студенты должны получать со стороны предприятия соответствующее их участию в работе вознаграждение.

Профессор Герман Шнейдер, декан инженерного отделения университета в Цинциннати, выработал идею тесного сотрудничества школы и промышленности в деле инженерного образования в форме поперемен-

ной работы студентов в школе и в производстве по 1—2 недели небольшими группами в несколько человек в разных предприятиях. В 1902 году проф. Шнейдеру впервые удалось осуществить свою идею. Чтобы предприятие не оставалось без рабочих, все учащиеся делятся на две смены. Одна работает в производстве, другая в это время занимается в университете. Студенты работают в производстве под непосредственным руководством профессоров и специальных ассистентов. Студенты получают в постепенной трудности работу и последовательно переходят из одной мастерской в другую, знакомясь с производством. В школе подвергаются обсуждению работы студентов и в производстве, наоборот, проверяются знания, приобретенные во время теоретических занятий. Последовательно эта система обучения, известная под именем „кооперативной“ распространилась в Северной Америке. Мало того, она распространилась на другие специальности—юридическую, медицинскую, коммерческую. Эти факультеты также стали посылать своих воспитанников, соответственно их специальности, в судебные учреждения, в клиники и больницы, в банки и торговые предприятия. Эта система позволяет учиться необеспеченным студентам, так как их труд в производстве оплачивается. Руководители предприятий во время этих работ знакомятся индивидуально с каждым студентом и, в большинстве случаев, оставляют их у себя на постоянной службе в качестве инженеров после окончания ими школы. Опыты последних лет подтвердили особенно жизненность и целесообразность этой системы обучения, перенесенной в последние два—три года и в Германию.

Все описанные методы обучения студентов в производстве, казалось бы, легко проводить в жизнь в Советской России, в которой все предприятия принадлежат правительственным и советским учреждениям. Однако, на деле обстоит совершенно иначе и, если руководители предприятий еще кой-как мирятся с студенческими экскурсиями, то что касается дальнейшего, например, относительно приема в производство студентов в качестве рабочих то, в громадном большинстве, от предприятий невозможно добиться согласия. Руководители предприятий боятся, что студенты будут балластом для производства. Такое мнение ошибочно. Во всяком случае, предприятия, со своей стороны, могут предъявить к практикантам определенные требования и если от работы студентов, может быть, и не будет явной прибыли, то долг перед страной в деле развития ее производственных сил должен подсказывать этим руководителям, что необходимо обратить внимание на этот важный вопрос и взять за пример хотя бы капиталистическую Америку.

Дальнейшим взаимодействием высшей технической школы и промышленности, в целях развития обеих сторон, является обмен в процессе работы высоко квалифицированными специалистами. Для прогресса промышленности необходимо привлечение профессоров и вообще научных сотрудников к работе в промышленности. При таком положении новей-

шие достижения науки смогут легче проникать и прививаться в промышленности. Имеющиеся в этом отношении примеры Америки, Западной Европы, да и у нас дали яркие положительные результаты. С другой стороны, и ученые специалисты, педагоги смогут проверять и проводить свои теоретические изыскания на практике и не будут страдать кабинетностью. Школа же от такой работы тоже выигрывает в смысле постоянного приближения к жизни. С другой стороны, и видные производственники должны принять участие в педагогической работе школы, передавая свой опыт молодежи, в особенности, в узко-специальных вопросах практики. Однако, в этом случае несомненно играет роль и вопрос оплаты труда. Как известно, деятели промышленности оплачиваются несоизмеримо лучше педагогов, обреченных в большинстве случаев на полуголодное существование. В этом отношении необходимо уравнение оплаты труда деятелей школы с деятелями промышленности.

Совместная работа школы и промышленности необходима также в интересах обеих сторон в деле использования отдельных учебно-вспомогательных учреждений школы и предприятий для производства исследовательских работ, как известно, всегда требующих больших затрат, как с денежной, так и с материальной стороны.

Таким образом, надо в срочном порядке обратить внимание на самую тесную совместную работу школы и промышленности—этот важнейший вопрос в деле строительства народного хозяйства. Систематическое проведение указанных мер необходимо взаимными усилиями деятелей школы и промышленности. Необходимо уяснить себе все значение такого единения прежде всего для промышленности, и если необходимы некоторые материальные жертвы с ее стороны, то результаты их окупят сторицей. Лозунг: „Единение школы и промышленности“ должен быть всегда впереди для деятелей и в особенности в настоящих условиях страны, когда все усилия употребляются на развитие нашей промышленности.

Проф. И. А. ТИЩЕНКО.

К ПЕРЕСМОТРУ УЧЕБНЫХ ПЛАНОВ.

(ОКОНЧАНИЕ).

Пересмотр учебных планов в.-у. з. и приспособление их к профессиональным заданиям представляет собой, конечно, очень трудную задачу и мы не беремся в настоящей заметке дать детальное построение учебного плана для каждого типа и факультета высшей школы. Попробуем для примера подойти с вышенамеченным критерием к построению учебного плана химического факультета высшей технической школы, хотя

некоторые из наших дальнейших положений и выводов будут приложимы каждому факультету.

Сокращение общего срока прохождения высшей школы требует удлинения учебного года и сокращения каникулярного времени. Кроме каникулярного времени в тех же целях должны быть сильно сокращены или даже совсем уничтожены чрезмерно растянутые зачетные сессии, отнимающие у студентов и преподавателей значительную часть учебного времени и имеющие весьма сомнительное педагогическое значение. Для учебных занятий и только для них в году должно быть отведено не менее 9 полных месяцев, в пределах которых и будем рассчитывать и распределять рабочее время по триместрам, неделям, дням и часам.

Отдых на каникулярное время должен быть установлен в летнее время, зимой и весной, т.е. три раза за учебный год. Наиболее подходящим явилось бы такое распределение каникул:

Летние каникулы от 1 августа по 1 сентября . . .	1 мес.
Зимние " " 15 декабря " 15 января	1 "
Весенние " " 15 апреля " 1 мая	1/2 "
Всего в учебном году . . .	2 1/2 мес.

Можно допустить незначительные вариации в намеченных сроках начала и конца каникул с тем однако, чтобы общая продолжительность их не превышала 3 месяцев в году.

При таком распределении каникулярного времени учебный год делится на три почти одинаковые по продолжительности срока или триместра, которые распределяются так:

1 триместр (осенний) от 1 сентября по 15 дек.	14 недель.	84 раб. дня.
2 " (весенний) " 15 января " 15 апр.	12 " "	72 " "
3 " (летний) " 1 мая " 1 авг.	12 " "	72 " "
Всего 9 1/2 месяцев	38 недель.	228 раб. дней.

Первый и второй триместры, составляющие в общем 26 недель или 156 рабочих дней соответствуют почти полностью прежнему двухсеместровому учебному году. За эти два семестра должны быть прочитаны все полагающиеся на данный учебный год лекции и проведены все семинарии и упражнения идущие параллельно с читаемыми курсами. Третий, летний триместр только в исключительных случаях и то не более одного месяца (т.е. мая) отводится для окончания недочитанных курсов, завершения упражнений или для зачетов. Главной же целью летнего три-

местра являются сплошные лабораторные занятия и практика на заводах. При этом для младших курсов этот триместр отводится преимущественно занятиям в лабораториях и мастерских, а для старшего курса преимущественно практике на заводах.

Для некоторых отдельных специальностей практика должна отнять почти целиком осенний триместр. Такое исключение должно быть сделано для многих отраслей сельскохозяйственной технологии, для которых производство начинается после уборки урожая и проходит осенью и зимой, как напр. для сахарного, винокуренного, крахмального, мукомольного, маслобойного и др. В этих случаях летний триместр должен быть использован для лекций и занятий по специальным курсам. Но такое исключение приходится делать только для последнего курса. Для первых же курсов для всех специальностей распределение занятий по указанным триместрам должно быть совершенно одинаковым.

Как общее правило такое распределение учебного года можно было бы принять для всех технических вузов.

Еженедельную нагрузку учебными занятиями можно было бы определить следующим образом: **рабочих дней в неделе должно быть пять и кроме того один день, лучше всего суббота, должен быть отведен самодеятельности студентов, а именно работе кружков, экскурсиям, общим лекциям на внеучебные темы и только в исключительных случаях учебным занятиям. Преподавательский и административный персонал может использовать этот день для работ предметных комиссий, факультетов, советов и проч.**

Допуская восемь часов ежедневных занятий, найдем полную недельную учебную нагрузку равной **40** часам. В этих границах и должен уложиться весь учебный план.

Намечая в дальнейшем построение учебного плана для химического факультета, будем определять в первую очередь время, необходимое для усвоения главнейших предметов, остающееся же время будем распределять для вспомогательных и второстепенных предметов. Продолжительность всего обучения примем за три года, причем специальный проект и дипломная работа в учебный план не входят и относятся к четвертому году.

ПЕРВЫЙ КУРС.

Главные предметы:

- Высшая математика.*
- Теоретическая механика.*
- Физика.*
- Химия неорганическая.*

Исходя из общей точки зрения, что учащийся должен не только накопить тот или иной запас сведений по перечисленным главным предметам, но кроме того должен овладеть методами научного знания и на-

учиться прилагать эти методы к решению практических задач, приходим к основному выводу, что преподавания главных предметов должны сопровождаться регулярными и усиленными упражнениями и лабораторными занятиями. Упражнениям и лабораторным занятиям должно быть отведено больше времени, чем чтению лекций по тем же предметам. При таком распределении времени и при условии, что упражнения ведутся с группами имеющими не более 20 чел. слушателей и сопровождаются периодическими контрольными работами, необходимость в зачетах по этим предметам совершенно отпадает.

Для химического факультета главные предметы по продолжительности отводимого им времени распределяется так:

1-й и 2-й триместры.

	Лекции.	Практическ. занятия.	Лаборатории.
<i>Высшая математика.</i>	4 часа.	4 часа.	—
<i>Теоретическая механика</i>	2 "	2 "	—
<i>Физика</i>	3 "	2 "	3 часа.
<i>Химия неорганическая</i>	3 "	2 "	5 "
<i>Всего</i>	12 часов.	10 часов.	8 часов.

Итого по главным предметам в неделю 30 часов.

0/0 лекционных часов 40%.

0/0 практических часов 60%.

За вычетом из общей нагрузки 30 часов, отведенных главным предметам в первые два триместра для вспомогательных и второстепенных предметов остается десять недельных часов.

Эти часы распределяем следующим образом:

	Первый триместр.	Второй триместр.
<i>Начертательная геометрия</i>	2 часа.	2 часа.
<i>Графические искусства.</i>	6 "	4 "
<i>Сопротивление материалов и детали машин.</i>	—	2 "
<i>Ботаника</i>	1 час.	1 "
<i>Минералогия</i>	1 "	1 "
<i>Всего</i>	10 часов.	10 часов.

3-й триместр (лабораторный).

Химия неорганическая	18 часов.
Физика	6 "
Ботаника	5 "
Минералогия	5 "
Графические искусства	6 "
<i>Всего</i>	40 часов.

ВТОРОЙ КУРС. Первый и второй триместры.

Главные предметы:	Лекции.	Практическ. занятия.
	1. Химия аналитическая и лабораторн. занятия по качествен. и количественному анализу	1 час.
2. Химия органическая	3 "	—
3. Химия физическая	1 "	—
4. Общая химическая технология	3 "	—
5. Методы химической техники	3 "	4 часа.
<i>Всего</i>	11 часов.	10 часов.

Итого по главным предметам 25 часов в неделю.

4-й и 5-й триместры.

Предметы вспомогательные:	Лекции.	Практ. занят. и упражн.
	Термодинамика	1 час.
Электротехника	2 "	2 "
Прикладная механика	3 "	—
Строительное искусство	2 "	2 часа.
Геология	1 "	—
<i>Всего</i>	9 часов.	6 часов.

Упражнения на 4 и 5 триместрах ведутся по термодинамике и электротехнике.

Лабораторные занятия по качественному и количественному анализу.

Проектирование аппаратов по курсу метода химической техники.

Проектирование архитектурное по строительному искусству.

6-й триместр (лабораторный).

Количественный анализ	10 часов.
Органическая химия	12 "
Физическая химия	4 "
Прикладная механика.	4 "
Электротехн. лаборатор.	4 "
Проектирование аппаратов.	6 "
Всего	40 часов.

Один из летних месяцев отводится практике на заводе.

ТРЕТИЙ КУРС. 7-й и 8-й триместры.

Главные предметы:	Лекции.	Практическ. занятия.
Специальный курс химии	2 часа.	4 часа.
Специальный курс технологии	4 "	—
Общий технический анализ	—	12 часов.
Топки и печи	2 часа.	4 "
Всего	8 часов.	20 часов.

Итого по главным предметам 28 часов в неделю.

Вспомогательные предметы:

Технология воды и топлива	2 часа.	—
Электротехника и электрофикация.	2 "	2 часа.
Прикладная механика	2 "	2 "
Техническая электрохимия	2 "	—
Всего	8 часов.	4 часа.

Итого по вспомогательным предм. 12 час. в неделю.

9-й триместр (лабораторно-практический).

Специальный курс химии	12 часов.
Специальный курс технического анализа	12 "
Всего	24 часа.

Два месяца отводятся практике на заводе.

Для специального проекта и дипломной работы, а также цикла специальных вспомогательных предметов отводится четвертый курс.

Подводя итоги такому распределению времени получим, что за три года пребывания на химическом факультете слушатель затрачивает на прохождение главных предметов около $\frac{3}{4}$ всего рабочего времени, остальная четверть затрачивается на прохождение вспомогательных предметов. Четвертый же год целиком посвящается углублению в избранной специальности.

Сгруппируем все наши данные в таблицы.

I курс (недельные часы).

П Р Е Д М Е Т Ы.	1-й триместр.		2-й триместр.		3-й триместр.	
	Лекции.	Практ. зан., упражнения и лаборат.	Лекции.	Практ. зан., упражнения и лаборат.	Лекции.	Практ. зан., упражнения и лаборат.
	Ч	А	С	Ы		
Г л а в н ы е:						
1. Высшая математика	4	4	4	4	—	—
2. Теоретическая механика	2	2	2	2	—	—
3. Физика	3	5	3	5	—	6
4. Химия неорганическая	3	7	3	7	—	18
Всего по главным предм.	12	18	12	18	—	24
Вспомогательные:						
5. Начертательная геометрия	2	—	2	—	—	—
6. Графические искусства	—	6	—	4	—	6
7. Сопротивл. матер. и детали маш.	—	—	2	—	—	—
8. Ботаника	1	—	1	—	—	5
9. Минералогия	1	—	1	—	—	5
Всего по вспомог. предм.	4	6	6	4	—	16
Итого по всем предметам .	16	24	18	22	—	40
	40		40		—	—

II курс.

ПРЕДМЕТЫ.	4-й триместр.		5-й триместр.		6-й трим.
	Лекции.	Практич. занятия.	Лекции.	Практич. занятия.	Практич. занятия.
	Ч А С Ы.		Ч А С Ы.		Ч А С Ы.
Главные:					
10. Химия аналитическая	1	10	1	10	10
11. Химия органическая	3	—	3	—	12
12. Химия физическая	1	—	1	—	4
13. Общая химическая технология	3	—	3	—	—
14. Методы химической техники	3	4	3	4	6
<i>Всего по главным предм.</i>	11	14	11	14	32
Вспомогательные:					
15. Термодинамика	1	2	1	2	—
16. Электротехника	2	2	2	2	4
17. Прикладная механика I	3	—	3	—	4
18. Строительное искусство	2	2	2	2	—
19. Геология	1	—	1	—	—
<i>Всего по вспом. предм.</i>	9	6	9	6	8
<i>Итого по всем предм.</i>	20	20	20	20	40
	40		40		

III курс.

ПРЕДМЕТЫ.	7-й триместр.		8-й триместр.		9-й трим.
	Лекции.	Практич. занятия.	Лекции.	Практич. занятия.	Практич. занятия.
	Ч А С Ы.				
Главные:					
20. Специальный курс химии . . .	2	4	2	4	12
21. Спец. курс химич. технологии	4	—	4	—	—
22. Общий технич. анализ . . .	—	12	—	12	12
23. Топки и печи	2	4	2	4	—
<i>Всего по главным предм.</i>	8	20	8	20	24
Вспомогательные:					
24. Технология воды и топлива	2	—	2	—	—
25. Электротехн. и электрофиз.	2	2	2	2	—
26. Прикладная механика II	2	2	2	2	—
27. Техническая электрохимия	2	—	2	—	—
<i>Всего по вспомог. предм.</i>	8	4	8	4	—
<i>Итого по всем предметам</i>	16	24	16	24	24
	40		40		

Для того, чтобы определить какая доля нагрузки за все три года падает на лекции и на практические занятия, сведем все данные в следующую таблицу. В этой таблице, как выше было сказано, продолжительность триместров была принята: для осеннего 14 недель, весеннего и летнего по 12 недель.

Число часов, затраченных на отдельные предметы за три года.

	Лекции.	Практ. зан.	ВСЕГО.
1. Высшая математика	104	104	208
2. Теоретическая механика	52	52	104
3. Физика	78	202	280
4. Химия неорганическая	78	398	476
5. Начертательная геометрия	52	—	52
6. Графические искусства	—	204	204
7. Сопротивл. маш. и детали машин	24	—	24
8. Ботаника	26	60	86
9. Минералогия	26	60	86
10. Химия аналитическая	26	380	406
11. Химия органическая	78	144	222
12. Химия физическая	26	48	74
13. Общая хим. технология	78	—	78
14. Методы хим. техники	78	176	254
15. Термодинамика	26	52	78
16. Электротехника	52	100	152
17. Прикладная механика I	78	48	126
18. Строительное искусство	52	52	104
19. Геология	26	—	26
20. Спец. курс химии	52	104	156
21. Спец. курс хим. технологии	104	—	104
22. Общий техн. анализ	—	456	456
23. Топки и печи	52	104	156
24. Технология воды и топлива	52	—	52
25. Электротехника и электрофикация	52	52	104
26. Прикладная механика II	52	52	104
27. Техническая электрохимия	52	—	52
Всего часов	1376	2848	4224
%/о	33%/о	67%/о	100—

Таким образом, за все три года лекциям отводится одна треть всего рабочего времени, а практическим занятиям две трети, т.е. вдвое более, чем лекциям. Если же принять во внимание, что четвертый год специальной работы по проекту и в лаборатории целиком можно отнести к практическим занятиям, то $\frac{0}{0}$ лекции еще более сократится и составит всего лишь около 25 $\frac{0}{0}$ всего рабочего времени. Этим коэффициентом приблизительно и определяется значение лекционного метода преподавания в нормальном учебном плане.

Но кроме этого коэффициента при профессиональном критерии учебного плана необходимо еще расценивать его по тому относительному количеству времени, которое затрачивается на главные и вспомогательные предметы. Вышеприведенная таблица дает следующие цифры:

	Число часов.	Затрата рабоч. времени $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$.
На главные предметы	2974	70
„ вспомогательные предметы .	1250	30

Если же принять во внимание специальный четвертый год, то значение главных предметов еще увеличится, а именно затрата времени будет:

	Число часов.	$\frac{0}{0}\frac{0}{0}$
На главные предметы	4494	78
„ вспомогательные предметы .	1250	22

Этими цифрами определяется профессиональный уклон учебного плана.

Конечно, для проведения общей идеи, намеченной в начале статьи, кроме учебного плана, большое значение имеют программы преподаваемых предметов и методика преподавания, но эти вопросы не входят в задачу настоящей статьи.

Ф. И. ШАБЛОВСКИЙ.

Коммунистические ВУЗ'ы и Совпартшколы в нашей Республике.

(Краткая характеристика содержания работы, величины сети и состава слушателей).

I.

Содержание работы.

Великая Октябрьская революция совершила переворот не только в области экономики и политики—она положила начало новой эпохе во всем культурном развитии человечества.

В России она, как гигантский плуг, вспахала и всколыхнула многомиллионную человеческую массу и пробудила к активной творческой жизни ее самые глубокие недра. По всей необъятной шире нашей страны идет невиданное по формам и содержанию строительство, охватившее все стороны жизни. Коммун. ВУЗ'ы, Ком. Ун-ты и Совпартшколы являются одной из форм нашего строительства в области культуры—в области просвещения.

На ряду с общей жаждой знания появился необычайный интерес к общественным наукам, к марксизму. Ком. ВУЗ'ы, Ком. Ун-ты и С. П. Ш. в своей работе и дают своим слушателям это необходимое марксистское образование, подготавливая кадры квалифицированных работников в области теории и практики пролетарской революции,

Важность работы Ком. ВУЗ'ов, Ком. Ун-тов и С. П. Ш. станет ярче и нагляднее, если мы будем помнить, что на фронте просвещения они являются передовым аванпостом борьбы нового просвещения со старым—просвещения материалистического с идеалистическим, которое до сего дня крепко держится не только в области общественных наук, но и в области естествознания. Борьба эта по настоящему только начинает развиваться и является не менее серьезной, чем борьба на фронте вооруженном. Ком. ВУЗ'ы (Ком. Ун-ты мы включаем в эти Ком. ВУЗ'ы) и С. П. Ш. в этой борьбе в области общественных наук имеют решающее значение; в области естественных наук это решающее значение мы придаем рабфакам. Как первые дают красных экономистов, философов и революционеров практиков, так вторые должны дать и дадут красных химиков и физиков.

Конкретно работа Ком. ВУЗ'ов и С. П. Ш. сводится к тому, что Ком. Ун-ты подготавливают кадры работников для партийно-советской работы губернского и шире масштаба, подготавливают «смену старой партийной гвардии». Совпартшколы I и II ступени подготавливают работников меньшего масштаба—начиная от первичной его ячейки на фабрике и в

селе, вплоть до работы в волостях и уездном масштабе. В них готовятся не просто чиновники, ибо многие из окончивших эти школы попадут на производственную и практически революционную работу—в них готовятся кадры пролетарской интеллигенции—авангард рабочего класса для предстоящих битв и строительства.

Несколько отдельно стоит у нас вопрос о таких коммунистических ВУЗ'ах, как Институт Красной Профессуры, Академии социального воспитания и курсах марксизма при Социалистической Академии.

Работа этих Ком. ВУЗ'ов отличается от работы Ком. Ун-тов, но общее у них то, что они тоже готовят кадры для фронта материалистического, марксистского просвещения, а поэтому, говоря о таких Ком. ВУЗ'ах, как Ком. Ун-ты, нельзя не говорить о Ком. ВУЗ'ах названных нами выше—их значение на этом фронте чрезвычайно велико.

Работа Института Кр. Профессуры видна по названию—там готовятся красные профессора-общественники; курсы марксизма дают теоретическую подготовку старым партийцам, которые были все время заняты практической работой, а Академия социального воспитания готовит новых марксистски образованных педагогов для единой школы и дошкольников.

Такова краткая, можно сказать схематическая, характеристика сущности работы наших коммунистических ВУЗ'ов и Совпартшкол.

Каждый, кто вдумается в эту характеристику и окружающую нас действительность, несомненно, придет к заключению, что выполняемая ими работа имеет колоссальное значение не только на фронте просвещения, но и на всем фронте нового культурного строительства. Уже из этой чрезвычайно сжатой характеристики видно, что наши Ком. ВУЗ'ы и С. П. Ш. представляют собой целую систему аппаратов, ведущих работу просвещения и подготовки работников, что эта система не представляет собой какого-то хаотического смешения этих аппаратов, ведущих параллельную работу, а что каждое звено ее имеет свою определенную сферу деятельности, свои задачи.

По форме эти аппараты представляют собой форму борьбы рабочего класса, ставшего вершителем судеб, за науку, за овладение ею, и по содержанию они проводят новое миропонимание, обусловленное историческим развитием.

II.

Аппарат и состав слушателей в цифрах.

Ком. Ун-ты и С. П. Ш., возникавшие у нас стихийно, лишь недавно объединены в одну систему, а до этого они работали вразброд и не имели связи, и в силу этого ни их самих, ни их состава точно учесть не было возможности—они еще очень молоды, и самому старейшему из Ком. Ун-тов.—Ун-ту Свердлова, еще нет полных 5 лет. Но, несмотря на эту молодость, к настоящему времени они все же оформились настолько, что представляют собой большой и сравнительно налаженный аппарат.

По имеющимся у нас данным (взятым из материалов Главполитпросвета и агитпропа Ц. К. Р. К. П.), мы имеем по С. С. С. Р. двенадцать Ком. ВУЗ'ов с числом слушателей около 6.500 человек. Школ второй ступени (Губернск.) уже по Р. С. Ф. С. Р. мы имеем 52, с более чем 10.000 человек слушателей, а Совпартшкол I ступени (Уездных и Районных) 153 тоже с более чем 10.000 человек курсантов.

Объединение совпартшкол в одну систему и их ступенчатое подразделение было проделано в связи с 1-ой всероссийской конференцией работников совпартшкол, состоявшейся в декабре 1921 г. и выполнившей большую работу по нормализации сети и работы этих школ.

Программы С. П. Ш. построены так, что одна школа связана с другой и с логической последовательностью дополняет друг друга от школы I ступени до Ком. Ун-та, как последней III ступенью и завершителем системы.

Институт Кр. Профессуры, Академия соц. воспитания и курсы марксизма при Соц. Академии являются самостоятельными Ком. ВУЗ'ами, входящими в систему Ком. просвещения, но не входящими в систему совпартшкол.

Названная нами цифра 6.500 человек слушателей Ком. ВУЗ'ов распадается на следующие составные части по отдельным Ком. ВУЗ'ам.

1) Институт Кр. Профессуры.	144	чел.
2) Курсы Марксизма при Соц. Академ.	71	"
3) Академия Соц. воспитания	537	"
4) Ком. Ун-т им. Свердлова (Москва)	1204	"
5) " " " Зиновьева (Петроград)	1309	"
6) " " " Народов Запада:		
а) Московское отделение	630	"
б) Петроградское отделение	479	"
7) Ком. Ун-т «Народов Востока» (Москва).	905	"
8) " " им. Артема (Харьков)	460	"
9) " " " Ленина (Туркестан).	175	"
10) " " " Смирнова (Сибирь)	230	"
11) Татарск. Ком. Ун-т (Казань).	112	"
12) Саратовск. Ком. Ун-т	153	"

И т о г о . 6409 чел.

Дав картину сети Ком. ВУЗ'ов и совпартшкол и общие цифры состава их слушателей, мы считаем еще необходимым дать характеристику этого состава по классовому и партийному признаку, что необходимо не только для полноты картины, а и вообще представляет большой интерес в вопросе борьбы на культурном фронте. За критерий для оценки состава, мы предлагаем взять сопоставление данных этого состава с составом самой партии.

По партпереписи 1922 года состав партии по соц. положению был следующий: рабочих 44,4%, крестьян 26,7%, служащих и проч. 28,9%. По партстажу членов партии мы имеем до 1917 года (до февральской революции) 2,8% и за 1917 год 9,1%.

Что же касается состава Ком. ВУЗ'ов, то по своему соц. составу довольно разношерстны. Лучшим в отношении классового состава является Ун-т Свердлова, где по этим же данным, в среднем до 60% рабочих (59,4), 17% крестьян и 23% интеллигентов, служащих и проч. По партийному признаку там одни члены Р. К. П.—беспартийных нет совершенно, а по партстажу более 33% его состава со стажем до Октябрьской революции из коих 11,3% подпольщики (в партии же подпольщиков 2,8%, а за 1917 г. 9,1%). Отсюда видно, что состав здесь, значительно лучше состава партии, а это в свою очередь показывает, что в эти Ком. Ун-ты направляются лучшие силы рабочего класса и партии. Состав слушателей Ун-та Свердлова, если взять за признак партстаж, далеко не лучший и уступает курсам марксизма, где 32% состава имеют стаж до Октябрьской Революции и из них более 45% подпольщики.

По отношению же к другим Ком. Ун-там там, правда, состав уже уступает составу Ун-та Свердлова или курсов марксизма, но не уступает составу партии, что подтверждает наш вывод, что в них направляются лучшие силы.

В Зиновьевском Ун-те рабочих более 50%, Артемовском около 60%. Беспартийные в этих Ун-тах насчитываются единицами. Значительно слабее состав в Ун-те Народов Востока, где имеется около 15% беспартийных, 52% крестьян и лишь 26,5% рабочих.

Объясняется это тем, что этот ВУЗ не типичен для остальных и выделяется своей своеобразностью, что происходит благодаря тому, что состав его пополняется из отсталых в своем развитии стран и народов Востока, которые представлены в нем почти около 50 национальностями. Работа, выполняемая этим Ун-том, имеет безусловно огромное значение и по своему внутреннему содержанию и по тем задачам, которые на него возлагаются.

Вообще же разнородность состава Ком. ВУЗ'ов и Совпартшкол объясняется тем, что отсутствовал и не проводился единый план комплектования.

Состав Ком. Ун-тов провинции (Казанский, Саратовский и проч.) слабее состава Ун-тов центра и близок к составу Ун-та Народов Востока, что объясняется этой же беспорядочностью комплектования и тем, что они «ближе к земле», т.-е. к деревне.

Теперь перейдем к характеристике состава С. П. Ш. I-й и II-ой ступени.

Что касается их состава, то по сравнению с составом Ком. ВУЗ'ов мы наблюдаем в них значительное увеличение процента крестьян, беспартийных и понижение состава по партстажу. По не полным, но даю-

щим правильную картину, данным (из этих же источников) в партшколах I-ой ступени рабочих и крестьян уже поровну, а именно по 44% тех и других и 12% служащих и интеллигентов. По партсоставу членов Р. К. П. 20%, кандидатов 6%, членов Р. К. С. М. 42% и беспартийных 32%. По партстажу члены Р. К. П. распадаются на следующие группы: до Октябрьской Революции 3% (в Ун-те Свердлова 33%) и группа, составляющая главную массу их состава, 61,3%—это вступившие в партию за период после Октября 1917 года по 1920 год включительно.

Приблизительно такую же картину дают и цифры о составе С. П. Ш. II-ой ступени, где рабочих насчитывается 37%, крестьян 46%, служащих и интеллигентов 17%. По партийности членов Р. К. П. 32%, кандидатов 11%, членов Р. К. С. М. 36% и беспартийных 21%. С группировками по стажу приблизительно тоже самое: до Октября 1,5% и по 1920 года включительно 65%.

Причина того, что состав С. П. Ш. слабее—совершенно ясная. При наличии того, что не было правильного комплектования и что С. П. Ш. еще ближе к деревне, чем Ком. Ун-ты, в особенности, школы I-ой ступени так и должно было случиться, но это не значит, что так должно и быть.

Повышение квалификации составов Совпартшкол в смысле усиления ее чисто пролетарским составом, является первоочередной задачей текущей работы. Это верно по отношению и к Ком. ВУЗ'ам, но особенно необходимо это провести в провинциальных Ком. ВУЗ'ах и Совпартшколах II-ой ступени.

В Совпартшколах I-ой ступени, которые очень близки по составу к деревне, их работа должна быть использована, как метод систематического проникновения компросвещения в деревню, что облегчит установление смычки с крестьянством. В этом смысле то, что в этих школах большой % крестьян, не является отрицательным явлением.

Такова в общих чертах характеристика наших Ком. ВУЗ'ов и Совпартшкол, содержания их работы, величины сети и состояния состава слушателей. Что же касается вопросов быта, программ, планов занятий, методов работы, то об этом в другой раз.

ПО В.У.З. СССР.

СИБИРСКИЕ В. У. З.

Богатая неразработанная Сибирь, требующая себе и научных работников-исследователей и хозяйственников в дореволюционное время единственной базой своих культурных работников имела томский государственный университет и технологический институт, при чем фактически только последний давал ценных работников, университет же выполнял главным образом роль поставщика чиновников для обслуживания царского правительственного аппарата в Сибири. Отсюда понятен бурный процесс зарождения и роста в.-у. з. за последние 4—5 лет. Многие из открывающихся и намечающихся к открытию в.-у. з. и их отдельных факультетов не выдержали жизненного испытания и закрылись, оставшиеся в.-у. з. все время перестраивались, реорганизовывались, только теперь относительно применившись к революционной действительности и подойдя к серьезной практической работе. К настоящему времени сеть в.-у. з. Сибири представляется в следующем виде:

Кроме существующих до революции гос. ун-та и технологическ. и-та в Томске, работают вновь открытые: гос. у-т в Иркутске (с факультетами медицинск., обществен. наук и педагогики), медиц. институт, ветеринарный институт, сельскохозяйственная академия и ком. ун-т (типа Свердловского) в Омске и педагогический институт в Красноярске. Кроме того, развернулись почти до степени в.-у. з. практические политехникумы в Иркутске и Томске, объединившие ранее существовавшие там средние технические школы. Рабфаки имеются в Томске, Иркутске (в системе ун-тов) и в Омске (самостоятельно). Как видно, пока в.-у. з. располагаются пространственно по линии Великого Сибирского пути, оставляя в прежнем положении всю остальную Сибирь. Первый прорыв в нее еще очень незначительный сделан Иркутском, организовавшем отделение своего рабфака непосредственно на территории Черемховских угольных копей.

Положение в.-у. з. Сибири материальное, обеспеченность их работников, студенчества и т. п. вопросы представляют специальный интерес и освещение их на страницах журнала потребовало бы слишком много места. Приведу здесь один пример, характеризующий материальное положение профессоры. В Иркутске оклад ректора ун-та по высшему—17 разряду в январе этого года составлял 138 р. 45 к. тогда как тот же разряд в губфинотделе составлял 2325 р. 57 к. Курьер того же финотдела получил 227 р., т.-е. на 60% больше, чем ректор ун-та. Таковы же приблизительно и соотношения в других в.-у. з. Сибири.

Академическими силами Сибирь обеспечена неравномерно. В лучшем положении находятся оба томские в.-у. з. и медиц. факультет иркутского ун-та¹⁾; остальные, имея в составе профессоров и преподавателей хорошихдельных работников специалистов (в большинстве эмигрантов из Европейской России, спасавшихся сюда в свое время от „большевистских зверств“ под высокое покровительство Колчака), ощущают острый недостаток в академических силах, грозящий превратиться в катастрофу благодаря тяге профессоров в Европейскую Россию. В особенно скверном положении находится Фон и Педфак иркутского ун-та и вообще преподавание общественных наук в сибирских в.-у. з. Общественников-марксистов почти совершенно нет. Только рабфаки отчасти обеспечены работниками губкомов Р.К.П., на специальных же факультетах и на (единственном в Сибири) Фоне иркутского ун-та положение убийственное. Единственный общественник-марксист Томска проф. тов. Филиппов и потому, что он является единственным, и по целому ряду других причин удовлетворить Томска, конечно, не может.

В массе работая честно, имея ряд вполне опытных представителей, политически профессура как была, так и осталась реакционной. Но политически же она обезврежена, и в сибирских условиях реформе в. ш. с ее стороны не угрожает никакой опасности. Лазейка для контр-революции в виде идеи „автономии“, „академических традиций“ и т. п. наглухо замурована самими профессорами. Замешанные в большей или в меньшей степени в колчаковской эпохее (есть его министры и другие центральные работники), они своими делами окончательно дискредитировали „высокие академические лозунги“, наглядно вскрыли их связь с контр-революционной практикой, не оставив под собой ни кусочка идейной почвы для противодействия революционизированию в. ш. Этим объясняются совершенно безболезненное проведение нового устава и большие достижения в области овладения коммунистическим студенчеством органами управления в.-у. з. Правления имеют в своем составе студенческих представителей коммунистов, президумы факультетов—тоже, при чем в последних студенты, как общее для Сибири правило, оформленное распоряжением Уполглавпрофобра, выполняют обязанности секретарей.

Предметные комиссии, за единичным исключением (томский техн. ин-т), возлагаемых на них надежд не выполнили: полем борьбы с реакционной профессурой и со старыми методами преподавания они не являлись и не являются. Причина—отсутствие работников и недостаточное понимание задач и функций комиссий входящими в их состав представителями пролетарского студенчества; следствие—неприкосновенность старых содержания и методов академической работы.

Вообще, во всем, что характеризует подлинное органическое завоевание в. ш., Сибирь отстала от Европейской России. Состав студенчества

---

¹⁾ Подробности об иркутском ун-те см. в корреспонденции в „Правде“, № 77, от 7 апреля.

старших курсов, как в старых, так и в новых в.-у. з. имеет лишь очень слабую, ничтожную (не более 2—3%) прослойку пролетарского студенчества. Прием 22—23 учебного года с точки зрения классового подбора провалился. Причин тому много, и в их числе та, что места не имели никаких указаний центра. Там, где партийные органы приняли активное участие в приеме и проявили инициативу, были, по крайней мере, созданы приемные комиссии с соответствующим подбором членов (иркутск г. у., томские в.-у. з.). В Омске же, например, приемные комиссии были созданы или из беспартийных профессоров или (в ветеринарном ин-те и в селько-хозяйственной академии) из определенно нам враждебных. Ясно, кого могли принимать такие комиссии. Но главное то, что не проведено было никакой подготовки кадров вступающих, и комиссиям пришлось иметь дело с людским материалом, поступающим прямо с улицы. Учтя ошибки прошлого года сибирское ком. студенчество уже приступило (во всех городах) к подготовке приема на будущий 23 и 24 учебный год.

Оформившись и окрепши организационно для своей специфической работы, ком. студенчество Сибири отстало в области организации всего пролетарского студенчества. Профсекции к марту текущего года только в Томске начали организовываться под руководством губбюро и губсовпрофа. В Омске же и Иркутске к тому же сроку еще ничего не было сделано и только с приездом командированного ц. б. комстуда московского товарища началась подготовительная работа.

Р О С Т О В Н | Д.

РАБОТА ДОНБЮРО КОМСТУДА.

(По материалам Ц. Б.).

Работа Донбюро распадается между двумя-тремя основными областями: организация коммунистического студенчества, работа среди беспартийного студенчества и работа по укреплению коммунистического влияния на професуру и органы ВУЗ.

Из 5.000 студентов Ростова членов партии всего 370 чел., 70% которых приходится на ячейку рабфака. Не затрагивая вопросов внутривнутрипартийной работы ячеек, что потребовало бы много места, отметим здесь тенденцию ячеек стать ближе к рабочим массам. Так, ячейка ФОН'а выдвинула 10 товарищей для работы в ячейке железнодорожного узла. Этой же ячейкой для школ политграмоты Темрайкома выделяются лектора и руководители. Ячейка медфака приняла культурное шефство над одной из частей Красной армии.

С начала учебного года велась усиленная работа по завоеванию всех студенческих организаций. Наибольшее количество коммунистов, работающих в студенческих организациях, приходится на рабфак и ФОН. Академическая работа ведется под руководством членов партии: все мероприятия академической жизни проходили не иначе как с санкции предметных комиссий сконструированных с таким расчетом, что в них попадала пролетарская часть студенчества

во главе с коммунистами. В особенности нужно отметить влияние коммунистического студенчества в предметных комиссиях ФОН'а. В настоящее время по постановлению областной конференции коммунистического студенчества и на основании циркуляра Ц. Б. и ВЦСПС проводится организация профсекций. Работа заканчивается.

Систематической политико-просветительной работы среди беспартийного студенчества не велось. Проводились эпизодические отдельные кампании, главным образом в форме общестуденческих массовых сходок. Главным препятствием к систематической работе является отсутствие помещения для клуба. Последнее время наблюдается интерес со стороны пролетарского беспартийного студенчества к ячейковым собраниям.

Новый устав проведен. В совет в.-у. з. привлечены все партийные и профессиональные организации. В новое правление ун'та прошел список, выставленный партийными, профессиональными и студенческими организациями. Отдельные деканаты сконструированы с таким расчетом, чтобы в них было обеспечено коммунистическое влияние. Приняты меры к привлечению для чтения лекций на ФОН'е и Педфаке партийных работников. На рабфаке важнейшие дисциплины читаются коммунистами. Политический минимум на Педфаке и Физмате ун'та и в политехникуме не проводится из-за отсутствия преподавательских партийных сил.

В О Р О Н Е Ж.

(ПО МАТЕРИАЛАМ Ц. Б.)

В Воронеже 3 в.-у. з'а: госуниверситет с факультетами: медицинским, физико-математическим, педагогическим и рабочим, сельско-хоз. ин-т им. тов. Ленина и практический политехнический ин-т им. т. Кржижановского. Общее число студентов 4.912 ч., из них членов партии и комсомола 414 ч., т.-е. около 8%. В составе профессоров (49 чел.) и научных сотрудников (118 ч.) членов партии совсем нет, преподавателей (173 чел.) — партийных 4 чел.

Проведение нового устава в.-у. з. несколько затянулось. Пока проделана следующая работа: созданы предметные комиссии, закончен подбор кандидатов от профсоюзов и соворганов в советы в.-у. з'ов и ф-ов.

В целях улучшения материального положения пролетарского ст-ва бюро проведен ряд мер: организована при губисполкоме комиссия по улучшению быта пролетарского студ-ва (Кубуч), при бирже труда организуется студенческое бюро труда, проведена неделя помощи пролетарскому студенчеству, давшая 20.000 р., поступивших в фонд Кубуч. Организация профсекций закончена. Всюду избраны общевуз'овские исполбюро. Создано общегородское бюро пролетарского студ-ва, уже приступившее к работе. Плохо поставлено преподавание общественных дисциплин. Состав лекторов во все в.-у. з'ы и для школ II ступени был подобран через агитпроп. губкома, но за отсутствием специальных сил приходится пользоваться ответственными работниками, за перегруженностью не могущими удовлетворить потребности в.-у. з'ов. Во всех в.-у. з. организованы общестуденческие клубы, но работают они пока слабо: нет материальной базы, да и не окрепли еще организационно.

Проводится подготовительная работа к приему будущего года. Организована подготовительная группа исключительно для малограмотных рабочих (60 ч.), окончившие которую, будут первыми кандидатами при будущем наборе на рабфак. Занятия должны были начаться 5 апреля. Подобная же группа для подготовки на первые курсы в.-у. з. организована при рабфаке для чле-

членов РКП и РКСМ, имеющих незаконченное среднее образование или получивших его до революции и нуждающихся в повторительном прохождении курса.

К Р А С Н О Д А Р.

(ИЗ БЕСЕДЫ С ДЕЛЕГАТОМ НА СОВЕЩАНИИ ПО РАБОТЕ В.-У. З. ПРИ XII С'ЕЗДЕ Т. КУЧИН-СКИМ).

В Краснодаре 6 в.-у. з'ов, созданных во время революции. Студ-ва всего 4.272 ч. Комячейки имеются во всех в.-у. з'ах. Реформа в.-у. з'ов согласно нового устава проведена. В органах управления в.-у. з'ов, предметных комиссиях и студенческих организациях руководящую роль играют коммунисты. Краснодарское студ-во вербует преимущественно из станиц Кубано-Черноморской области и из служащих и мещан Краснодара. Пролетарская часть очень незначительна и сосредоточена преимущественно на рабфаке. До весенних каникул студ-во объединялось студкомами, но параллельно существовали профсекции, объединяющие пролетарское студ-во. Теперь студкомы окончательно ликвидированы и их функции переданы Исполбюро Профсекций, руководимых в общегородском масштабе бюро пролетарского студ-ва при совпрофе. Профсекции объединили 775 чел., в настоящее время разрабатывается вопрос о методах дополнительного вовлечения в профсекции красноармейцев, что на много расширить состав профсекций.

Предметные комиссии только что начали работать, результатов пока нет. При общегородском Исполбюро профсекций создана академическая секция для руководства академической жизнью в.-у. з'ов и работой предметных комиссий. Во всех в.-у. з'ах имеются марксистские кружки, работа которых объединяет не только партийное студ-во, но и беспартийное. Во всех в.-у. з'ах издаются стенные газеты. Жизнь в.-у. з'ов регулярно освещается в местной газете „Красное Знамя“. Начали выпускать студенческий журнал „Товарищ“.

Открыта бесплатная студенческая столовая на 1.200 чел. и амбулатория. Для борьбы с безработицей создана артель. На общестуденческие нужды введен общестуденческий налог, поступающий довольно регулярно.

О М С К.

(ИЗ БЕСЕДЫ С ДЕЛЕГАТОМ XII С'ЗДА ТОВ. АНАНЬЕВЫМ).

Работа коммунистического студ-ва в последние 1½ месяца заключалась в организации профсекций и в подготовке к приему будущего года. К 1-му апреля организация профсекций закончена. На конференции Исполбюро Профсекций в.-у. з. I/IV избрано общегородское бюро в составе 7 чел. и 2 кандидатов, из которых 4 беспартийных. Секции объединили 676 чел., из них членов производственных союзов 136 чел., и непроизводственных союзов 397 чел. Таким образом профсекции объединили 35% всего студ-ва. Несомненно, что за бортом профсекций осталось еще много близкого нам и лояльного студ-ва, ввести которых поставлено ближайшей задачей общегородского исполбюро. Приступлено к постепенной передаче функций общестуденческих организаций профсекциям.

Работа по подготовке к приему будущего года. Проводится агитационно-вербовочная кампания по Омску и Омской губернии. Для этой цели мобилизованы все студенты коммунисты, проведено инструктирование их, поднят

вопрос в местной печати и т. п. Губкомам, Губкомолам и Губпрофсоветам местностей, обслуживаемых омскими в.-у. з'ами, разосланы подробные письма с просьбой провести такие же кампании и о результатах их дать материалы в Омск. С 1-го мая в Омске открываются подготовительные курсы для подготовки в в.-у. з'ы на 180 чел. и в рабфак на 120 чел. Губком вынес постановление о взятии этих курсов на свое содержание.

ТОМСК.

(ИЗ БЕСЕДЫ С СЕКРЕТАРЕМ БЮРО КОМСТУД ТОВ. МАЛЬГИНЫМ).

Последний месяц работа сосредоточилась главным образом на организации профсекций. Регистрация членов союзов и оформление отдельных секций уже закончены. Но Исполбюро в.-у. з'ов еще не создано. Секции объединили около 1.000 чел. (из 4.000 всего студ-ва). Дальнейшее пополнение секций продолжается. Начата работа по подготовке к приему будущего года. Написано инструктивное письмо в губкомы и организации обслуживаемых томскими в.-у. з'ами местностей. В рабочие районы (Анжерко-Суджинский и Кольчугинский) будут посланы товарищи для проведения специальной вербовочной кампании.

Студенческая периодическая печать.

В редакции нет всех местных изданий, выпускаемых студенчеством, потому обобщенной характеристики студенческой периодической печати пока дать не представляется возможным. Откладывая это на следующий номер „Пролетарского Студенчества“, мы ограничиваемся здесь краткими рецензиями тех изданий, что до настоящего времени получены редакцией.

ЖУРНАЛЫ.

„СВЕРДЛОВЕЦ“. Орган Бюро ячейки Свердловского Ун-та. № 5—6, март—апрель 1923 г., Москва. Стр. 121.

На журнале сказывается и рост Свердловцев вообще и учет опыта предыдущих №№ „Свердловца“. От гимназического 1 № (конец 21 года) через более серьезный, но все еще носящий душок школьничества и замкнутости 2—3 № (июнь 22 г.), редакция в поисках приемлемого направления нервно прыгнула в сторону „всероссийского охвата“, дав в 4 № сухую бессодержательную хронику жизни местных совпартшкол, и только в последнем 5—6 № нашла правильный подход, умело синтезировав специфические вопросы Свердловского Ун-та с наиболее болезненными проблемами общепартийной воспитательной работы и

студенческого движения. Из всего довольно богатого и разнообразного содержания журнала выделяется статья Путинцева.—„Вопросы анти-религиозной пропаганды“. Мастерски сжатый и сильный обзор анти-религиозного фронта, критика существующих подходов в подготовке анти-религиозников, анализ места и роли студенчества на этом фронте—приковывают внимание и вплотную подводят к вопросу всякого читающего, независимо от предварительной подготовки.

„СТУДЕНТ РЕВОЛЮЦИИ“. Орган Ц. Б. Комстуденчества Украины, № 2—3, январь 23 г., Харьков.

Главное достоинство журнала—его определенно выраженное направление в сторону преимущественного освещения вопросов студенческой и академической жизни. 150 страниц журнала распределяются таким образом, что 27 страниц занимает научный отдел, 31 стр. литературный, а все остальное на общие статьи по вопросам работы ВУЗ и пролетарского студенчества и на хронику текущей академической и общественной жизни пролетарского студенчества Украины. Журнал дает и представление о жизни украинских ВУЗ'ов, и руководящие указания, и лозунги в борьбе за пролетаризацию высшей школы и за овладение партией студенческой массы.

„НОВАЯ ПЕТРОВКА“. Журнал студентов Петровской сел.-хоз. академии. № 2, декабрь 22 г., Москва, стр. 68.

Журнал фактически является органом научным, посвященным специальным вопросам агрономии, животноводства и т. п. Не будучи специалистом не беремся судить о достоинствах „Новой Петровки“, как научного журнала, но, кажется, что, наприм., статьи проф. М. П. Орлова: „Определение положения точки по звуку“ и М. С. Уткина: „К вопросу о культуре гороха“ с большим выигрышем могли бы быть заменены статьями по вопросам студенческой жизни и, в частности, определению места студенчества Петровки в общей системе пролетарского студенчества в Москве: вопрос очень интересный и до сих пор еще имеющий не мало темных сторон.

„КРАСНЫЙ СТУДЕНТ“. Художественно-литературный, общественно-политический и научно-популярный журнал революционного студенчества и левой профессуры. № 2—3, март—апрель 23 г. Петроград, стр. 53.

Производя хорошее впечатление своим внешним видом, журнал по содержанию оставляет желать много и много лучшего. Для

Саратова или Воронежа можно было бы признать его удачным—от Питера можно и должно требовать большего. Случайный подбор статей и библиографических заметок, довольно скучная хроника ВУЗ'ской жизни, не затрагивающая ее наиболее жгучих интересных сторон, бесцветный и литературно-художественный отдел. Полное отсутствие данных об организационных проблемах пролетарского студенчества. Неприятно поражает в журнале руководимом коммунистами, напыщенная хвalebная рецензия известной повести Тарасова-Родионова: „Шоколад“, выдаваемой за перл искусства и единственную по меткости и глубине „анализа наших революционных деятелей со стороны их внутреннего мира“. Ни единой критической нотки.

„ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ“. Орган Ц. Б. Комстуденчества Грузии. № 2—3, декабрь 22 г.—январь 23 г. Тифлис, стр. 36. (формат „Прожектора“).

Журнал, ценный для москвичей своим отделом хроники жизни ВУЗ'ов Закавказской Федерации, в общем неудачен. 9 больших страниц заняты 2-мя неоконченными („продолжение следует“) статьями проф. Навашина: „Отношение современной биологии к социальным наукам“ (взгляд и нечто) и В. Купрадзе, „Основные положения специальной теории относительности“. Эта последняя статья на большую половину состоящая из формул высшей математики, совершенно недоступна для понимания простых смертных, не носящих профессорского чина. Не будучи специалистом позволяем себе дать пару выписок на суждение знатоков и как примеры необычайной „учености“. Начало статьи:

„Не трудно показать, что уравнения классической динамики инвариантны по отношению к некоторой группе преобразований, известных под именем Галилеевых формул перехода от одной системы физического мира к другой, находящиеся по отношению к первой в равномерной трансляции“...

И еще:

... „Глубочайший философский смысл (не его ли ради и пишется вся статья? РЕД.) теории относительности и революционное призвание ее в науке обусловлено философско-математической концепцией Г. Минковского, который показал, что „принцип относительности и все вытекающие из него следствия—проявления свойств и атрибутов нашего пространства“.

В журнале есть такие перлы, как перепечатка декрета 1918 г. о новом правописании и объявление (на первом листе журнала) о „грандиозном бал-карнавале“, устраиваемом Гос. Политехн. Ин-том им. В. И. Ленина по случаю... „традиционного Татьянина дня“.

„ГОЛОС РЕВОЛЮЦИОННОГО СТУД-ВА“. Общественно-политический и литературный журнал революционного студенчества гор. Омска. Изд. Бюро Комстуденчества. № 1, март 23 г. Омск, стр. 63.

Как первый, пробный № может быть признан удачным в смысле набора и распределения материала и постановки связи с отдельными ВУЗ'ми. Однако, содержание журнала, в особенности его статей, посвященных принципиальным вопросам академической, воспитательной и т. п. работы неприятно поражает своей отвлеченностью от Омских условий и простым повторением давно писанного в московской печати. Между тем, по имеющимся у нас материалам, работа Комстуд в Омске выдвигает ряд очень интересных специфических местных вопросов и организационного и воспитательного характера. О них в журнале ни слова.

„ТОВАРИЩ“. Орган Бюро Комстуденчества Кубано-Черноморского Областкома РКП и пролетарского студенчества Краснодара. № 1, февраль—март 23 г. Краснодар. Стр. 20 (формат „Прожектора“).

Посвященный дню пролетарского студенчества—8/21 февраля, журнал на 75% заполнен воспоминаниями и материалами по революционному движению студенчества. Живые, сочные заметки о разных этапах движения непосредственных участников его, статья проф. Городецкого. „Студенческие волнения в изображении Петербургского Охранного Отделения“ (по архивным материалам), воспоминания об А. И. Ульянове (1886—1887 г.г.)—представляют большой интерес, в некоторой части являясь ценным вкладом в литературу по истории революционного движения студенчества. Если журнал в своих последующих №№ сумеет с таким же мастерством освещать вопросы борьбы и работы пролетарского студенчества в настоящем—ему удастся занять видное место в студенческой периодической печати.

ГАЗЕТЫ.

„СВЕРДЛОВИЯ“. Орган Бюро ячейки РКП Свердловского Университета. № 5, 28 янв.

Мы бы не писали об этом старом № „Свердловии“, если бы не знали, что Свердловцы еще выпускают и предполагают продолжать выпуск своей газеты. № 6, вышедший позднее, редакция „Свердловии“ не могла нам дать: у нее... не осталось ни одного экз. Пусть Свердловцев простит их Аллах за такую роскошь: в стенах одного Университета издавать 2 печатных органа: и журнал, и газету. Мы этого сделать не можем, тем более, что газета, в противоположность журналу, носит, выражаясь мягко, черты некоего легкомыслия и надуманности.

Единственно ценные заметки о предстоящем съезде совпартшкол и об экскурсии Свердловцев в Донбасс с успехом могли бы по более тщательной отделке помещены в журнал.

„ВОСТОЧНИК“. Орган Бюро ячейки РКП и правления коммуны Ком. университета трудящихся Востока. № 1. 6 апреля 23 г. Москва.

Слишком прозрачно выглядят со страниц газеты ее две главные цели: конкурировать со „Свердловией“ и распропагандировать пресловутую „Коммуну“ восточников (пожалуй, тоже в пику Свердловцам. См. статью П. Мифа). Пропагандировать коммуну—дело хорошее, если бы желание во что бы то ни стало изобразить ее в розовых красках не помещало участвующим в газете восточникам подойти к делу критически, а не ограничиться одной сплошной апологетикой. Ведь не только в рядах Московского коммунистического студенчества, знакомого с коммуной восточников, но и в среде этих последних есть не мало товарищей, относящихся отрицательно к этому воспитательному эксперименту товарища Бройдо. Как парадокс и издевательство над идеей потребительной коммуны, действующей по приказу начальства, на первом месте первой страницы помещен „приказ“ т. Бройдо, предлагающий восточникам „научиться правильно использовать свои силы и распределять время“ и „уметь во время и целесообразно организовать отдых“, для чего предлагается во время весеннего перерыва не читать, гулять и т. п. Приказом разрешается сложнейшая и труднейшая проблема студенческой жизни—научная организация учебной работы. Для характеристики таких поползновений есть один хороший термин у тов. Ленина в его известной речи на съезде Политпросветов.

„СТУДЕНЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“. 2-х недельный орган Ц. Б. Комстуденчества и объединенного студкома Туркестанского гос. университета. № 1, 19 декабря 22 г. Ташкент.

Если бы главнейшие ВУЗ'ские центры имели регулярные газеты, подобные этому № „С. М.“,—дело студенческой периодической печати можно было бы считать на твердом пути. К сожалению, из имеющихся у нас газет „С. М.“ единственная по своей серьезности, насыщенности, глубине и широте материала. Вопросы пролетаризации ВУЗ'ов, физиономии и расслоение студенчества, организация его пролетарской части, методологические партийно-воспитательные—составляют главные темы статей и заметок. Широко поставлена информация о жизни отдельных частей и фак-ов университета. Есть отдел „Вести из центра“.

„НОВОЕ СТУДЕНЧЕСТВО“. Орган Воронежского Бюро Коммунистического студенчества. 21 февраля 23 г. Воронеж.

Маленький номер, посвященный почти исключительно дню пролетарского студенчества. Скорее агитационный листок, чем газета.

„КУЗНИЦА РАБФАКА“. Орган Студкома и ячейки Р. К. П. Бакинского Рабфака. № 4. 25 марта 23 г. Баку.

В большей части посвящен внутренней учебной и бытовой жизни Рабфака. Единственная общая статья—„Старое и новое студенчество“—является и единственной неудачной. Остальной материал очень привлекателен своей свежестью, конкретностью и деловитостью.

„КРАСНЫЙ СТУДЕНТ“. Орган Исполбюро Коллектива красного студенчества Государств. Ин-та Народного Образования. № 1, 31 декабря 22 г. и № 4, 10 февраля 23 г. Чита.

На газете сказываются специфические условия жизни ДВР: обсуждаются вопросы народного просвещения, построения трудовой школы и пр. так, как они ставились и разрешались в Европейской России еще в 18—19 г.г. Главная тема обоих номеров—„О применении трудового принципа в ИНО“. Информация слаба: резолюции, планы работ и т. п.

За рубежом.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА РЕВОЛЮЦИОННЫМ КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ.

(Опубликовано в органе Пекинского студенчества 8 марта 1923 г.).

Российское студенчество шлет свой горячий привет революционному китайскому студенчеству и в частности студенчеству Пекина, поднявшему вновь знамя борьбы против господства милитаристов—дудзюнов и против их ставленников—реакционных министров Пекинского правительства.

Реакционные силы Китая опять подняли голову. По указке злейших врагов Китайского народа—иностранных империалистов—их вассалов, китайские дудзюны ведут беспощадную борьбу против растущего революционного движения, направленного к объединению страны и к созданию действительно-трудовой республики. Они беспощадно подавляют поднимающиеся волны рабочего движения, расстреливают рабочие массы в Среднем Китае и те же методы начинают применять против революционного студенчества Китая.

Новое русское студенчество, вышедшее из масс рабочих и крестьян и прошедшее школу упорной борьбы, неустанно следит за борьбой трудящихся масс всего мира. С надеждой и упованием мы отмечаем революционное выступление китайского студенчества, борющегося за уничтожение двойного гнета, иностранного империализма и феодального милитаризма. Только в тесном союзе с Советской Россией, сбросившей с себя цепи капитали-

стического рабства, поднимающиеся революционные массы Китая добьются своего полного экономического, политического и национального раскрепощения.

От имени стотысячного русского студенчества примите искренний привет и горячее пожелание победы. Держитесь крепко в вашей славной борьбе! Русское рабоче-крестьянское студенчество с восторгом следит за этой борьбой и всегда готово прийти на помощь своим китайским братьям.

Да здравствует борьба китайских трудящихся за полное освобождение!

Да здравствует борьба рабочих и крестьянских масс всего мира!

Центральное бюро российского студенчества { Зелинский.
Туркохт.

Перевод с китайского. (Газета пекинских студентов от 8-10 марта 1923 г.).

Во вчерашней газете была помещена приветственная телеграмма, полученная от студентов Советской России, с выражением готовности прийти на помощь нашему студенческому движению. Мы все ее читали, и эта телеграмма произвела огромное впечатление в среде всего нашего революционного студенчества.

В последнее время главным нашим лозунгом является борьба против китайских военных губернаторов—дудзюнов. Борьба с иностранными империалистическими державами отступила сейчас на задний план. А между тем, наши военные дудзюны являются лишь слугами империалистических держав, которые все время ведут упорную борьбу против всякого выражения национального движения в Китае. Но мы в настоящее время не видим никакой активной борьбы против иностранного империализма и никаких попыток со стороны китайского народа к освобождению от иностранного гнета. Это трудно объяснить.

Всем нам давно известно о том наступлении, которое иностранный империализм ведет на нашу страну, особенно за последние годы. Он выжимает все соки из китайских народных масс, безжалостно эксплуатирует китайских рабочих и безудержно расхищает естественные богатства нашей страны. В то же время он ведет упорную борьбу против всякого революционного движения в Китае и всеми силами старается подавить всякие попытки к освобождению китайских народных

масс. Нам должно быть ясно, что главным врагом Китая является иностранный империализм, как на это верно указали в своей телеграмме студенты Советской России.

Студенческое движение в Китае давно уже вышло из тесных рамок борьбы за академическую свободу. Мы боремся в настоящее время за свободу всего народа, за прекращение кровавой распри между дудзюнами—за демократическую революцию.

Прежний наш опыт борьбы показал нам, что необходимо бороться не только против собственных военных лордов. Такая борьба недостаточна; она не достигает цели, если мы в то же время не будем вести активной борьбы против иностранного империализма.

Но мы должны знать, что задачи, выдвигаемые в борьбе за демократическую революцию, чрезвычайно сложны, и что борьба эта очень трудна. Мы поэтому не можем надеяться и полагаться только на свои собственные студенческие силы. Нам необходимо иметь твердую опору в широких народных массах. Мы сможем достигнуть нашей цели только тогда, когда мы будем иметь единое организованное и дисциплинированное народное революционное движение в Китае.

В настоящее время почти все китайские партии находятся под влиянием того или другого дудзюна. Они опираются на милитаристов, чтобы самим стать у власти, получать высокие чины, громадные оклады жалованья и т. д. Они борются не за права народа, а за свои личные интересы.

Только одна партия „Гоминдан“ является более или менее революционной и ее программа более или менее соответствует интересам народных масс. Нам, революционному студенчеству Китая, необходимо идти рука об руку с этой партией и создать единый фронт с нею для борьбы за демократическую революцию. Мы должны вести совместную работу против общего врага.

Советская Россия является единственной страной, которая сбросила с себя цепи капитализма. Все даже самые мелкие национальности России освобождены теперь от гнета царского империализма и буржуазной эксплуатации. Советская Россия оказывает поддержку и помощь всем угнетенным народам в борьбе против мирового империализма. В настоящее время она помогает всем слабым и угнетенным народным национальностям на Дальнем Востоке и она оказывает активную поддержку народным массам Турции в борьбе против иностранных империалистов и своих внутренних милитаристов. Мы можем смело утверждать, что Советская Россия ведет свою

иностранную политику в интересах угнетенных народов и на пользу народных масс всего мира.

Доктор Сун-Ян-Сен давно уже выдвинул план сближения Китая с Россией и Германией. В великий день празднования 5-ой годовщины Российской революции—7-го ноября 1921 года—во многих городах Китая в провинциях—Хубей, Хунань, Гуандун, и в главных городах Китая—в Пекине, Шанхае, Кантоне и т. д. были демонстрации и митинги. Это лучше всего показывает на стремления широких народных масс нашей страны к сближению и к укреплению тесной связи между Китаем и Советской Россией. В Китае уже существует союз, который ставит себе задачу сближения между этими обеими странами. Но наша студенческая масса до сих пор очень мало интересовалась этим вопросом, несмотря на то, что теперь нам связь с Советской Россией еще более необходима и важна, чем когда бы то ни было.

Дорогие товарищи студенты! Мы должны теперь образовать единый фронт с Советской Россией для общей борьбы против мирового империализма и для того, чтобы иметь возможность свергнуть наших внутренних милитаристов и уничтожить систему дюдзюната в Китае. Только тогда китайский народ сможет действительно достигнуть политического, экономического и национального освобождения.

Приветствие, полученное нами от студентов Советской России, с выражением готовности оказать помощь нашей стране—есть самый лучший залог братской солидарности Советской России и угнетенных масс Китая.

Да здравствует тесная связь Китая с Советской Россией!

Студент Чжак.

Студенческое движение в Китае.

Одновременно с ростом рабочего движения в Китае наблюдается и большой подъем студенческого движения. Начало этого года отмечается целой полосой студенческих выступлений, характерным признаком которых является их комбинированный характер, т. е. выступления, стачки не являются только экономическими, — они сопровождаются почти всегда политическими требованиями.

Эти студенческие беспорядки все более и более выливаются в широкое революционное движение направленное, главным образом, против милитаристических клик и против так называемой системы дзюнзюнатов.

Эта система зиждется на управлении каждой провинцией (собственно Китай имеет 18 провинций) военным губернатором—дзюн-дзюном; каждый

из них имеет свою наемную армию. Дзюн-дзюны, в целях собственного обогащения и содержания своих армий, все поступления в казну не только не передают центральному правительству в Пекине, забирая их себе, но еще требуют у последнего крупные суммы на содержание своих армий. Бесперывная гражданская война, которая идет в Китае, есть война между дзюн-дзюнами, из которых один находится под влиянием одной империалистической группы, а другой—под влиянием другой; эта борьба ведется за расширение своей власти и за влияние на Пекинское правительство. Милитаристическая клика северного и среднего Китая—Чжилийская (от названия провинции Чжили), во главе с дзюн-дзюнами Цао-Кунь и У-Пей-Фу, сосредоточивает в своих руках власть над северным и средним Китаем, борясь с Манчжурским собратом—Чжан-Цзо-Лином на севере и Народно-революционной партией—Гомидан, во главе которой стоит доктор Сун-ят-сен) на юге.

Растущая реакция в Китае беспощадно расправляется с рабочим движением, подавляя его вооруженной силой. Рядом репрессивных мер, расстрелом нескольких забастовщиков, арестами главных вождей профсоюзов, китайским реакционерам, в союзе с английским капиталом, удалось ликвидировать забастовку углекопов в Тянь-Шане (угольный район Тянь-Цзина) в декабре прошлого года. В начале февраля с. г. железно-дорожная забастовка Пекин — Ханькоу была подавлена, что сопровождалось громадным количеством жертв. Около 50-ти человек было расстреляно, свыше 200 ранено и главные лидеры забастовочного движения брошены в тюрьмы.

Все растущая реакция в Пекине вызывает борьбу против себя в наиболее радикально настроенной части китайской интеллигенции, в частности, китайского студенчества. Первыми причинами, вызвавшими студенческое движение, в настоящее время являются требования, непосредственно затрагивающие интересы широкой студенческой массы. Сюда относится протест против ново-назначенного министра народного просвещения Пен-Юн-и, против увольнения радикальных профессоров и т. д. Студенты устраивали многотысячные митинги, организовывали процессии к Сенату с требованием исключения из нового кабинета Пен-Юн-И. Но, несмотря на это, Пен-Юн-И все же был назначен министром народного просвещения и утвержден в этой должности Парламентом и Сенатом, подкупленным Цао-Кунем. Опасаясь репрессий, уволенные профессора покинули Пекин. В знак протеста ушел и ректор Пекинского университета Цай-Юань-Пен, старый профессор, пользующийся большой популярностью. Все это способствовало усилению студенческого движения и, несмотря на всякого рода полицейские меры, студенческое движение росло и перебросилось из Пекина на весь Китай. Волнения в среде студентов начались во всех университетских городах: в Шанхае, Ханькоу, Тянь-зине и т. д. В настоящее время происходит конференция революционных организаций студенчества всей страны.

Приглядываясь к студенческому движению, развивающемуся в настоящее время в Китае, нельзя не заметить, что оно имеет очень много аналогичного со студенческим движением в России в конце прошлого и начале этого столетия. Будучи наиболее революционным крылом радикально настроенной мелкой и средней буржуазии, китайское студенческое движение тесно соприкасается с рабочим движением Китая, и руководство, как в студенческом, так и рабочем движении, все более переходит в руки коммунистических элементов.

Необходимо отметить, что крупная китайская буржуазия, интересы которой все более переплетаются с интересами крупного иностранного капитала, почти не принимает участия в революционном движении страны. Студенты, вышедшие из среды крупной буржуазии, обыкновенно воспитываются не в китайских университетах, а в университетах Англии и Америки, и являются наилучшими агентами в проведении иностранного влияния в Китае. Студенты же, обучающиеся в китайских университетах, в громадном большинстве являются выходцами мелкой и средней буржуазии и китайской интеллигенции. Интересы этих классов китайского народа в данное время отчасти совпадают с интересами рабочего класса и потому понятно, почему китайское студенчество ориентируется на рабочее коммунистическое движение.

Методы борьбы китайской реакции против студенческого движения чрезвычайно напоминают образ действия царского правительства в 80—90-х годах в России. Она пытается изолировать рабочие массы от влияния революционного студенчества. Дзюньзюны в среднем Китае издают особые приказы по этому поводу, и в своей прессе, в своих листовках, предназначенных для рабочих, китайская военщина ведет особенную борьбу против «коммунизма» и «большевизма», яко бы проникающего в рабочие массы через студенчество.

Все студенческое движение в Китае протекает в настоящее время под руководством союза молодежи. Ведя упорную борьбу против китайской военщины и против иностранного империализма, союз старается направить студенческое движение и на борьбу с буржуазной идеологией, проникающей в среду студенчества. Достаточно указать, что организации американского «Христианского Общества Молодых Людей» встречают достойного противника в его лице.

Несмотря на все репрессии, на расстрелы, тюрьмы и т. д. китайскому рабочему движению в ближайшем будущем предстоит сильное развитие. И идущее с ним нога в ногу студенческое движение Китая, руководимое коммунистическими элементами, сыграет громадную роль в развитии революционного движения и в достижении первых намеченных целей—объединения и демократизация Китая.

РОМАНСКИЙ.

„Школа агитаторов“

Эмигрантская „наука“ как новая фаза эмигрантской истории.

После разгрома Врангеля кончился политический период истории эмиграции, уступив место истории эмигрантской патологии. Этот тезис настолько оправдан жизнью, что доказывать его или иллюстрировать его рядом примеров представляется совершенно излишним.

Начиная, приблизительно, с 1921 года, эмиграция, как некое целое, умерла, являя собою аморфную эмигрантскую массу, переживающую процесс распада и консолидации по трем направлениям:

по направлению политического покаяния, примирения и признания Советской власти, по линии полной политической изоляции и борьбы за существование и по линии углубления ненависти и организации борьбы с Советской Россией.

Именно поэтому изучение эмиграции представляет сейчас интерес только в смысле регистрации тех фактов, которые характеризуют взаимоотношение этих трех группировок эмиграции: усиление одних за счет ослабления других, формы процесса уже наметившейся консолидации по данным направления и т. д.

Совершенно очевидно, что в последнем счете самоопределение всех элементов эмиграции пойдет и уже идет по линии их классовой природы. Тот стан эмиграции, который не связан со старой Россией слишком крепкими социальными нитями: учителя, мелкое офицерство, лица свободных профессий и т. д., с механической неизбежностью приходят к необходимости признания Советской власти, Советской России—«отечества», в котором они только и смогут приложить свои знания и силы и—не умереть с голоду. Не приходится говорить о том, что этот процесс протекает не в одном только виде поисков куска хлеба, но, имея в основании именно этот мотив, сопровождается рядом—зачастую—глубоких идеологических и моральных переоценок.

В равной мере, те элементы эмиграции, которые слишком много потеряли во время и благодаря революции, чем дальше, тем больше отсеиваясь от чуждых в социальном отношении элементов, будут все законченнее спланиваться в ударную фалангу контр-революции, которая, в случае успеха, может все выиграть и которой—в случае неуспеха—ничего терять. Революция отняла у них все. Ясно, что резервом для этого второго стана является и будет являться «столбовая» часть эмиграции, которую представляют собой бывшие помещики, высшее офицерство—особенно производства во время гражданской войны и т. д.

Можно утверждать, что, поскольку подавляющая часть эмиграции представляет собой перепуганных зайцев, бежавших при первом же слухе

о том, что собираются подковывать верблюдов «трудовую» интеллигенцию и перепуганное мещанство,—постольку заключительный период процесса дифференциации и интеграции русской беженской массы закончится резким размежеванием на приявших революцию и на укрепившихся в своей непримиримой к ней ненависти. Совершенно очевидно, что вторая часть, по сравнению с первой, будет представлять собой весьма небольшую величину.

Являясь только частью всей эмигрантской массы, зарубежное русское студенчество, переживает те же процессы распада и консолидации, что и вся эмиграция в целом.

Не приходится доказывать, что для изучения эмигрантского студенчества в настоящий момент не столько следует прибегать к помощи аналитического метода, сколько к помощи метода чисто статистического, ибо студенчество, как и вся эмиграция, уже выявило пути своего распада и линии своей консолидации.

Революционное студенчество, приобщившееся к революции, тем самым вышло из полосы, так сказать, чисто эмигрантского положения, а значит, и эмигрантской «истории».

В этом отношении заслуживают внимания, как специфически эмигрантские группировки, только те элементы студенчества, которые не «прияли» революции.

Говоря о «неприявших» революцию, мы разумеем в данном случае всю ту массу эмигрантского студенчества, которая начинается с чистых «аполитиков» и, переходя через наиболее левые контр-революционные группировки (правые эс-эры, левые кадеты и т. д.), заканчивается приверженцами Рейхенгалля.

Эти элементы имеют свою «историю»—если и не политическую, то уголовную, патологическую. За последнее время в ожидании славы и добра, должествующих наступить после падения Сов. власти, «история» всех этих группировок отмечается резко проявляющимся стремлением к «науке». И вот, присматриваясь к «научным трудам» «неприявшего» студенчества, наше утверждение, что в данный момент ни одна группа эмиграции, а значит и эмигрантского студенчества, не может—объективно—быть аполитичной, доказывается и иллюстрируется своеобразной их постановкой научного дела.

Так, например, недавно в Мюнхене происходило совещание представителей студентов—монархистов. Совещание было официально названо совещанием представителей зарубежных организаций русской национально-мыслящей молодежи».

«Национально-мыслящая» молодежь прежде всего отмежевалась от интеллигенции и революции.

Совещание прежде всего сочло нужным выявить свое отношение к русской революции.

В ней оно отметило два основных момента: бунт интеллигенции против царя и бунт народа против интеллигенции. Насколько первый

бунт был гнусен и преступен,—настолько второй естественен и понятен. Он, в сущности, против воплощенного в лице интеллигенции тупого, подражательного западничества, столь чуждого русскому природному укладу».

«Будущий строй России, основываясь на коренных русских началах—православии, народности и самодержавии, должен иметь соответствующие самобытные формы».

Совещание так раскрывает понятие народности:

«Основным принципом народности должны быть понятие: «Россия для русских». Т.-е. «Присутствие в России монолитной и по существу своему анти-христианской еврейской массы недопустимо; необходимо всемерно способствовать своевременному исходу евреев из России для предотвращения неизбежных погромов».

«В московский период русской истории неограниченный самодержец подавал пример жертвенного служения своему народу. Этот народ необходимо впредь оградить от всяких опытов парламентаризма. Незыблемость идей русской православно-самодержавной государственности должна отныне быть основанной на взаимной, освященной церковью, присяге: царя—на служение этой идее, а народа—на верность царю.

Земля в России издревле считалась государевой; право собственности на нее в основе своей имело волю государя и не являлось самодовлеющим правом землевладельца, налагая на последнего обязанность ратного служения. Только царю отдаст охотно свою землю бывший помещик».

Об отношении к Советской власти:—«Для нас интересы России всегда и во всем должны быть на первом месте. Поэтому, при всей нашей ненависти к социал-коммунистической власти, мы даже готовы не противодействовать ей в тех случаях, когда эта власть, против своей воли, принуждена стоять на страже русских национальных интересов».

Решено организовать «секции самообразования», на которых будут читаться: Еврейский вопрос. Массонство. История революции и реставраций. История французской революции. Марксизм (изложение учения К. Маркса; его критика; «Азбука коммунизма» Бухарина). Рабочий вопрос. Национальный вопрос. Земельный вопрос (история общины; Столыпинская реформа; социализация и национализация; статистика). История конституционного движения в России и т. д.

Члены организаций молодежи, прошедшие вышеуказанный курс и выдержавшие соответствующее испытание, будут допущены в школы агитаторов.

На совещании избран «технический центр» в составе: кн. Ширинского—Шихматова известного организатора банд тайных убийц (Париж), Мейера (Белград) и Лабзина (Берлин). Бандитский характер этой «научной» работы не нуждается ни в каких комментариях.

А вот и другой образчик «научной» работы «неприемлющих» элементов эмигрантского студенчества:

В феврале месяце в Берлине открылся Русский Научный институт с тремя отделениями: духовной культуры, правового и экономического.

Политическая физиономия этого института достаточно четко выявляется составом Врангельских профессоров—в роде Бернадского Н. В., Гессена С. О., Гогеля С. К., Каминки А. И., Сокольниковой К. М., Струве П. Б. Таубе М. А., Тимашева и т. д. Здесь мы видим чистых «демократов» типа Прокоповича и Мякотлина, счастливо согласившихся совместно с матерями белогвардейцами поучать эмигрантское студенчество.

В состав финансового комитета, в качестве его председателя, входит П. П. Бурышкин, как «представитель» российских толстосумов.

Уже один этот «ноев ковчег», где имеются бывшие и активнейшие врангелевцы, показывает, что о строго научной работе в данном случае не может быть и речи. Об этом же свидетельствует и следующие lamentации «Дней» по поводу того, с каким трудом удалось наладить создание Русского Научного института и с каким трудом эмигрантское студенчество передается научным трудам:

«Туманные перспективы, открывающиеся перед нею (студенческой молодежью) и теперь, неизвестность того, что ждет ее впереди, где суждено ей провести свою жизнь, к которой она готовит себя, все это лишает ее отчетливого и ясного фарватера».

В результате нет ничего удивительного, если вся научная работа среди эмигрантского студенчества, среди активистского его крыла, сводится к организации школы для подготовки «борцов» против революции—против Советской России.

Но здесь имеется еще один усложняющий момент: поскольку победа контр-революции все более и более отодвигается в область трансцендентального, постольку политическая энергия активистского студенчества направляется на борьбу с революцией в тех странах, которые дали им временный приют.

Вспомним, что всюду, где ширится фашистское движение: Германия, Австрия, Венгрия, Польша—ряды фашистов в значительной мере пополняются студенчеством. Поэтому естественно, что российские патриоты в ожидании своих побед в России, пока что, рука об руку с своими иностранными коллегами, составляют кадры для борьбы с революционным движением в любом месте и в любое время.

Говоря на эту тему, можно было бы привести ряд фактов, рисующих политические «акции» и научную работу контр-революционных активистов из эмигрантского студенчества. Но это, по богатству вопроса, может быть темой только для особой статьи.

Суммируя характеристику эмигрантской, «науки», можно пожелать, чтобы Красное советское студенчество, протягивая руку революционно пробуждающемуся студенчеству из эмиграции наблюдая работу контр-революционного эмигрантского студенчества, заранее подготовилось к будущим своим ролям патологов и судей, когда победившая революция в Европе возьмет за горло весь этот черносотенный сброд и передаст его в руки революционных судей и красных врачей.

А. РИМСКИЙ.

ФАШИЗМ.

PIETRO GORGOLINI, Le fascisme, Préface de Benito Mussolini. Traduit de l'italien par Eugène Marsan avec une préface de Jacques Bainville. Paris. 1923 (p. 290+XVI).

Пьетро Горголини. Фашизм. Предисловие Бенито Муссолини.

Перевод с итальянского Эжена Марсана, с предисловием Жака Бенвиля. Париж. 1923 (стр. 290+XVI).

В последнее время итальянская литература о фашизме чрезвычайно разрослась. О нем пишут и его друзья и его противники. Однако, вне Италии эта литература весьма мало известна.

Горголини, автор рецензируемой книги—один из вождей фашизма; французский переводчик книги так рекомендует его:

«Пьетро Горголини выступил в литературе еще до войны. В 22 года он уже был основателем и руководителем ряда журналов и газет. Из-под его пера вышли роман, сборник рассказов и критических этюдов.

С наступлением войны Горголини блестяще исполняет свой долг в той тяжелой и неблагодарной [борьбе, которую Италии пришлось выдержать среди гор».

Муссолини, давший предисловие к книге Горголини, прибавляет к этой характеристике следующее:

«Горголини является не только наблюдателем фашизма, но и бойцом за наше дело с самых первых его шагов. Это обстоятельство, казалось, могло бы повлиять на него как на исследователя; оно могло бы заставить Горголини отнестись к фашизму с известным пристрастием. Нужно сказать, что он сумел блестяще обойти это препятствие и что на страницах этой книги действующее лицо и свидетель, боец и критик, чудесным образом уравниваются».

Эти блестящие рекомендации, выданные автору книги французским националистом и фашистским вождем при чтении книги далеко не оправдываются. Сравнительно небольшое количество фактов и идей положительно тонет в огромном океане бессодержательных фраз и далеко не «объективных» дифирамбах фашизму.

Итальянский оригинал книги выпущен в свет в начале 1922 года. Времени с тех пор прошло немного, но события развивались таким быстрым темпом, что книга кажется уже устаревшей. Нынешний фашизм представляет собой картину в значительной мере отличающуюся от той, которую рисует нам Горголини в своей книге. Многие фашистские идеи были еще только в зародыше, когда Горголини писал свою книгу, других не было совсем. В общем и целом, фашизм за этот год совершил огромную эволюцию вправо. И когда Горголини пишет, что «программа фашизма может быть выражена в формуле Мадзини,—мысль и действие», когда он вообще пытается доказать, что фашизм есть только дальнейшее развитие

мадзиньянства и по существу не противоречит „разумному“ социализму, то это нас заставляет только пожимать плечами. В нынешнем фашизме не осталось и следа от этих „пережитков“.

В первой главе своей книги Горголини пытается установить причины появления и роста фашизма. Он видит эти причины в стремлении «здоровых» элементов страны положить конец „разгулу черни“. При этом он не жалеет слов для выражения своей ненависти к Нитти (б. премьер-министр), попустительством которого, по его мнению, можно только объяснить, что „на улицах и площадях офицеры, украшенные орденами и проливавшие свою кровь за отечество, оскорблялись и убивались, при чем виновные в этих преступлениях не несли никакого наказания“.

Однако Горголини не объясняет того, как все-таки этим „здоровым элементам“ удалось совладать с «разгулом», т.-е. с огромным движением рабочих масс, приведшим в 1920 году к грандиозному движению—захвату фабрик. Ведь в момент своего возникновения фашистские организации представляли собой только незначительные группы маменькиных сынков и отбившихся от всякой работы военных профессионалов, которым, конечно, не под силу было бороться с итальянским рабочим классом, объединенным мощными организациями. Причины торжества фашизма, на самом деле, заключаются в том разочаровании, которое овладело рабочими массами после крушения движения захвата фабрик, крушения, в значительной мере, объяснявшегося отсутствием решительного боевого авангарда и жалкой половинчатой тактикой социалистической партии и всеобщей конфедерации труда. Фашизм мог стать силой только потому, что апатия, овладевшая рабочим классом после огромного напряжения сил в 1920 году расчистила ему путь и создала благодарную почву.

В развитии фашизма личность его вождя играла колоссальную роль. Вполне понятно, поэтому, что Горголини посвящает Муссолини большую главу. Однако, тут „спокойствие и об'ективность“, очень мало заметные и в остальных частях книги, совершенно покидают автора. Характеристика-биография Муссолини превращается у него в восторженную апологию.

Муссолини соединяет в себе все самые высокие качества нашей расы. Это—человек действия: строго последовательный, обладающий необычайно острой мыслью, мгновенно схватывающий, одаренный богатейшей натурой, талантливый и страстный полемист,—он вполне современен. Он на несколько голов выше самых популярных главарей фашизма. Он—душа, сердце, мозг фашизма „libirissimo e fortissimo spirito italico“ (свободнейший и сильнейший итальянский дух).

Такого рода дифирамбами наполнена почти вся глава о Муссолини.

Характеризуя отношение Муссолини к социализму, автор заявляет, что «Муссолини не против социализма, когда этот последний стремится к постепенному завоеванию больших прав для масс и большего их благосостояния. Социализм Муссолини можно было бы определить, как сорельянский социализм».

По словам автора, «Муссолини понимает массы и любит их, он не отделяет себя от них... Он высоко ценит их организации в лице национальных и международных федераций, существующих уже много лет и являющихся не только теоретическим выражением эмансипации пролетариата, но и защитницами его реальных интересов».

Эти утверждения Горголини показывают, до какой степени книга его уже устарела. С момента написания этих строк утекло много воды. Фашизму не зачем больше кокетничать с массами. И он гордо заявляет, что является движением «избранных», что не нуждается в поддержке «инертных» масс. Точно так же нынче фашизм не нуждается больше ни в каком даже «разумном» социализме. Он открыто провозглашает, что социализм является его главным врагом и что этого врага он раздавит. И глубокой иронией звучат слова автора, когда он говорит, что фашизм «не представляет собой форму реакционного консерватизма, что он никогда не был и никогда не будет на службе у буржуазии, которая доказала, что цикл исключительного господства уже завершен».

В последнее время, как известно, фашизм выдвинул некую «новую» философию истории. По самоновейшим утверждениям фашистских «теоретиков», классовая борьба является социалистическим «мифом». Основным законом истории является не классовая борьба, но «борьба способностей», т.-е. борьба верхушек низших классов, достигших способности исполнять функции высших групп, таковую способность потерявших. Современное общество представляет собой организацию с определенной и твердой иерархией, которой суждено пребывать вечно. Цель социальной борьбы не может заключаться в уничтожении ступеней этой иерархической лестницы, но только в передвижении верхушек групп по этим ступеням. Эти идеи имеются уже в зародыше у Горголини, когда он говорит, что «борьба классов понимается нами, как лойяльная борьба между лойяльными противниками, не стремящимися подчинить себя друг другу, но желающими соглашения в целях создания условий более активной деятельности и менее тягостного существования».

Фашизм с самого начала укрепился прежде всего в крестьянстве. Это было для него возможно вследствие неправильной политики социалистической партии. Глава книги, посвященная аграрному вопросу, представляет значительный интерес. В момент написания книги, фашизм еще не мог выступить против интересов широких крестьянских масс, так как самое его существование обуславливалось поддержкой этих масс. Поэтому, Горголини еще выступает против помещиков. Однако, в дальнейшем своем развитии фашизм, стремившийся быть «общенациональным» движением, дал в этом вопросе трещину. В этом отношении весьма показательны были прения, развернувшиеся на последнем «большом совете» фашистской партии, где выявились две тенденции: одна, утверждавшая, что фашистские организации крестьян по существу должны будут действовать так же, как и столь поносимые фашистами «красные лиги», и поэтому нежела-

тельны, и другая, наоборот, считавшая необходимой массовую организацию крестьянства. Эти внутренние противоречия, обнаружившиеся в фашистской партии, несомненно, являются началом гибели фашизма. И весьма показательным поведением «Ассоциации Агркультуры», упорно отказывающейся от вступления в фашистскую «Конфедерацию».

Особенностью фашизма, тем, что отличает его от всех белогвардейских организаций других стран, является его своеобразный «синдикализм». Уже Муссолини в свое время заявил, что единственный положительный результат работы социализма заключается в создании им «профессиональной организации» (утверждение, правильное для Италии, где профессиональная организация не предшествовала социалистической партии, но была прямо создана ею). И Горголини тоже заявляет, «что фашизм всеми силами стремится к созданию профорганизаций». В настоящее время фашизм такой организацией обладает. Путем насилий он создал свою «Конфедерацию фашистских корпораций», обнимающую более миллиона рабочих. Но фашистский «синдикат» не совсем похож на то, что обычно под этим словом разумеют. В состав его входит одинаково и рабочие, и техники, и работодатели—или, как любят выражаться фашисты, все «производительные элементы» страны.

Но в своем «синдикализме» фашизм на этом не останавливается. Он хочет перестроить на базе «синдиката» все старое либеральное итальянское государство. И вот, им выдвигается проект, который должен свести к минимуму значение политического представительства. По этому проекту общее число членов парламента должно быть сведено до $\frac{1}{8}$ его настоящего состава. Все вопросы, касающиеся организации труда и производства, должны быть переданы «Высшему Совету Труда и Производства», составленному из представителей рабочих, работодателей и «средних классов», т.-е. мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Нужно отметить при этом, что представительство рабочих будет допущено только от тех организаций, которые стоят на «национальной платформе», т.-е. только от организаций фашистов.

«Средние классы» — это другой конек фашистов. Уже Горголини заявляет, что необходимо создать «сотрудничество мозгов и рук». «Мозги» — это и есть «средние классы». Фашисты очень хвастаются тем, что они впервые поняли роль средних классов и отвели им подобающее место. Во всяком случае, то, что фашисты разумеют под «средними классами» — далеко не однородная группа. Здесь сваливаются в кучу и мелкие собственники и техническая интеллигенция. Но значительная часть технической интеллигенции интимно связана с интересами крупного капитала в то время, как интересы многих групп мелких собственников находятся в противоречии с ними. Таким образом, и здесь мы наталкиваемся на клубок неразрешимых противоречий.

С большим пафосом Горголини повествует о той работе, которую фашизм проделал по «возрождению страны».

Теперь, когда фашисты находятся у власти, они получили полную возможность развить во всю свою «возрождающую» работу. И вот результаты: проведение «закона о 8-часовом рабочем дне», на самом деле отменяющем 8-часовой рабочий день; издание жилищного декрета, принесшего громадные бедствия рабочему классу; издевательства и репрессии по отношению к железнодорожникам; передача в частные хищнические руки целого ряда государственных предприятий, в первую очередь железных дорог и пр. и пр.

Замечательно, что французский перевод книги Горголини издан французскими националистами и снабжен предисловием националиста из националистов, Жака Бенвиля. И это несмотря на то, что в книге Горголини имеются такого рода выпады:

«Лигионеры, направляясь в Фиуме, дали сигнал освобождения всех угнетенных земель Ниццы, Савойи, Корсики, Мальты, Гибралтара, Ирландии, Египта, Индии, Канады, Черногории, Албании... всех стран и народов, обращенных в рабство империалистическими и плутократическими нациями».

Переводчик ограничивается тем, что снабжает этот выпад следующим примечанием:

«Надо предположить, что эти преувеличения являются лишь личным мнением автора».

Что же побуждает французских националистов так мягко относиться к итальянским националистам, мечтающим о возвращении Ниццы и Савойи? Разгадку дают следующие слова из предисловия Жака Бенвиля:

«Бенито Муссолини и фашизм не хотят, чтобы их называли реакционными, они отбрасывают это слово, взятое из партийного словаря, однако фашизм—реакция и не что иное».

В этом-то вся суть: рыбак рыбака видит издалека. И французские реакционеры готовы проглотить пилюлю «о Ницце и Савойе», когда речь идет о более важных интересах. Сколько бы поэтому Горголини не уверял нас, что рассказы о том, что фашизм является буржуазной реакцией «не более, как легенды и ложь, что фашисты не защищают ничьих привилегий и не являются борцами буржуазной реакции»,—никто ему— и в первую голову его единомышленники в других странах— не поверит.

В общем, несмотря на значительную поверхностность, книга Горголини содержит данные, могущие быть полезными при изучении фашизма. Слабость аргументации Горголини, если принять во внимание рекомендацию, данную ему Муссолини, доказывает только еще раз, что дело фашизма, несмотря на его кажущийся успех, обречено в недалеком будущем на гибель.

СПОРТ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ЗИМНИЙ СПОРТ.

Зимний спорт на Западе культивируется достаточно широко, захватывая массы трудящегося населения, лишь в северных странах: Швеции, Норвегии и Финляндии, тогда как на материке он носит специфический характер буржуазной забавы. В горных курортах катаются на санях и лыжах с гор, играет в хоккей и устраивает фигурные конькобежные конкурсы лишь праздная и богатая „курортная публика“. Состязания, происходящие здесь, бьют по нервам сопряженным с ними риском, будят азарт, но не дают планомерной и благотворной физической работы. Иначе обстоит дело на севере, где лыжи и коньки—народный спорт.

Из событий зимнего сезона обращают на себя внимание состязания в скоростном беге **на коньках на первенство**

Европы и мира. Первые состязались 3—4 февраля в Норвегии в городе Гамаре и дали победу прошлогоднему чемпиону мира, норвежцу **Стрему**, вторым был **Тунберг** (Финляндия),

чемпион Европы 1922 года, третьим **Ларсен** (Норвегия), лучший в Европе конькобежец на короткие дистанции, и четвертым наш соотечественник **Я. Мельников**. Ровно через неделю в Стокгольме

разыгралось при тех же участниках **первенство мира.**

Стрем и **Тунберг** на этот раз поменялись местами, а

Мельников оказался третьим, побив Ларсена. Новый чемпион мира **Тунберг** безусловно конькобежец высокого класса, но несколько слабоватый на длинные дистанции. **Мельников** же, идущий одинаково ровно в любом забеге, показал себя на этот раз несколько не худшим гонщиком, нежели его противники и проиграл, в значительной мере, из-за непривычки к интернациональным выступлениям.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРИВОДИМ РЕЗУЛЬТАТ ТРЕХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА.

	500 метров.	1500 м.	5000 м.	10.000 м.
1. ТУНБЕРГ	45,2 с. (1 место)	2 м. 26,3 с. (2 м.)	9 м. 10,3 с. (3 м.)	18 м. 21,3 с. (6 м.)
2. СТРЕМ	47,4 с. (5 м.)	2 м. 27,2 с. (3 м.)	9 м. 13,6 с. (3 м.)	17 м. 58,4 с. (1 м.)
3. МЕЛЬНИКОВ . .	47 с. (4 м.)	2 м. 30,4 с. (6 м.)	9 м. 06,2 с. (1 м.)	18 м. 09, (3 м.)

СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ.

На первой неделе февраля в Барселоне (Испания) разыграно **ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО ТЕННИСУ** в закрытом помещении. Американцы и австралийцы, лучшие теннисисты земного шара, на состязания не явились, и потому победа досталась французскому **КОШЕ**, выигравшему весной 1922 года при таких же условиях первенство мира на жестких картах. Конечно, участвуя в турнире Тильден, Джонстон (Америка) или Паттерсон и Андерсон (Австралия), французскому чемпиону не удалось бы занять даже классного места. Вторым в мужском состязании оказался англичанин **ДЖИЛЬБЕРТ**. **ЖЕНСКОЕ ПЕРВЕНСТВО**, в виду отсутствия сильнейшей теннисистки мира С. Ланглен (Франция), выиграла английская спортсменка **МАК НАЙН**, побившая свою соотечественницу Бимич.

В области **ФУТБОЛА**, в связи с зимним периодом, замечалось некоторое затишье. Результаты первенств отдельных стран выясняются лишь в мае месяце. Из международных же встреч можно отметить победу сборной испанской команды над Францией (4:0), проигрыш ее же Бельгии (1:0) и победу Швейцарии над Австрией (2:0).

ХОККЕЙНОЕ ПЕРВЕНСТВО Высших Учебных Заведений **ГЕРМАНИИ** **ВЫИГРАНО** университетской командой города **ГАЛЛЕ**, побившей представителей Ганновера со счетом 3:1. В **АНГЛИИ** лучшей студенческой хоккейной командой считается команда **КЕМБРИДЖСКОГО** Университета, побившая в минувшем сезоне **ОКСФОРД**. Последний в январе месяце гостил в Париже, где легко победил сильнейшие местные команды „Стандарта“ (14:0), „Французского Стадиона“ (8:1) и „Расинга“ (4:0).

Спортивная хроника.

РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ им. К. МАРКСА.

С ноября прошлого года при клубе рабочего факультета Института Нар. Хозяйства им. К. Маркса. Функционирует спортивный кружок, созданный по инициативе самих студентов-рабфаковцев. В настоящее время членами кружка состоят свыше 80 человек, в том числе больше 30 студенток рабфака.

Все занимающиеся разбиты на 4 группы; 4 раза в неделю под руководством 3-х приглашенных инструкторов происходят занятия вольными упражнениями, упр. со снарядами и играми. Зимой, кроме этого, делались

прогулки за город на лыжах. Кружок имеет небольшое гимнастическое оборудование, к началу же летнего сезона будут приобретены футбольные мячи и легкоатлетический инвентарь. К сожалению, отсутствие достаточно вместительного помещения для занятия не дает возможности развернуть работу кружка более широко.

Несмотря на тяжелую учебную нагрузку рабфаковцев, молодые спортсмены все же урывают несколько часов в неделю из своего рабочего дня и аккуратно посещают занятия по физкультуре. С каким увлечением и старательностью рабфаковцы выполняют указания инструктора, сколько молодого задора и здорового соревнования вкладывают они в упражнения! Глядя на них, воочию можно убедиться в том, что разумно поставленный спорт отвечает естественной потребности молодого студента.

Спорт-кружок в своей работе держит самую живую связь с Правлением клуба и ячейкой РКСМ (почти все члены спорт-кружка входят в ячейку); клуб, по мере возможности, оказывает кружку материальную поддержку. Кружок, в свою очередь, не остается в долгу и, по приглашению клуба, от времени до времени устраивает показательные спортивные выступления в стенах института перед рабочей и студенческой аудиторией.

В марте месяце кружок демонстрировал свои достижения на гимнастическом празднике рабочих спорт-ячеек Замоскворецкого района.

В настоящее время идет подготовка к летнему сезону—организуются футбольная и 2 женских баскетбольных команды; будут организованы занятия легкой атлетикой, греблей и плаванием. К сожалению, кружок не имеет летней площадки и еще не выяснилось до сих пор, какая из спортивных площадок Замоскворецкого района (СКЗ или ЗКС) будет предоставлена в пользование членам кружка.

Мих. Журавлев.

28/IV—23 г.

Москва.

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ.

До самого последнего времени в нашем институте не могла наладиться спортивная работа.

Бюро спортивно-гимнастической секции было организовано лишь в декабре 1922 года, но регулярные занятия из-за отсутствия средств на оборудование гимнастического зала начались только в апреле.

Инструктором ячейки состоит тов. Карпов.

Ко дню Первомайского праздника было приурочено официальное открытие секции, в программу которого вошло выступление группы гимнастов.

Были продемонстрированы движения с топорами, построения пирамид, работа на параллельных брусьях мужской и женской. Каждый номер выступления сопровождался продолжительными аплодисментами собравшихся зрителей, очевидно, заинтересовавшихся работой кружка, т. к. Карпов в своем кратком слове выразил надежду, что в скором времени ячейка получит возможность широко развернуть свою работу.

В заключение курсантами из Главной Военной школы был продемонстрирован бой на рапирах и эспадронах, а также матч бокса. После праздника теми же курсантами были организованы подвижные игры, имевшие громадный успех среди студентов.

Теперь перед секцией стоит задача получить площадку.

Неклепаев.

1-ый М. Г. У.

Одной из самых многочисленных студенческих организаций по физической культуре является спортивная секция при клубе «Октябрьской Революции» 1-го М. Г. У. Возникла она осенью 1922 года, вскоре после создания клуба. Интерес среди студенчества к физкультуре огромный. На первую, объявленную правлением клуба, запись отозвалось до 400 человек. Прежде всего пришлось подумать об оборудовании. Имеющееся в распоряжении спортсекции помещение б. университетской церкви оказалось довольно подходящим для занятий. Уладив дело с помещением, пришлось подыскивать инструкторов и инвентарь. Первое не составило больших затруднений. Занятиями руководят частью сами студенты (Коваленко, Давыдов), частью преподаватели школы инструкторов физ. образования им. Ленина, горячо отзывавшейся на нужды студенчества. Инструктора работают безвозмездно. Эта же школа отчасти помогла и инвентарем, с которым дело обстоит вообще хуже. В виду его дороговизны и ограниченности средств, покупать спортивные принадлежности довольно затруднительно. Но, побегав по различным учреждениям, кое-что все-таки удалось достать. Часть полученного, в виду плохого состояния, пришлось самим чинить, и тут на помощь пришли ребята с рабфака, более знакомые с этим делом. Хвалиться оборудованием, конечно, не приходится, но все же теперь есть булавы, палки, гантели, немного трусиков и туфель, брусья, стойки. Всего, конечно, понемногу, но заниматься можно. К официальному моменту открытия уже регулярно занималось 4 мужских (по 30—35 чел.) и 2 женских группы (по 50 чел.). Занимались различными упражнениями по шведской и сокольской гимнастике, ритмической гимнастикой (преимущественно женские группы), отчасти легкой атлетикой. По составу это больше всего рабфаковцы, затем студенты Фон'а, Физмата, значительно меньше медики. Ячейка КСМ занимается почти вся. Зимой по воскресеньям, устраивались

группой по 50 ч., вылазки на лыжах. В самом ближайшем будущем все занятия выносятся на свежий воздух. Вошли в контакт с «Муравьем», взявшим в свое ведение площадку О-ва Физич. Воспитания на Девичьем поле и таким образом студентам предоставляется возможность заниматься и летом. Предметами летних занятий проектируется водный спорт (в военно-спорт. водном центре Всевобуча), легкая атлетика (бег, прыжки, метания диска и копья) и различные подвижные игры. На-днях открывается запись в футбольную команду, которая войдет в общестуденческую лигу по футболу. Своим существованием спортсекция обязана энергии и любви к делу тов. Коваленко, непосредственного организатора ее и руководителя одной из групп. С другими группами занимаются Давыдов, Киселев, Тюшевский, Чувенков. Сейчас в виду экзаменационной поры количество занимающихся несколько уменьшилось, но это чисто временное явление. Из торжественных моментов в жизни спортсекций следует отметить 17 февраля, день официального открытия ее. На открытие секции явились тов. Мехоношин, начальник Всевобуча, сделавший доклад о физической культуре, и представитель Ленинской школы. После доклада и приветствий курсантами школы были продемонстрированы различные виды физических упражнений. (Бокс, борьба, фехтование, прыжки, комбинация бега с прыжками, пирамиды и много различных игр). Четкость и красота исполнения привлекли много студенчества, заполнившего зал клуба. Один раз спортивная секция выступала и сама в театре Мейерхольда. Заканчивая заметку, невольно хочется отметить, что появившееся увлечение физической культурой среди студенчества и рабфаковцев 1-го МГУ все более и более разрастается.

Г. Э.

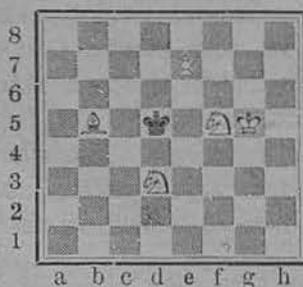
ШАХМАТЫ.

(Под редакцией А. Ф. ИЛЬИНА-ЖЕНЕВСКОГО).

Задача № 2.

S. Loyd (+).

(Из сборника задач знаменитого композитора).

Мат в 2 хода.

Белые: Крг5 Сb5 Кd3, f5 Пe7..... (5)

Черные: Крд5 ..... (1)

Этюд № 2.

Н. Д. Григорьев (Москва).

(Печатается впервые).

Белые выигрывают.

Белые: Кр f2 Па2, f3 ..... (3)

Черные: Кр e5 Па4. .... (2)

Фамилии товарищей, приславших верное решение задачи и этюда будут напечатаны.

Партия № 2.—Ферзевый дебют.

VI партия матча.—Москва, III/1923.

А. В. Радугин. Н. В. Карпенко.

1. d2 — d4 d7 — d5

2. К g1 — f3 К g8 — f6

3. c2 — c4 e7 — e6

4. К b1 — c3 c7 — c6

5. e2 — e3 К f6 — e4

6. К c3 : e4 d5 : e4

7. К f3 — d2 f7 — f5

8. С f1 — e2 . . . . .

На попытку разбить центр черных посредством 8.f3 последовал бы также ответ 8...Cd6!, и белым нельзя брать на e4 из-за шаха чер. ферзем на h4.

8. . . . . С f8 — d6

9. К d2 — f1? . . . . .

Ненужный, слабый ход, послуживший главной причиной дальнейших затруднений белых. Рокировать, правда, опасно в виду ответа Фh4 с последующим g7 — g5, но было предпочтительнее 9.f4, затем 10.c5 и К c4.

9. . . .	К b8 — d7
10. С c1 — d2	0 — 0
11. Ф d1 — b3	Ф d8 — e7
12. К f1 — g3	a7 — a5
13. e4 — e5	С d6 — e7
14. С e2 — e4	Кpg8 — h8!

Сыграно с прекрасным пониманием позиции: взятие пешки e6 невозможно из-за 14...a4! 15. Ф c4 b5 16. cb К : b6 и черные выигр., между тем, грозит прорыв b7 — b6, помешать которому теперь белые не в силах.

15. f2 — f4	b7 — b6
16. e5 : b6	К d7 : b6
17. С c4 — e2	К b6 — d5
18. 0 — 0	g7 — g5!

Черные стоят безукоризненно хорошо и теперь переходят к решительному штурму.

19. К g3 — h5	Л f8 — g8
20. Кpg1 — h1	С e8 — d7
21. С e2 — e4	. . .

Белые ничего не могут предпринять и даже хода g2 — g3 не имеют (т. к. после g5 — g4 теряют коня).

21. . . .	Л g8 — g6
22. С c4 : d5	Л a8 — b8
23. Ф b3 — c2	e6 : d5
24. Л a1 — e1	Л b8 — g8
25. К h5 — g3	. . .

Грозило 25...Л h6. 26 К g3gf. 27 ef Л : g3.

25. . . .	g5 : f4
26. e3 : f4	Ф e7 — h4
27. Л e1 — e3	Л g6 — h6
28. h2 — h3	Л g8 : g3
29. С d2 — e1	Ф h4 : h3 +
30. g2 : h3	Л h6 : h3 +

31. Сдался, — после размена ферзей у черных остается лишний слон и 2 пешки.

Окончание партии.

Черные: В. И. Ненароков.

Белые: Н. Д. Григорьев.

Это положение получилось во второй партии недавнего матча на первенство Москвы. Продолжение представило много любопытного.

1. К h3 — f4!	С c6 — b7

На 1...fe 2. de d4 + 3. Кp : d4 С f3 белые готовили вариант 4. e6 + Кp e8 (если 4...Кp f6, то 5. К g6 С : g4 6. e7 Кp f7 7. К e5 + и выигр.) 5. g5! hg 6. f6 gf 7. h6 и т. д.

2. К f4 — e6	С b7 — c8
3. К e6 — e7!	С c8 — b7
4. a3 — a4!!	. . .

Путем этой далеко рассчитанной жертвы пешки белые форсируют интересный прорыв.

4. . . .	b5 : a4
5. e5 — e6 +	Кp f7 — e7
6. b4 — b5!	a6 : b5

Если 6...Кp d8 или 6...a5, то 7. Ка6! затем 8. Кc5 и белые проходные скоро решают дело.

7. К c7 : b5	С b7 — c6
8. К b5 — a3	Кp e7 — d6
9. Кp c3 — b4	С c6 — e8
10. К a3 — b1	С e8 — c6
11. К b1 — c3	С c6 — e8
12. Кp b4 — a5	С e8 — c6
13. Кра5 — b6	. . .

Теперь намерения белых понятны: если 13...С e8, то 14. Кp b7! a3 15. Кp c8, затем Кp d8 и выигр. Поэтому черные решаются отдать пешку, чтобы задержать вторжение белого короля.

13. . . . a4 — a3
 14. Кр b6 — a5 С с6 — b7
 15. Кр a5 — b4 Кр d6 — с6
 16. Кр b4 : a3 Кр с6 — b6
 17. Кр a3 — b4 Кр b6 — с6

На 17... С с6 могло последовать 18. e7 Кр с7 19. Кр с5, затем К : d5 + и выигр.

18. Кр b4 — a5 Кр с6 — d6
 19. Кр a5 — b5! . . .

Сразу 19. Кр b6 С с6! ничего не дает белым, тогда как теперь на 19... С с6 + ? белые отвечают 20. Кр b6 и прорываются дальше.

19. . . . С b7 — a8
 20. Кр b5 — a6 Кр d6 — с7

Очевидно, 20... Кр с6 21. Кра7 С b7 22. e7 проигр. слона.

21. К с3 — b5+ Кр с7 — с6
 22. Кра6 — a5! . . .

Но не 22. Кр a7? Кр : b5 23. Кр : a8 Кр с6! 24. Кр b8 Кр d6! и черные выигр. Сделанный же тихий ход решает.

22. . . . С a8 — b7
 23. e6 — e7 Кр с6 — d7
 24. К b5 — d6 Сдался,

так как после 24... Кр e7 25. К : b7 с3 26. К с5 белые успевают задержать пешку.

ХРОНИКА.

В РОССИИ.

Москва. Можно смело утверждать, что Москва, наряду с Петроградом, является в настоящее время всероссийским шахматным центром. Шахматная жизнь бьет ключом не переставая в течение всех последних лет. И сейчас в Москве почти непрерывно происходят самые крупные состязания, в Москве же выходит единственный в России солидный шахматный журнал („Шахматы“). Из серьезной практики последнего времени надо прежде всего упомянуть о матче за первенство Москвы Н. Д. Григорьев—В. И. Ненароков. В матче этом, о начале которого у нас уже сообща-

лось, каждой стороной было выиграно по 5 партий (при одной ничьей), и таким образом, согласно условию, матч окончился вничью, звание же чемпиона Москвы осталось за Григорьевым. Последний получил (и принял) новый матч на первенство от Н. М. Зубарева. Матч играется на тех же условиях, что и предыдущий (т.-е. до 6 выигр. партий), и положение пока таково: +3, —3, =2. Другой матч, также нами упомянутый, между А. Ф. Ильиним-Женевским и М. Г. Кляцкиным, привел к решительной победе первого: +6, —1, =5. Кроме этих, недавно происходил еще любопытный матч на право перехода в I категорию: с этой целью А. В. Радугин вызвал на матч (на большинство из 10 партий) Н. В. Карпенко, однако успеха не имел (+1, —4, =3.) Из турниров М. Ш. О-ва следует отметить недавний I категории Б, где на первые места вышли Н. А. Панченко и Г. О. Давид. В последовавших затем 4 решительных партиях победителем оказался Давид, получивший право участия в ближайшем турнире I кат. А (для окончательного подтверждения там своего успеха). Сейчас в М. Ш. О-ве происходит новый турнир I кат. Б.

— Небывалое шахматное оживление царит в разных вузах. Едва ли не во всех из них есть шахматные кружки, и часто очень деятельные. Так, напр., в Мех.-Эл.-Тех. Институте им. Ломоносова, помимо турниров с участием большого числа слушателей, кружком было организовано и несколько сеансов одновременной игры (в том числе Н. Д. Григорьева, В. И. Ненарокова и Ф. И. Дуз-Хотимирского). Надо сказать, что не в одной Москве, но и по всей России пролетарское студенчество проявляет к шахматам живейший интерес. Повсеместно устраиваются студенческие турниры и матчи вузов между собой. По мере поступления сообщений, мы еще не раз будем возвращаться к вопросу о студенческой шахматной жизни.

Нижний Новгород. Закончился турнир-чемпионат т./г.: I—Н. И. Краковский (+13½ из 17), II—Г. Г. Обст (+13), III—С. С. Сергеев (+12), IV—С. В. Самойлов (+11½). Далее идут А. А. Махлин и Г. Д. Ячнов (по +11), затем А. П. Альбицкий (+10) и др. Ожидается четверной матч-турнир (м.-б.

также на первенство Н.-Новгорода) в составе известного русского шахматиста А. Н. Вяхирева, чемпиона Н.-Новгорода в 1920 г. Рябчицкого, чемпиона 1922 г. Альбицкого и чемпиона 1923 г. Краковского. Здесь 1/IV начал выходить шахматный отдел в журнале „Зори“.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Карлсбад. Вместо ожидавшегося турнира в Сан-Себастьяно, 27/IV начинался „третий Карлсбадский международный турнир“ (первый был в 1907 г. и закончился победой А. Рубинштейна, второй—в 1911 г. с победителем Р. Тейхманом). Борьба в турнире продолжится около месяца и обещает быть крайне интересной в виду очень сильного состава. Действительно, кроме чемпиона мира Х. Р. Капабланки и экс-чемпиона Эм. Ласкера, на участие которых, к сожалению, мало надежды*), здесь мы встречаем почти все „имена“: от России—Алехин, Боголюбов и Дуз-Хотимирский, от Польши—Рубинштейн, от Венгрии—Мороци и Рети, от Юго-Славии—Видмар, от Австрии—Грюнфельд и Тартаков, от Чехии—Вольф и Трейбал, от Германии—Тарраш, Тейхман и Шпильман, от Дании—Нимцович, от Франции—Ауэрбах, от Англии—Томас и Ятс, от Америки—Бернштейн, Уайткер, Чайес и Яновский. Подчеркнуты фамилии „гросмейстеров“ т.е. бравших ранее первые призы на прошлых международных турнирах. Таким образом,

из общего числа 22 участников 50% падает на гросмейстеров. Если же принять во внимание, что из остальных 50% некоторые (как, напр., Тартаков, Грюнфельд и др.) по силе приближаются к гросмейстерам, хотя и не имеют формально этого звания, то состав турнира надо признать выдающимся.

Копенгаген. Здесь за последнее время шахматная жизнь заметно пробуждается. Недавно происходил небольшой „датский“ турнир, I приз в котором взял Нимцович, незадолго перед тем принявший датское подданство (вместо быв. русского). В середине марта месяца состоялся уже более значительный турнир с участием нескольких иностранцев. Победителем и на этот раз вышел Нимцович (+8 из 10), II+III поделили Зэмис и Тартаков (по +6½), далее следовали Шпильман, Якобсен и Мёллер. Отрадно отметить успех Нимцовича, давно не выступавшего.

Мэргэйт. (Англия). В начале апреля месяца здесь происходил небольшой турнир при участии 4 англичан и 4 иностранцев (Алехина, Боголюбова, Грюнфельда и Рети). Результаты его сообщим следующий раз.

Марсель. Недавно чемпион Р. С. Ф. С. Р. Ал-др А. Алехин давал сеанс из 12 одно-временных партий „не глядя на доску“, закончившийся точно так же, как незадолго до того в Париже, т.е. +11, — 10, = 1.

*) Только что получено известие, что переговоры с ними продолжаются.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

Сочинения. Том II. Государственное издательство. 1923 г. Москва, Петроград.

Сочинения Плеханова включены в „Библиотеку Научного Социализма“, издаваемого Институтом Маркса и Энгельса, под общей редакцией Д. Рязанова. Включены совершенно правильно, ибо почти все произведения Плеханова, даже тогда, когда они представляют собой журнальную полемику, являются по содержанию своему если не разработкой, то популяризацией идей научного социализма.

В полной мере это можно утверждать относительно разбираемого нами II тома его сочинений, куда вошли статьи и брошюры Плеханова, вышедшие в 1883—1888 г.г. Именно в это время сложилась первая социал-демократическая организация в России, группа „Освобождение Труда“, посвятившая себя пропаганде идей марксизма в русской революционной среде. Собранные во II томе произведения как раз и являются наиболее выдающимися теоретическими выступлениями этой группы.

Изучение этих первых изданий группы „Освобождение Труда“ необходимо не только для ознакомления с историей русского револю-

ционного движения, но и для основательного знакомства с марксизмом. Особенно это представляется необходимым для учащейся молодежи, так как только знакомство с подходом марксизма к проблемам революции в разные эпохи и в разных политико-экономических условиях может дать им широту теоретического понимания марксизма.

Основная проблема русского революционного движения эпохи царствования Александра II заключалась в сочетании социалистических устремлений революционеров с задачей низвержения самодержавия, с одной стороны, в спайке между революционными группами интеллигенции с широкими народными массами, с другой. „Социализм и классовая борьба“ и „Наши разногласия“ Плеханова являются классическим марксистским разрешением этой проблемы. С необычайной ясностью провел Плеханов разницу между социал-демократом и бланкистом (народовольцем): „первый полагает, что *революция* имеет особенно важное значение *для рабочих*; по мнению второго, *рабочие* имеют, как мы знаем, особенно важное значение *для революции*“.

Впервые в России было установлено, что творцом революции являются рабочие, делающие ее для себя, в своих классовых интересах. Имен-

но рабочие, а не „народ“ вообще и не крестьянство, на общинные традиции которого народники возлагали столько надежд. „Наша программа ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения“. Эти заключительные слова V главы „Наших разногласий“ являются отправным пунктом для последующей революционной деятельности русских социал-демократов и большевиков, в особенности.

Большой интерес для всякого, кто интересуется проблемами революции, представляет и плехановское разрешение вопроса о возможности совпадения в России моментов падения самодержавия и начала социалистической революции. „Связывать в одно два таких существенно различных момента, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти два момента совпадут в истории нашего отечества—значит отдалять наступление и того и другого“. На первый взгляд эти утверждения Плеханова („Социализм и классовая борьба“, стр. 86 настоящего издания) кажутся противоречащими теории и практике коммунистической партии в эпоху 1917 г. Но это противоречие только кажущееся: это—противоречие между условиями революционной борьбы в 1883 году, когда писалась брошюра Плеханова, и политической обстановкой революционного низвержения царизма в эпоху общего развала капитализма после мировой войны.

Именно то обстоятельство, что в течение всей своей деятельности русские социал-демократы различали эти два момента позволило их коммунистическим наследникам в октябре 1917 г. перейти от борьбы за политическую свободу к борьбе за социализм уже через семь месяцев после Февральской революции.

Только понимание этой революционной диалектики исторического процесса дало возможность большевикам, как тогда, когда они назывались социал-демократами, так и тогда, когда они стали называться коммунистами, избегать опасностей как пустой революционной болтовни, так и доктринерского повторения отживших тактических лозунгов.

В этом именно смысле мы и считаем ознакомление с постановкой и разрешением тактических задач первыми социал-демократами, необходимым для „практических работ“ по марксизму.

В небольшой журнальной рецензии нет, конечно, возможности исчерпать все теоретическое богатство собранных в настоящем томе работ Плеханова. Нам хотелось только обратить внимание красной молодежи наших вузов, для которой все эти проблемы представляются только далекой историей прошлого, на актуальное значение изучения работ Плеханова. Тщательно проработанное Рязановым издание дает для этого полную возможность. Жаль только, что редактор не снабдил текста некоторыми попутными примечаниями историко-революционного характера, которые могли бы облегчить эту работу нашей молодежи, не всегда разбирающейся в революционных группировках прежнего времени.

Внешне книга издана очень хорошо. Остается пожелать ей возможно большего распространения.

С. Гальперин.

П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ. НА ПОВОРОТЕ.

(От конца 80-х годов до конца 1905 года).

Книжка т. Лепешинского—редкий документ из той далекой поры, когда зарождалась и развивалась Российская социал-демократическая партия большевиков.

Не говоря о личных достоинствах т. Лепешинского, как писателя,— яркость и образность языка, свежесть воспоминаний и т. д.—эта книга в высокой степени ценна тем, что здесь мы находим ряд богатых мазков, рисующих нам фигуры старых партийных товарищей—в частности т. Ленина, а позже—ряд мазков, рисующих картину напряженной борьбы между меньшинством и большинством русской социал-демократии.

Прелестны картинки, нарисованные т. Лепешинским, подпольной работы в старой царской России. Арест, тюрьма, ссылка—одни из лучших страниц его книги по богатству чувства и верности описания своеобразного быта этих „зланных мест“ и неисчерпаемому юмору автора.

Очень хороши те страницы, в которых т. Лепешинский рисует углубление большевизма т. Лениным.

Лозанна. Борьба большевиков и меньшевиков. Наступление на Ильича. Идеинная борьба, зачастую переходящая в личную борьбу и заканчивающаяся организацией не в меру ретивыми меньшевиками прямых скандалов, против большевиков.

Борьба, разыгрывающаяся из-за каждого слова, из-за каждой фразы. Читая воспоминание Лепешинского, посвященное всем этим фактам, начинаешь понимать, то исключительное значение Владимира Ильича, которое должно быть уделено ему, как подлинному пестуну революционной партии, оберегающему ее роды, ее рост и ее революционную чистоту.

Поистине нужен весь ленинский гений для того, чтобы в начале 900-х годов в отдельных фразах учуять будущие уклоны меньшевизма и сразу же повести с ним отчаянную борьбу, нападая на ликвидаторские уклоны меньшевизма

всей страшной силой своей логики и революционного энтузиазма.

Читая воспоминания, посвященные истории большевизма, обычно бросается в глаза, так сказать, первобытный, стихийный оптимизм, бьющий со страниц воспоминаний. И чувствуется, что этот оптимизм—не с сегодняшнего дня, что этот оптимизм—закаленный в боях глухого царского подполья.

То же самое чувствуется и в воспоминаниях т. Лепешинского. Тонус его воспоминаний—смех и уверенность в победе.

Это далеко не случайно и высоко характерно: такой оптимизм, такая жажда жизни и такая уверенность в победе может быть только у той партии и у того класса, который является исторически жизненным и который, отбрасывая одряхлевших врагов, смело и уверенно выходит на арену истории.

Кто хочет ближе познакомиться с личностью Ильича, кто хочет набраться уверенности и отдохнуть душой в наше время затыжки революции, пусть прочтет книгу т. Лепешинского.

Надеждин.

Л. КАМЕНЕВ.

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ.

„Перелистывая лежащий перед читателем сборник, как, впрочем, и всякий другой сборник большевистской литературы данного периода, враги наши смогут убедиться, что отношение большевиков к политическим партиям и даже к отдельным руководителям этих партий не только в общем, но и в деталях, сложилось и было достаточно ясно формулировано задолго до того, как победоносная революция пролетариата дала нашей партии возможность на деле провести свои взгляды. Борьба внутрипартийная и межпартийная, которую в течение десяти-

летий вели большевики и которую десятилетиями они вынуждены были вести только в подполье, борьба с Милюковыми, Кусковыми, Черновыми и Мартовыми была только подготовкой и предвосхищением той массовой открытой борьбы, которая решила судьбу партий и лиц дореволюционной России“.

В этих словах предисловия т. Каменева—прекрасная характеристика его книги.

Действительно, перечитывая ряд статей т. Каменева, посвященных русскому либерализму, эсерству, меньшевизму, большевизму, читая его статьи, посвященные Столыпинской России 3-го июня,—сейчас, когда жизнь дала великую историческую проверку старой тяжбы партий и классов, поражаешься той остроте анализа и верности исторических выводов, какие сделаны были т. Каменевым многие годы тому назад в его ориентировке в области классовой и политической борьбы дореволюционной России.

Разложение меньшевизма, бесславная гибель эсеров, полностью выявившийся союз русского либерализма с самой доподлинной феодальной контр-революцией, фактический союз меньшевизма и эсерства с помещичьей контр-революцией—факты, ныне отмеченные историей и вошедшие в сознание широких трудящихся масс России.

Неверно было бы думать, что эта тонкость и верность анализа присуща т. Каменеву, исключительно благодаря только могучей силе, его политическому прозрению, либо его необычайным дарованиям, как политика и социолога.

Перечитывая книгу т. Каменева сейчас, когда, повторяем, вопросы, волновавшие русскую революционную общественность в предреволюционное время, сданы уже в архив истории, как историей же вырешенные,—становится понятным то значение, какое имеет для революционного деятеля овладение марксист-

ским, методом понимания разворачивающегося исторического процесса.

Тов. Каменев скромно называет сборник своих статей введением к изучению ленинизма.

И действительно, ленинская школа марксистской выучки сказывается на всех писаниях т. Каменева. Именно здесь—ключ и объяснение его правильного понимания, его прогноза и диагноза будущности наших, когда-то революционных группировок.

Сейчас не приходится уже доказывать того, что революция 1905 года явилась исторической прелюдией, исполненной репетицией к революции Февральской и Октябрьской 1917 года.

Октябрьская революция еще не закончена. Если Советская власть сильна, если революционной России не страшны более эсеро-меньшевики, кадето-монархисты, если Советской России не страшны сейчас и заговоры, и восстания, и интервенция,—то, тем не менее, исторические задания Октябрьской революции пока еще далеко не реализованы.

После блестящей победы Советской власти за право на существование, начался второй период борьбы—менее видной, но не менее жестокой и напряженной, чем физическая борьба в 1918—1919 г.г.

Для того, чтобы молодое поколение коммунистов могло правильно ориентироваться в создавшейся необычайно сложной обстановке сегодняшнего и ближайших исторических дней, чтобы правильно и верно обойти многочисленные подводные камни в том революционном море, по которому плывет сейчас советский корабль,—необходимо вооружить его хорошим марксистским компасом, указующим каждому революционеру правильное направление.

Если в настоящее время сошли с исторической арены кадетские либералы, монархические зубры и черновско-авксентьевские эсеры, то

революция имеет сейчас перед собою новую разновидность либерализма в лице сменовеховцев, консолидировавшийся мировой меньшевизм и т. д.

Создавшаяся ныне констелляция классовых и партийных группировок, данное соотношение революционных и контр-революционных сил более усложнено, чем в пред-революционную эпоху.

Сложность создавшейся революционно-политической обстановки требует от каждого активного революционного деятеля совершенного овладения боевым оружием—марксистским методом.

Необходимость новых сложных маневров, умение блокироваться с потенциально революционными—в данный момент—классами, умение изолировать потенциально контр-революционные классовые и партийные группы, умение сталкивать между собою враждебные революции политические силы и в результате всего этого побеждать—требует внимательного изучения истории нашей революции, истории большевизма, показавшего себя несравненным мастером в области революционной стратегии и тактики.

С этой точки зрения книга т. Каменева является незаменимым руководством, показывая, как в самые трудные минуты революции, в моменты ее подъема и ущерба, иногда ошибаясь, революционная партия, вооруженная революционно-марксистским методом, уверенно и безошибочно вела руководимый ею пролетариат по правильному и историческому пути, намечая союзников, отмечая врагов, лавируя, отступая и подготавливая рабочий класс к новой революции и к окончательной победе.

Мы думаем, что останавливаться подробно на вопросах, хотя бы и наиболее крупных, затронутых книгой т. Каменева нет нужды. Меньшевизм, эсерство, либерализм и

в результате поражения революции 1905 г. объединение этих групп под знаменем идеалистического империализма и революционного банкротства—ныне факт, отмеченный историей.

Закончить эту заметку по поводу книги т. Каменева можно указанием на цикл его блестящих статей, в которых он развертывает историю революционного грехопадения меньшевистской партии и показывает ее перерождение в партию контр-революции, поскольку меньшевики после революции 1905 года, перепуганные перспективой диктатуры пролетариата, резко качнулись в сторону политического блока с либеральной буржуазией, расценивая последнюю, как прогрессивный фактор в истории русской революции.

В этих статьях т. Каменев показывает, как меньшевизм, упершийся в ликвидацию партии и революции, стал оформляться как сила, резко враждебная пролетарской революции.

В настоящее время, наблюдая роль международного меньшевизма—его работу в Германии, Чехо-Словакии, Латвии и т. д.—убеждаясь, что поистине пророчески верна следующая формулировка меньшевизма, данная ему т. Каменевым:

„Ликвидаторство—известная система политической мысли... и оно является как раз той формой, в которой совершается теперешний исход, побывавшей у социал-демократии (главным образом, меньшевистской) интеллигенции, к новому формирующемуся идейному центру мелкой буржуазии, к новой прослойке либерализма“.

Поэтому, мы считаем книгу т. Каменева настолько необходимой для каждого молодого товарища-коммуниста, неискушенного в старой борьбе, рекомендуя ее действительно, как введение к изучению, так сказать, практической истории нашей революции и большевистской партии.

Надеждин.

25 ЛЕТ Р. К. П. (БОЛЬШЕВИКОВ).

Иллюстрированный юбилейный сборник Истпарта. Госуд. Издательство. Стр. 356.

Вот настоящая музейная книга. Не в том смысле, что место в музее, а в том, что она сама является музеем истории партии. Чего только в этом музее нет! Тут и рисунок, изображающий, как Владимир Ильич играет в шахматы с 3 противниками в Минусинской ссылке, и фотография дома, где происходил первый съезд партии в 1898 г. и снимки сарая и шалаша, в которых скрывались Ленин и Зиновьев после июльских дней 1917 г., и снимок наступления по льду на Кронштадт в 1921 г. и подпольная типография, и портреты всех деятелей партии, и воспроизведения старых нелегальных изданий, которых большинство современной—послеоктябрьской, да и дооктябрьской—молодежи и в глаза не видела.

Героический период оживает перед глазами.

Очень богат и литературный материал. Ряд воспоминаний непосредственных участников движения, и ряд статей Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, являющихся памятниками важнейших этапов развития партии. Отмечены почти все статьи и письма Ленина в эпоху Керенщины; октябрьские дни освещены Троцким. В высшей степени интересные сведения о дебатах в ЦК по поводу Брестского мира. Как известно, в этом вопросе в партии имелись тогда большие разногласия, но любопытно отметить, что независимо от вопроса о войне и мире, все члены ЦК единогласно сошлись на необходимости создать Красную армию. Точно так же, единогласно было решено оказывать всяческое сопротивление, если Германия оборвет переговоры и начнет новое наступление. Брестский мир был подписан по настоянию

Ленина, и ноябрьская революция 1918 года в Германии целиком оправдала тактическую линию Ленина.

Отметим, наконец, что в конце сборника приложен алфавитный указатель фамилий, кличек, псевдонимов партийных деятелей, что тоже представляет огромный интерес. Издана книга прекрасно, и стала бы настольной для всех коммунистов, если бы... если бы материальные условия позволяли каждому партийцу приобретать такие роскошные издания. Все же семь тысяч экземпляров, в которых книга издана, наверно скоро разойдутся и потребуются новое издание.

С. Г.

М. Н. ЛЯДОВ.

25 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).

Исторический обзор развития и борьбы. Изд. „Красной Нови“ и Нижегородского губкома Р. К. П. Страниц 96.

Выпущенная к юбилею книга т. Лядова по замыслу должна была дать возможность всем членам партии иметь в руках небольшое пособие, позволяющее охватить весь период существования партии. К сожалению, нельзя сказать, что бы эта задача была выполнена вполне удовлетворительно. Популярный характер книги находится в некотором противоречии с сухостью изложения, которая, конечно, не способствует привлечению массового читателя. Имеется и ряд пробелов. Автор отмечает стачку на Обуховском заводе в 1901 г., демонстрации 1902 г. и ни словом не упоминает о массовых стачках на юге России летом 1903 г., послуживших несомненной прелюдией к 9 января в Петрограде. Только две строчки посвящены брошюре Ленина „Что делать“, сыгравшей огромную роль в форми-

ровании большевистской идеологии и скрывавшей в зародыше все дальнейшие разногласия между большевиками и меньшевиками. Совершенно не обрисована позиция большевиков в Петербургском Совете Рабочих Депутатов 1905 г. Не упомянуто даже имя т. Радина (Кнуньянца), представителя большевиков в исполнительном комитете Совета, безусловно заслужившего упоминания в партийной истории на ряду с приводимыми в книге именами других видных партийных работников и участников партийных съездов. Наконец—и это, быть может, самый важный пробел—слишком уж бегло обрисован советский период существования партии. Двух страниц, посвященных этому периоду, мало даже для популярного издания. Не отмечен даже факт переименования партии.

Конечно, значительная часть этих пробелов объясняется небольшими размерами книги. Трудно в самом деле вместить в 96 страниц историю развития и борьбы партии за столь долгий период. Но все же надо признать, что при более умелом распределении материала можно было бы создать более яркую картину развития коммунистического движения в России. Все же, при трудности достать в провинции (книга издана в Нижнем-Новгороде) другие пособия можно рекомендовать и книгу т. Лядова.

Издана книга сносно. Изображенный на обложке портрет Ленина не принадлежит к числу лучших.

С. Г.

Академик И. П. ПАВЛОВ.
ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ОПЫТ ОБЪЕКТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖИВОТНЫХ.

Государственное издательство. Москва—Петроград. 1923 г. 244 стр.

„Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей

нервной деятельности животных“ представляет собою сборник статей, докладов, лекций и речей академика И. П. Павлова, охватывающий период его исследовательской работы от 1903 г. до 1923 г.

Еще в 1863 г. величайший русский физиолог И. М. Сеченов сделал смелую теоретическую попытку *изобразить* наш „*субъективный мир*“ *чисто физиологически, „объективно“*. Но после брошюры „Рефлексы головного мозга“ Сеченов более не возвращался к этой теме в ее первоначальной решительной форме. И только впоследствии, ученик Сеченова И. Павлов вновь вернулся к этой теме, дав „гениальному взмаху сеченовской мысли“ совершенно новое, практическое направление.

За время двадцатилетних экспериментальных трудов павловской школы над животными накопился настолько обширный, подробно разработанный материал, что, по мнению Павлова, он может быть „серьезно использован для понимания в нас происходящих и еще для нас пока неясных явлений нашего внутреннего мира“.

„Я глубоко, бесповоротно и неискоренимо убежден,—говорит Павлов в предисловии к своей книге,— что здесь главным образом, на этом пути (объективное исследование высшей нервной деятельности организма—С. В.) окончательное торжество человеческого ума над последней и верховной задачей его познать механизмы и законы человеческой природы“.

И нужно бесспорно признать: Павлов ни в коей мере не преувеличивает здесь значения своего нового метода в изучении высшей нервной деятельности животных; напротив, можно уверенно сказать, что русская физиологическая школа Павлова, представляющая собой крупнейшее событие в истории раз-

вития естествознания, открывает новую грандиозную эпоху, которая выходит далеко за рамки буржуазной науки.

Исследование „механизмов и законов человеческой природы“ в течение тысячелетий всегда было связано с особой наукой—психологией. Этой-то „науке“ и наносит Павлов сокрушительный удар, открывая своим учением об условных рефлексах новые величайшие пути для дальнейших небывалых побед человеческого ума в самом сложном, веками запутанном вопросе—в познании законов и механизмов человеческой природы. Особый интерес в реферируемой книге и представляют как раз те места, где Павлов, в решительных столкновениях с психологией, окончательно расстается со старыми навыками мышления, подготавливая своим новым учением неизбежную, катастрофическую гибель всего множества психологических теорий со всеми покоящимися на них бесчисленными надстройками.

На этих местах книги мы специально и остановимся.

„Можно с правом сказать,—говорит Павлов,—что неудержимый со времени Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, вообще говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И казалось, что это недаром, что здесь действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации—человеческого мозга—создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания“.

И действительно, когда физиолог изучает низший отдел центральной нервной системы—спинной мозг, он неизменно придерживается естественно-научной основы, исследуя, в строгих рамках причинной зависимости, как организм, через посредство этого отдела отвечает на те или иные воздействия окружаю-

щей среды, или, иначе говоря, как „закономерно изменяется животное вещество под влиянием тех или других внешних агентов“.

„Но, вот физиолог поднимается до высших пределов центральной нервной системы, и характер его деятельности сразу и резко меняется. Он перестает сосредоточивать внимание на связи внешних явлений с реакциями на них животного и вместо этих фактических отношений начинает строить догадки о внутренних состояниях животного по образу своих субъективных состояний“.

Из „мира протяженного“ физиолог делает здесь скачок в мир „непротяженный“.

Но чем вызван этот чрезвычайной важности шаг? Какие глубокие основания побудили к нему физиолога? Какая борьба мнений предшествовала ему? И на все эти вопросы, говорит Павлов, приходится дать совершенно неожиданный ответ: перед этим чрезвычайным шагом в научном мире решительно ничего не происходило! Физиологи просто уступили давлению тысячелетнего авторитета слов, физиологи „подчинились ходячей манере думать о сходной деятельности животных по сравнению с собой“.

И естественно, в результате этого, физиология оказалась „в тупике“; изучение сложнейшей нервной деятельности высших животных почти не трогалось с места; „психология в качестве союзницы не оправдала себя перед физиологией“.

В самом деле, психология на протяжении всей своей многовековой истории фигурирует как наука о „непространственных“, „непротяженных“ явлениях и совершенно основательно возникает у Павлова вопрос: „как можно систему беспространственных понятий современной психологии наложить на материальную конструкцию мозга“.

„Я должен признаться,—подчеркивает Павлов,—что ранее, когда я

наталкивался на трудности при истинном причинном объяснении, то частью по привычке, частью, может быть, вследствие некоторого умственного утрашения я прибегал к психологическим объяснениям, считающимся вполне законным. Но вскоре я понял, в чем состоит плохая услуга. Я был в затруднении тогда, когда не видел естественной связи явлений. Помощь психологии заключалась в словах: *животное вспомнило, животное захотело, животное догадалось*, т.е. это было *только приемом адетерминистического думания, обходящегося без настоящей причины*“.

Насколько бесплодно, насколько беспомощно такое „адетерминистическое думание“, Павлов показывает на примере физиологов Мунка и Феррьера.

Когда Мунк вырезал височные и затылочные доли больших полушарий у животных, он замечал впоследствии у этих животных целый ряд особых ненормальностей в отношении слуха и зрения. После удаления, например, затылочных долей у собаки, можно заметить, что собака совершенно своеобразно реагирует на окружающую обстановку. Обходя предметы, встречающиеся на пути, реагируя на свет, собака вместе с тем не узнает своего хозяина, не защищается от нападения и проч. Такое явление Мунк, а вместе с ним и другие, назвал „психологической слепотой“, считая, что все дело в том, что собака „видит“, но „не понимает“.

„Но что такое значит „понимает“ и „не понимает“?—спрашивает Павлов.—Эти слова тоже ничего определенного не говорят, их тоже надо в свою очередь объяснить!“

В противном случае, по мнению Павлова, это значит просто отделываться словами, не обнаруживать

действительной настоящей причины.

Ведь „центр тяжести в научном изучении нервной деятельности больших полушарий лежит в определении путей, по которым нервный процесс разливается и сосредоточивается“, а это, говорит Павлов, „является задачей исключительно пространственного мышления“; вот почему, по его словам, „позиция психологии“, как науки о наших субъективных состояниях *представляется безнадежной*“.

На почве такого резкого столкновения с психологией перед физиологией, естественно, стала определенная задача: „выйти на совершенно самостоятельный, от психологии независимый путь“, самой „отыскать основные механизмы высшей нервной деятельности животных и их постепенно систематизировать“.

И Павлов решительно стал на этот путь, раз навсегда освободившись от „крайне вредной“ для интересов действительно научного изучения *зависимости от психологии*.

Более того, применяя к своему материалу „исключительно только объективное мышление“ и пробуя только „изредка—для сравнения“ „субъективные“ соображения, Павлов нашел, что „психологическое толкование сделалось для него „поистине насилием или, как еще резче подчеркивается им, „обидой серьезного мышления!“

Так павловская физиологическая школа окончательно пришла к строго объективному, пространственному изучению высшей нервной деятельности организма, установив для всего разнообразия органического реагирования особую единицу измерения—рефлекс. Благодаря этой точной единице павловская школа быстро получила **неистощимый**

материал, получила огромную власть над нервными явлениями и, главное, „оторвала от таинственной до тех пор области жизни колоссальную часть“ для того, чтобы сделать ее предметом самого точного изучения.

Ближайшая задача новой физиологии „собрать, систематизировать и анализировать представляющийся бесконечный объективный материал.“

„Но уже и сейчас,“ говорит Павлов, „ясно, что это будущее физиологическое достояние составит в значительной степени истинное решение тех мучительных задач, которые испокон века занимают и терзают человеческое существо. Неисчислимы выгоды и чрезвычайное могущество над собой получит человек, когда естественный оппытатель другого человека подвергает такому же внешнему анализу, как должен он это сделать со всяким объектом природы, когда человеческий ум посмотрит на себя не изнутри, а снаружи“.

В связи с этим неизбежно возникают вопросы: Как должно это отразиться на психологии? Не ликвидируется ли психология вообще?

Павловская школа, не останавливаясь на этом теоретически, дает вместе с тем самое ичерпывающее практическое разрешение этих вопросов.

Игнорируя в своих исследованиях „воображаемый“ „непротяженный“ мир („мы постарались прежде всего, — говорит Павлов, — строго дисциплинировать наш прием думания и нашу речь в том отношении, чтобы совершенно не касаться воображаемого душевного состояния животного“), Павлов резко отмежевывается от разных форм психологического думания, неизменно оставаясь в строгих рамках „физиологического“, „пространственного мышления“.

При этом, Павлов не считает такое игнорирование „непротяженного“ в

какой-либо мере сужением рамок своего исследования. Павлов не оставляет ни одной стороны в деятельности организма неисследованной. Павлов целиком и полностью захватывает все события в реагировании организма, и было бы грубой ошибкой считать работу павловской школы, как специальное, особое исследование одной только физиологической „стороны“ деятельности организма с оставлением какой-то еще другой „психологической стороны“ не исследованной.

Напротив, Павлов свои работы оценивает, как „естественно-научное изучение так называемой душевной деятельности высших животных“.

„Физиология, — говорит Павлов, — как часть естествознания, изучающая животный организм, еще недавно не имела дела со всею полнотою жизненной деятельности организма, отказываясь, отстраняя от себя в особую область знания, в психологию, сложнейшие проявления этой деятельности.“

В настоящее время с утверждением прав объективного метода исследования на всем протяжении, так сказать, животной жизни перед физиологом стоит, наконец, *вся без остатка* (курс. наш—С. Б.) деятельность животного организма и каждый момент этой деятельности является перед его глазами закономерной реакцией на бесчисленные и постоянно движущиеся явления окружающего его внешнего мира“.

И далее в другом месте: „предпринятое с объективным методом изучение всех без исключения влияний внешнего мира на животный организм, как бы они летучи и мелки ни были, постепенно захватывает и захватит, в конце концов, *всю сполна* (курс. наш) деятельность организма.“

Таким образом, „всю без остатка“, „всю сполна“ деятельность организма изучает Павлов.

Павлов упорно подчеркивает, что те бесконечно сложные реакции высшего животного на бесчисленные и вечно движущиеся влияния окружающего мира, которые обычно фигурируют под именем „психической деятельности“, являются в сущности, при всей своей на первый взгляд хаотичности, ничем иным, как сложными целями рефлексов, т-е. тоже „закономерными ответами“ (курсив автора) организма на внешний мир, только определяемыми в их существовании огромным количеством условий“, почему они и получили название „условных“ рефлексов.

Для Павлова, как для „последовательного натуралиста“, в высших животных существует только одно: „та или другая высшая реакция животного на явления внешнего мира“.

„Пусть эта реакция чрезвычайно сложна по сравнению с реакцией низшего животного и бесконечно сложна по сравнению с реакцией любого мертвого предмета, но суть дела остается все той же“.

Отсюда, естественно: „когда натуралист ставит себе задачей полный анализ деятельности высших животных, он, *не изменяя принципу естествознания*, не может, *не имеет права говорить о психической деятельности* этих животных“.

Таким образом, если раньше изучение высшей нервной деятельности животных организмов, благодаря особым историческим условиям сделалось под именем учения о „сознании“, о „душе“ и проч. достоянием особой науки „психологии“, то теперь Павлов с „полным правом“ делает эту область предметом строго физиологического, пространственного изучения.

Так практически разрешает Павлов вопрос о „психологии“, о так

называемой „душевной деятельности“.

Необходимо при этом подчеркнуть, что, исчерпывающе разрешая проблему психологии на практике, на деле, Павлов, вместе с тем, доводит свое исследование только до определенной грани, где средства специального лабораторного исследования уже исчерпываются, оказываются недостаточными и где требуется особый анализ—исторически классовый; естественно, такой анализ проблемы психологии выходит из рамок задач и возможностей Павлова.

Павловское учение об условных рефлексах, производящее огромный переворот в веками до этого установившейся системе изучения, так называемой, „душевной“ деятельности, должно было, естественно, вызвать самое решительное противодействие со стороны буржуазных ученых.

И Павлов особо останавливается на этом, подчеркивая в своих выступлениях, что „прикосновение истинно последовательного естествознания к последней грани жизни не обойдется без крупных недоразумений и противодействия со стороны тех, которые издавна и привычно эту область явлений природы обсуждали с другой точки зрения и только эту точку зрения признавали единственно законной в данном случае“.

Павловское учение, исключительное по своему революционному значению, не может, конечно, пройти бесследно для революционной теории марксизма.

„Скажем составляющим эпоху открытием в области естествознания,—говорит Ф. Энгельс,—материализм неизбежно должен изменять свою форму“.

И павловское учение об условных рефлексах совершенно по-особому, по-новому рассматривающее вопрос о „сознании“ и проч., должно будет в первую очередь внести

серьезные изменения в постановке одного из основных вопросов марксистской теории, вопроса о „бытии и сознании“, о „материальном и духовном“.

Учение об условных рефлексах, перенесенное на марксистскую почву, должно стать одним из величайших оружий в борьбе революционного пролетариата с буржуазной идеологией.

Близкое, внимательное изучение работ павловской школы является очередной насущной задачей нашего студенчества и, в особенности, студенчества пролетарского.

С. Б.

ЭДДИНГТОН.

ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ТЯГОТЕНИЕ

Перевод с примечаниями проф. Ю. Г. Рабиновича (стр. 216+VIII). 1923 г. Одесса. „Mathesis“.

Несмотря на большое богатство популярно-научной литературы по теории относительности, книга Эддингтона имеет право рассчитывать на внимание читателя. И в ней, конечно, подобно многим другим подобным работам, рассказывается много необыкновенного, фантастического. Такова уже современная наука, что „чудеса (выражаясь словами автора), которые трудно представить даже в сказке, можно встретить в серьезной научной книге“.

А книжка Эддингтона—действительно серьезное популярно-научное сочинение. Она содержит связное, глубоко-продуманное и, я сказал бы, смелое изложение теории, смелое в том смысле, что в ней подробно изложены такие отделы, о которых другие авторы не решались даже упомянуть. Говоря словами переводчика, Эддингтон пытается преодолеть трудности, а не обходит их. Начинается книжка

очень интересной вводной главой о сущности геометрии, изложенной в форме разговора между релятивистом (сторонником теории относительности), физиком и математиком.

Побеждает точка зрения релятивиста: геометрия есть отдел физики. Она учит нас свойствам не отвлеченного пространства, а наших неизменяемых масштабов. *Может случиться, что в каком-нибудь месте вселенной, в других физических условиях, наши твердые тела будут вести себя иначе, и там будет справедлива геометрия, отличная от Евклидовой-Римановой.*

На такой „натуральной“ геометрии мира четырех измерений и основывается все учение относительности.

В дальнейшем читатель совершает продолжительную прогулку по довольно фантастическому миру Миньковского и Эйнштейна, в котором наших добрых знакомых—*массу, длину и время*, заменяют *кривизна и интервалы*.

Лишь при описании главных опытов, проверяющих новую теорию, читатель возвращается в более привычную для себя обстановку. Взвешиванию света—наблюдению над отклонением луча света в гравитационном поле солнца—посвящена целая глава. Сам автор, участник экспедиции, наблюдавшей в 1919 году на Принцевых островах солнечное затмение, очень живо рассказывает о своих впечатлениях. Хотя „слова Меркурия грубы после песен Аполлона“, автор не забывает изложить знаменитую работу Эйнштейна над вычислением орбиты Меркурия, а затем более подробно останавливается на 3-м решающем опыте—*смещении спектральных линий*, выясняет возникшие затруднения и указывает возможные из них выходы.

Последние главы посвящены изложению геометрии Вейля, объединившей электричество и гравитацию, а также собственным воззрениям автора на природу вещей.

Эддингтона можно охарактеризовать как последовательного реалиста. Он не может согласиться с Махом, что наука есть только экономное описание мира наших восприятий. Наука—это и есть действительный мир. И если он нам и представляется сильно искаженным, то виноваты наши органы чувств, эти несовершенные измерительные приборы. Устранить роль отдельного наблюдателя, дать картину мира с самой общей точки зрения—вот в чем заключается прогресс науки.

В целом, книга Эддингтона—хорошо продуманное сочинение, написанное красиво и даже художественно. Много рассказано притчами, блестящими сравнениями. Очень удачно подобраны эпиграфы к главам. Издана книга очень опрятно—издательством Mathesis в блестящем переводе проф. Ю. Г. Рабиновича.

При всем этом работа Эддингтона требует от читателя значительных умственных усилий, но если ему удастся добраться до конца, то он будет с лихвой вознагражден за потраченный труд.

Н. Ф.

Э. РЕЗЕРФОРД.

„Современные проблемы естествознания“ № 3. **Строение атома и искусственное разложение элементов.** Государственное издательство, Москва—Петроград, 1923 г. 177 стр.

Ц. 1 р. 25 к.

Рецензируемая книга представляет собой перевод работ и статей Rutherford'a и его школы по вопросу о строении атома за последние 10 лет, начиная с первых экспериментальных исследований, по-

ложивших начало нашим современным воззрениям на атомы. Всего около 150 стр., но в них мы находим главные вехи того пути, который привел нас от более или менее произвольных гипотез и почти полного неведения к сознательному точному опыту и осторожному, но неуклонному проникновению в самые тайники природы. Прошло не много более 10 лет с тех пор, как добыты были первые факты о рассеянии α -частиц при прохождении через вещество,—факты сами по себе, казалось бы, не имеющие принципиального первостепенного значения, но поразившие Rutherford'a (по его собственным словам) так же, как „пули, которые резлетались бы в стороны от картонного круга“. Из этих опытов возникла первая идея ядерной теории строения атома, т. е. первое представление об атомном ядре, и перед исследователем стала задача его изучения; самый вопрос о строении атома уже распался как бы на две задачи: изучение внешних слоев атома—колец электронов, подвластных внешним воздействиям, и изучение сердца атома—его ядра, не поддающегося, по видимому, посторонним силам.

Вместе с этим, как бы передвинулся предел конкретного наблюдения и сознательного опыта, с поверхности самого атома он перешел на поверхность ядра, формулировав точно старую мечту о превращении элементов, как задачу искусственного воздействия на атомное ядро. Если исследование строения атомов шло в самых разнообразных направлениях в многочисленных лабораториях, то все-таки главные пункты были большей частью намечены или даже разработаны школой Rutherford'a. И особенной заслугой Rutherford'a является экспериментальный подход к внутреннему строению атомного ядра и осуществление его искусственного распада (по крайней мере для лег-

ких атомов) путем бомбардировки α -частицами. Быстрота достижения Rutherford'ом конкретно формулированной им самой цели, к которой наука ощутимо стремилась бесплодно целые столетия, поистине изумительна.

В краткой рецензии нет возможности подробно касаться отдельных работ Rutherford'a и их увлекательного осуществления задачи путем точного опыта. Но необходимо сказать, что в рецензируемой книге эти работы подобраны в высшей степени удачно и дают полное и ясное представление о ходе научной мысли Rutherford'a до самого последнего времени. Пускай еще не все точно выяснено и установлено, но имеющийся материал настолько интересен, важен и обширен, что уже надо иметь возможность оглянуться на достигнутое.

Избранные редактором статьи начинаются с обзора вопроса о рассеянии α -частиц, заимствованного из руководства Rutherford'a по радиоактивным веществам. Этот обзор здесь очень уместен, так как намечает первый стимул дальнейших работ. Далее следуют: первая статья о строении атома и работы над столкновением α -частиц с легкими атомами, на которых доказана сначала возможность сообщить скорость ядру водородного атома (=положительному электрону), а потом и вышибить его из более сложных атомов (первоначально азота, а впоследствии также бора, фтора, натрия, алюминия и фосфора). В последних работах Rutherford'a и Chadwick'a приводятся в высшей степени интересные данные относительно расщепления некоторых атомов, особенно алюминия, указывающие на вероятность не только, так сказать, механического вышибания водородных ядер из ядер более сложных путем воздействия летящей α -частицы, но также и на возможность глубокого распада или взрыва пораженного α -частицей

ядра с разбрасыванием в виде осколков водородных ядер во всех направлениях, даже и в обратном по отношению к полету активной α -частицы. Опытный материал дает уже возможность Rutherford'у строить первые гипотезы о внутреннем строении ядра, что он и делает в посвященных этому вопросу лекциях и статьях, также входящих в состав разбираемой книги. Русское издание сопровождается очень ценными примечаниями и дополнениями редактора. Появление рецензируемой книги надо приветствовать особенно горячо, потому что, как на это указывает редактор в своем предисловии, оригинальная иностранная литература остается для большинства русских читателей недоступной, а между тем, с такими классическими работами, как работы Rutherford'a, желательно знакомиться без посредства компилятора.

Н. Ш.

П. И. ЛУКИРСКИЙ.

ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕОРИИ.

С 52 рисунками. Петроград. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1923 г. 177 стр. Ц. 1 р. 50 к.

За последние годы, как в России, так особенно за границей, было издано очень много специальных и популярных книг по вопросу о строении атома. Это вполне понятно, так как мы переживаем время, когда строятся наши новые понятия об атоме и разрабатываются задачи, которые еще так недавно казались нам недостаточными.

Каждый новый серьезный труд, хотя бы и компилятивного характера, вносит свою точку зрения и характеризует некоторый этап в развитии научной мысли. Это с полным правом можно сказать и о книге П. И. Лукирского, тем более, что она заполняет некоторый пробел в русской литературе вопроса.

Большинство—особенно популярных—изложений, главное внимание уделяют строению самого атома и свойствам этой сложной для нас теперь системы, об основном же кирпиче при построении материи—об электроне говорится обыкновенно сравнительно мало и конспективно, так как вопрос этот уже в значительной степени потерял интерес последней новизны. Однако, точное представление о нем необходимо иметь каждому, кто не хочет довольствоваться грубыми внешними моделями и качественными описаниями. Книга Лукирского ставит своей задачей именно изложение наиболее существенных данных об электроне как таковом, и описание основных методов и исследований, приведших к познанию количественной характеристики электрона. Книгу Лукирского нельзя назвать общедоступно-популярной: она требует знакомства с математикой, однако математика введена настолько в необходимой дозе и настолько связана с общим изложением, что даже читатель, для которого она оказалась бы трудна, легко может следить за ходом мысли, усвоить наиболее существенное и лишней раз убедиться в могуществе математической обработки опытных данных и необходимости владеть математическим методом для точного знания. С этой точки зрения книга Лукирского имеет также большое педагогическое значение. Книга распадается на 5 глав; небольшое введение дает краткий исторический обзор вопросов, исследование которых привело к современному взгляду на электромагнитные явления и к установлению самого понятия об электроне.

В первой главе дается количественная характеристика и отождествляются электроны, возникающие при различных условиях (электроны растворов, ионы в газах, радиоактивные излучения и проч.). Затем следуют главы, посвященные карди-

нальным опытам и теории движения электронов в электрическом и магнитном ионе, методам определения массы электронов, изложению теории проводимости металлов; при этом, описаны чрезвычайно интересные опыты Kemmerlingh Onnes'a над проводимостью металлов при температурах, близких к абсолютному нулю, когда резким скачком практически исчезает электрическое сопротивление металлов, как будто сразу возникают тучи свободных электронов, до тех пор связанных в виде атомов. Последняя глава посвящена описанию испускания электронов при высоких температурах и явлений, с ним связанных. Из этого краткого перечня ясно видно, что автор остается все время на почве проверенного опыта и точной его обработки.

Внешность книги более, чем удовлетворительна и она выгодно отличается малым числом корректурных недосмотров.

Н. Ш.

Генерал А. И. ДЕНИКИН.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СМУТЫ.

Спор, поставленный в порядок дня истории в октябре месяце 1917 года, давно уже решен в пользу рабочих и крестьян. Сошли с политической арены вожди и консулы противостоявшей революции белогвардейской „России“. Сошли и предались „историческим трудам“.

Вспоминает, пытаясь осмыслить прошедшее, и Деникин.

Вышедшие в Париже два тома его „Истории русской смуты“ охватывают период времени, начиная с первых дней мартовской революции 1917 года, кончая смертью Корнилова под Екатеринодаром и своим вступлением на пост главнокомандующего добровольческой армии.

Воспоминания Деникина являются чрезвычайно ценным докумен-

том во многих отношениях. Наиболее интересны те страницы воспоминаний, которые характеризуют временное правительство, деятельность и обще-политическую физиономию Керенского. Деникин рассказывает о том, как „социалист“ Керенский пытался накануне выступления Корнилова сыграть роль русского Кавеньяка. Здесь мы находим прекрасную характеристику высшего офицерства старой армии, в особенности генерала Крымова, который задолго до корниловского мятежа не создавал себе никаких „иллюзий“ относительно какой-либо политической дееспособности временного правительства и деятельно готовился к контр-революционному государственному перевороту.

Чрезвычайно любопытно то место, где Деникин рассказывает о том, как Керенский в октябрьские дни, покинутый всеми, явился на Дон к генералу Каледину, но... нашел „двери закрытыми“.

Второй том, распадающийся на две части, рисует картину быховского сидения сановных мятежников, их бегства на Дон, их связи с Московским „обществом“ и, наконец, историю борьбы Корнилова на Дону и Кубани—с революционными рабочими крестьянами и солдатами.

Из этой области воспоминаний следует упомянуть красочное описание постоянных столкновений между генералами Алексеевым и Корниловым, зверских расправ с пленными красными солдатами и красногвардейцами и—прекрасную фотографию политических настроений добровольческой армии. Достаточно сказать, что одни только разговоры о „народо-власти“, об учредительном собрании вызывали среди добровольцев глухой ропот, настолько серьезный, что с ним приходилось считаться Корнилову и Деникину.

Наиболее драматические страницы воспоминаний Деникина посвящены взаимоотношениям между

добровольческой армией и германскими войсками. Здесь, все время пытаюсь оправдаться в измене идеалу защиты России, Деникин рассказывает о том, как отряд полковника Дроздовского под Ростовом и Батайском помогал немцам разбивать красные советские части.

Трудно перечислить все рассказанные Деникиным факты, несомненно имеющие громадную историческую ценность,—слишком большой период времени захватывает его рассказ.

Поэтому, ограничившись только немногими мазками, оттеняющими исключительно интересные моменты воспоминаний Деникина, можно перейти к характеристике самого Деникина, каким он выявляется в своих воспоминаниях.

Читая историю русской смуты, чувствуется, что автор этих книг—способный и по-своему умный человек, органически ненавидит революцию и по-собачьи предан казарменному порядку.

Читая эту книгу, как бы физически ощущается сам Деникин—способный и образованный вахмистр, в политике не идущий дальше либеральных мечтаний, на практике—сторонник виселицы и нагайки, скрепляющий свои умирительные операции размышлениями на темы, взятые из „священного писания“ и—после расстрелов—идущий отдыхать „душой“ в церковь.

Мы уверены, что, читая эти воспоминания, знакомясь, так сказать, с кровавыми архивами контр-революции, каждый честный гражданин Сов. России, даже и не коммунист, живо почувствует, от каких величайших бедствий спас Россию союз рабочих и крестьян, мощным ударом октябрьского кулака размогивший голову смертельно раненым, но еще не сдававшимся темным силам реакции.

А. Романский.

МОРИС ПАЛЕОЛОГ.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ.

„Император“ в начале войны по-клялся над иконой Казанской божьей матери вести войну с Германией до полного поражения „германского милитаризма“. Будучи свидетелем этой трогательной сцены, Морис Палеолог с первых же дней войны сделал все, что было в его силах, чтобы заставить русское командование беспрекословно атаковать германские войска, имея своим направлением дорогу на Берлин. Палеолог требует, как властный кредитор, наступления русских войск.

Находясь под обаянием учтивого посла и воздействием представителя парижской биржи, Николай II действительно все время „атаковал“ немцев. В результате — ряд поражений, сотни и сотни тысяч убитых, раненых и пленных. Вместо того, чтобы идти на Париж, русские войска стали приближаться к Петрограду.

Морис Палеолог — тонкий наблюдатель и глубоко чувствующий гуманист. Так, например, возвращаясь из очередной поездки к Николаю II зимой, наблюдая холодную и сумрачную петербургскую природу, Палеолог „вспоминает“ о тех миллионах людей, которые в это время мерзли в далеких холодных траншеях.

Франция вступила в войну, руководясь исключительно только благородным побуждением помочь своей союзнице России. Поэтому Россия должна победить во что бы то ни стало.

Но эта победа зависит от придворной камарильи. Ведь „император“ так неустойчив... Палеолог внимательно следит за изменяющимися настроениями Николая II. Он встречается и убеждает в необходимости довести войну до победного конца Распутина, ведь он так близок императору.

Русские все отступают. Палеолог, размышляя о тех средствах, которые могли бы помочь русским войскам обрести былую боеспособность, а русскому крестьянину — все утраченные им с начала войны свойства „славянской души“, вспоминает о водке.

Славянская душа русского народа нуждается в возбуждительном средстве.

Палеолог встречается со всеми политическими деятелями того времени: с графиней Х., князем В., с фабрикантами, заводчиками, либералами, черносотенцами и т. д. Он внимательно изучает все оттенки и изгибы „славянской души“ русского „народа“. На этом изучении он строит свой политический горизонт о том, продержится ли Россия до окончания войны или же революция вспыхнет во время войны.

Палеолог — республиканец. Но его подавляет и ему импонирует неограниченная мощь русского „императора“, роскошь его дворцов и поэзия бесчисленных служб, на которых ему приходится присутствовать, как союзному послу при особе русского царя.

Царь, царица, Николай Николаевич богомольны. В вагоне у Николая Николаевича до 200 икон. Палеолог — скептик, но религиозный экстаз и набожность русских царей трогают его до самой глубины его души.

Палеолог — „революционер“: так он себя называет.

Но, если России суждена революция, то пусть она будет после войны. Победоносное окончание войны мыслимо только при сохранении всей мощи русского самодержавия, при котором „император“ является олицетворением всей нации в ее устремлении к победе.

Таков Палеолог. Такова Франция банкиров и рантье — союзница русских императоров.

Лишний штрих для характеристики царской России. Анатолийн.

Генерал ЛУКОМСКИЙ.

ВОСПОМИНАНИЯ.

Два тома воспоминаний Лукомского по существу являются дополнением к воспоминаниям Деникина.

Поскольку Деникин пытался осмыслить свое неудачное прошлое, исходя из общих социологических соображений, постольку Лукомский „осмысливает“ это прошлое как генерал, занимавшийся, главным образом, вопросами снабжения армии. Поэтому, ничего интересного для читателя в этом отношении воспоминания Лукомского не содержат. Воспоминания Лукомского скорее являются хорошо составленной докладной запиской, чем „мемуарами“.

Наиболее интересна та часть его воспоминаний (2-й том), которая посвящена истории взаимоотношений между добровольческой армией, ее командованием и „союзниками“.

История взаимоотношений Деникина и союзников—история сплошного третирования хозяином своего неудачливого приказчика.

Оставление Одессы французами в 1919 году, третирование Деникина в тот момент, когда он пытался перенести базу добровольческой армии в Крым, вся стратегия союзников, рассчитанная не столько на помощь добровольческой армии, сколько на явный, ничем не замаскированный захват русских земель,—такова история „взаимоотношений“ Деникина с Францией и Англией.

Мы полагаем, что не приходится догадываться на счет того, что в случае успеха Деникина, Россия стала бы для союзников африканской колонией первого разряда.

К этому выводу приводит чтение воспоминаний Лукомского, и в этом их ценность.

А. Романский.

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ.

Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Книга 2-я. Февраль—март 1923 г. Госуд. Издат. Москва.

„Печать и революция“—журнал с вполне установившейся репутацией серьезного библиографического органа. Журнал, которого не знала дореволюционная Россия. И если сравнить последнюю книгу со всеми прочими, то видно, что журнал все более совершенствуется и отделяется от замечавшейся в первых его номерах случайности в выборе материала. Что особенно надо отметить, так это отсутствие педантизма, отсутствие сухости, которая обычно отталкивает широкого читателя от специально библиографических органов. Почти все статьи настоящего номера „Печать и Революция“ с удовольствием прочтутся самыми разнообразными кругами, всеми теми, кто любит книгу.

М. Н. Покровский и Вяч. Полонский знакомят нас с эмигрантской литературой. М. Н. Покровский отмечает ряд „нескромностей“ во втором томе „Очерков русской смуты“ генерала Деникина, нескромностей, прекрасно характеризующих настроенные „добровольческой“ армии, подтверждающих факт корниловского заговора против Керенского и т. д.

Вяч. Полонский разбирает „Записки о Революции“, бывшего народника-толстовца Ивана Наживина, который в годы „смуты“ искал убежища и в добрармии, и у доблестных союзников и в конце концов пришел к мысли, что „старый порядок сгнил до корня, рухнул и придавил собою миллионы людей. И восстанавливать эту гниль—значит бить самого себя обухом по голове“. Положение эмиграции он не плохо определил: „Среди потухших маяков“. Но сде-

лать последний вывод, что маяк один—РСФСР, он еще боится.

От Наживина один шаг к сменовеховцам. И естественно поэтому, что за обзором эмигрантской литературы следует статья Мих. Павловича о Ключникове: „Профессор идеалист на великом перепутье“. Разделяется с идеалистическими упражнениями проф. Ключникова Мих. Павловича очень жестоко.

Несколько академичны статьи Гр. Ваммеля об идеалистической философии Запада и Переверзева о социальном генезисе творчества Гончарова. Последняя статья вообще не нужна современному критико-библиографическому журналу. Никаких новых изысканий или даже оригинального подхода к творчеству Гончарова Переверзев не дает, и помещение его статьи в журнале ничем не оправдано.

В противоположность этому, статья Валерия Брюсова о звукописи Пушкина представляет собой совершенно самостоятельное исследование, и с интересом прочтется всеми любителями поэзии.

Статья Елены Данько о графике Чехонина хороша не столько текстом, сколько прекрасно исполненными иллюстрациями. Статья К. Скерского „Красная армия в освещении иностранной печати“ носит юбилейный характер, но совершенно не соответствует серьезности темы, ибо автор ограничился шаблонным разбором двух-трех статей о Красной армии, между тем, как о последней за границей имеется уже целая литература.

Обзор литературы по истории пролетарской революции в России, написанный С. Пионтковским, суховат, но обстоятелен. Беглый, но очень интересный и мастерски написанный обзор современной английской литературы дал Мих. Левидов. Итог ее невеселый. Девяносто девять процентов английской литературы—это просто материал для чтения, „чтиво“—по выражению

Мих. Левидова. Буржуазия переживает собачью старость, и духовный быт ее разваливается,—вот вывод, к которому приходит обозреватель.

Отзывы о книгах написаны, в большинстве случаев, специалистами, и самый подбор книг, о которых даны отзывы, сделан хорошо. Но есть и пробелы. Плохо представлено рабочее движение и совсем отсутствуют отзывы о литературе по вопросам труда. Наконец, нет обзора журналов (одна небольшая заметка не в счет), и это большой пробел.

Но за всем этим журнал хороший, уже успевший завоевать себе прочное место в нашей периодической литературе. Во всех студенческих библиотеках и читальнях наличие его необходимо.

С. Г.

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД.

Журнал литературы, науки и искусства. Книги 1—2. Изд. „Всемирная литература“. Петроград.

Инициатива издательства „Всемирная литература“, наряду с изданием отдельных выдающихся произведений мировой литературы приступить к выпуску специального журнала, знакомящего русских читателей с последними достижениями западной литературы, науки и искусства, — представляется очень удачной, особенно в настоящее время, когда годы блокады породили известный провал в нашем знакомстве с Западом. Даже в настоящее время трудность непосредственных сношений и дороговизна валюты делает иностранную литературу почти недоступной для русского читателя.

„Современный Запад“ заполняет этот пробел. В двух выпущенных номерах журнала мы находим очень удачный и разнообразный подбор образцов западной литературы.

Отражены все крупные течения. Французская литература представлена Мартино и Дюамелем, двумя писателями, талант которых развернулся после войны и составляющими сейчас с Барбюссом, Жувом и другими левое—как в политическом, так и в художественном отношении крыло французской литературы. Наряду с ними, мы находим в журнале унанимиста Жюль Романа, поэта всепоглощающего города современности, и Поль Клоделя, главу модернистского католического направления.

Впервые русская публика знакомится с крупнейшим американским писателем О. Генри, роман которого „Короли и капуста“ в переводе К. Чуковского читается с захватывающим интересом. Роман этот, в котором, кстати сказать, нет ни слова о королях, ни о капусте, изображает быт Южной Америки, в которой автору пришлось скрываться от вздорного обвинения в мошенничестве. Как и другим американским писателям, Уотту Уитману и Джеку Лондону, О. Генри пришлось не мало побродяжничать, пока его признали мировой знаменитостью.

Немецкая литература представлена экспрессионистами Г. Мейринком и Казимиром Эдшмидтом (характеристику этого течения читатель найдет в журнале в статьях Радлова—„Современное искусство во Франции и Германии“ и Гвоздева—„Экспрессионизм в немецкой драме“) и рассказом Мюнцера—„Тереза Фавар“.

Если прибавить к этому перечню последние манифесты футуристамаринети (одна часть его большой драматической пенталогии—„Назад к Мафусаилу“), то видно, что западно-европейская литература представлена очень богато. Интересна основная мысль пьесы Шоу: сознательное применение естественного отбора даст возможность человеку победить смерть и дожить до Мафусаиловых

лет. Несмотря на обилие социологических рассуждений, пьеса очень интересна и шла в Америке с большим успехом.

Статьи Луначарского, Радлова, Мирского, Гвоздева и др. представляют собою ряд обзоров современной иностранной литературы. Течения философской мысли отражены слабо. Интересна для характеристики современной Германии статья Шпенглера—„Пруссизм и социализм“. Имеются две статьи о музыке: А. Лурье о французской музыке и Е. Браудо о немецкой музыке.

Но главное достоинство журнала это прекрасно поставленный отдел библиографии, и хроники литературы, театра, живописи и скульптуры, науки и техники и т. д. В общем, журнал несомненно представляет собою вклад в наше знакомство с западом, и учащаяся молодежь, пылливо вглядывающаяся в бытие современной жизни, даст несомненно, большое число читателей этого журнала.

С. Г.

„КРАСНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПРОФСОЮЗОВ“.

Орган Исполнительного Бюро Профинтерна. №№ 1 (24), 2 (25), 3 (26) за январь, февраль и март 1923 г.

Журнал „Красный Интернационал Профсоюзов“ является официальным органом Красного Профинтерна и выходит ежемесячно на русском, немецком, французском и английском языках.

Как известно, в данный период революционная деятельность Профинтерна отличается особой сложностью. Ему приходится вести борьбу одновременно на нескольких фронтах: против железной пяты мирового капитала во всех его видах и формах, против правого реформистского крыла внутри рабочего

класса и, наконец, против мнимолевого крыла в лице синдикалистов самых различных толков и направлений.

В значительной мере, в соответствии с этим, и определяется основное содержание журнала.

Журнал распадается на несколько постоянных отделов. В общем отделе по преимуществу расположены статьи идейно-политического характера, представляющие собою „тяжелую артиллерию“ идейной борьбы журнала. Так, в январьской и февральской книжках читатель найдет в этом отделе статьи т. Лозовского „Амстердамский Интернационал и борьба против войны“ и „Лозанна, Рур и Амстердам“, вскрывающие всю подоплеку современной политики капиталистических государств и полную несостоятельность Амстердамского Об'единения Профессиональных Союзов не только к борьбе за улучшение интересов рабочего класса, но и к элементарной борьбе за сохранение существующего положения, за самое право рабочего класса на жизнь и на мир.

Также находит на страницах журнала свою оценку последний наиболее яркий этап в жизни революционных рабочих организаций— „Международная Рабочая Конференция во Франкфурте“.

В этом же отделе можно найти и статьи членов Исполнительного Бюро Профинтерна т. Нина—о международном анархо-синдикализме, т. Трессо—о фашизме и рабочем движении в Италии, Эндреле—о фашистской опасности в Германии, о борьбе за рабочий день в Германии, об оккупации Рура и амстердамцах. Что придает особенную ценность всем этим статьям,—это то, что наряду с изложением общей картины положения, читатель находит в них революционно-классовый анализ происходящего, который лучше всяких теоретических рассуждений разъясняет ему на жи-

вых примерах обостренной классово-вой борьбы всю неустойчивость, нерешительность и бесполезное топтание на месте реформистов, удерживающих еще до сего времени влияние на громадные массы рабочего класса, а также общее бессилие синдикалистов, бесплодно растачивающих революционную энергию.

Чрезвычайно содержательны также помещенные в февральской и мартовской книжках журнала очерки С. Мстиславского о Рурской оккупации и рабочей стратегии, дающие картину общей мировой экономической кон'юнктуры, как она сложилась после Версальского мира и вскрывающие экономическое содержание Рурской оккупации, а также (второй очерк), освещающие тактику рабочих организаций в связи с оккупацией.

Большой интерес представляют очерки современного американского рабочего движения т. Эшли, статья К. Мак-Кея о рабочих неграх все-верной Америке.

В отделе из „Международного рабочего движения“ читатель найдет единственную в своем роде по богатству и разносторонности информации о жизни рабочего класса в различных странах. Здесь можно найти обозрения рабочего движения во всех не только европейских странах, но и южно-американских, Японии, Индонезии, Австралии и др. Журнал внимательно следит за рабочим движением во всех странах земного шара и выводит читателя далеко за пределы каких-либо национальных интересов, при чем во всех как статьях, так и обозрениях, как самый подход, так и оценки отдельных моментов носят выдержанно классовый характер.

Помимо статейного материала, в январьской книжке имеются еще отчеты рабочих организаций из различных стран ко II-му Конгрессу Профинтерна, а в февральской и мартовской—отдел экономического

обозрения, в котором даются очерки экономической борьбы за 1922 год германского, венгерского, английского, шведского и польского рабочего класса.

В отделе международных объединений по производствам помещены обзоры деятельности революционных Международных Комитетов Пропаганды, объединяющих по отдельным основным отраслям производства революционные рабочие союзы и ведущих революционную борьбу среди рабочих соответствующих производств.

Деятельность Исполнительного Бюро Профинтерна освещается официальным отделом, в котором публикуются обращения, воззвания и т. п. официальные документы, касающиеся всех важнейших моментов жизни международного рабочего класса и представляющие совершенно необходимый материал для каждого наблюдателя, как революционной борьбы против мирового капитала, так и борьбы революционных элементов рабочего движения за полное торжество своих идей в рядах рабочего класса.

Этими отделами однако не исчерпывается содержание журнала. В нем еще имеется прекрасно поставленный библиографический отдел, где дается обозрение новейшей литературы всех стран по вопросам, связанным с рабочим движением, его организациями, его историей, социально-экономической жизни, идейной борьбой внутри рабочего класса, по рабочему законодательству и др.

Хотя западно-европейская литература по рабочему движению и весьма обширна, однако богатое содержание журнала делает его исключительно литературным явлением даже в этих странах.

Для наблюдающего же грандиозную мировую борьбу за социальную революцию русского революционного читателя и, в особенности, для вырастающей в рабочей Республике новой передовой ква-

лифицированной пролетарской интеллигенции в лице пролетарского студенчества этот журнал должен необходимо стать одной из его настольных книг.

М. Ш-ий.

Современные проблемы естествознания. № 2. **ОМОЛОЖЕНИЕ.** Сборник статей под редакцией проф. Н. К. Кольцова. Госуд. Издательство. Москва—Петроград. 1923 г. 236 стр. 29 таблиц.

Выход в свет настоящей книги надо считать очень своевременным. Интерес к вопросу о продлении личной жизни, заглохший несколько со времен Броун Секара, опять вырос в 1920—1921 годах в связи с нашумевшей работой Штейнаха.

В ряде стран Западной Европы велись исследования физиологии старости в связи с так называемой внутренней секрецией половых желез, и разноречивые выводы, к которым приходили их авторы, только подтверждают, что проблема эта очень сложна и далеко еще не может считаться решенной.

И. И. Мечников, мнению которого тоже отведено место на страницах сборника, подходил к вопросу о старости с совершенно другой точки зрения. Он полагал, что старческое перерождение органов, особенно кровеносной и нервной системы, зависит от поедания блуждающими клетками благородных элементов организма. Другой причиной старости, по мнению Мечникова, является хроническое самоотравление организма продуктами гниения пищевых остатков в толстой кишке под влиянием микроорганизмов. Дезинфекция кишечника, а, может быть, и удаление толстой кишки оперативным путем устранили бы эти явления аутоинтоксикации.

Последние годы серьезное внимание физиологов и патологов привлекает система желез внутренней

секреции. Вещества, отделяемые этими железами в кровь—гормоны, являются координирующим началом в жизни организма, параллельно с нервной системой; они обезвреживают ряд ядовитых веществ, накапливающихся в организме, стимулируют рост и развитие, способствуют появлению ряда признаков организма и т. д. Исключительный интерес в этом смысле представляют половые железы, семенники и яичники. Еще Броун Секар полагал, что семенник, кроме спермы, вырабатывает некоторые вещества, которые, поступая в кровь, поддерживают нормальный жизненный тонус (напряжение тканей, интенсивность функций). В настоящее время основная идея Броун Секара вошла в плоть и кровь представлений о деятельности половой железы. Оказалось, что кроме чисто-физиологического действия, подобно секрету прочих желез с внутренней секрецией, половой гормон обладает формообразующей (морфогенной) функцией. При его участии развивается ряд признаков организма, обозначавшихся прежде термином „вторичных половых признаков“—петуший гребень, рога оленя, борода мужчины и т. д. Удалось установить определенные закономерности, управляющие процессами формообразования под влиянием полового гормона. Работы Тандлера, Гросца и Штейнаха—в Германии, Кнуда Занда—в Дании и М. Завадовского—в России дают в этом отношении богатый материал для выводов.

Штейнах, опубликовавший свою работу в 1920 году, рядом опытов на крысах показал возможность продлить жизнь своих пациентов и вернуть им признаки молодости. Столь же удачны, но очень малочисленны его опыты на людях.

Операция омоложения по Штейнаху заключается в том, что семявыносящий проток яичка перевязывается и перерезается, чем устраняется отток семени наружу. В

результате, облик и поведение дряхлого самца изменялось: шерсть его становилась густой и блестящей, глаза—ясными, мышцы—крепкими; помолодевший самец делался драчлив и вновь получал способность давать потомство.

Рассматривая под микроскопом тонкий, гистологически обработанный срез семенниковой ткани, мы видим, что главная масса яичка состоит из тесно лежащих канальцев, в которых находятся как зрелые сперматозоиды, так и различные стадии их образования. Половые элементы укреплены на особых поддерживающих клетках (клетки Сертоли). Между канальцами расположена соединительная ткань, в петлях которой рассеяны особые многоугольные клетки с капельками жира, пигментом и другими включениями. Это межклеточные или интерстиционные клетки Лейдига. Изучением этих клеток наука обязана французским авторам Буэну и Анселю, статья которых помещена в рассматриваемом нами сборнике.

Исследуя семенники старых и омоложенных крыс, Штейнах убедился, что у последних межклеточные клетки сильно размножились и занимают гораздо больший объем, чем у первых.

Составляя яркий расцвет половых признаков и полового инстинкта с разрастанием межклеточной ткани, Штейнах определенно высказался в пользу того взгляда, что эти явления находятся в непосредственной зависимости; именно, в результате перевязки семяпровода, разрастается интерстициальная ткань, отделяющая половой гормон; а в результате усиленной продукции гормона ярко развиваются утраченные в старости признаки: мышечная сила, половой инстинкт и т. п.,—наступает омоложение. К. Занд, Липшюц и еще ряд авторов присоединились к взгляду Штейнаха на интерстициальную ткань, как на место отделения полового гормона. Другие ученые

(Стиве, Ромейс, Реттере, Воронов, Шампи) приводили опытные данные и теоретические соображения, отрицающие существование интерстициальной железы („пубертатная железа“ Штейнаха). Они приписывают гормоноотделительную функцию семенника самим сперматозоидам или клеткам Сертоли. Эта altera pars представлена в сборнике „Омоложение“ более слабо.

Воронов и Реттере считают возможным получить эффект омоложения только путем пересадки старым животным семенников молодых. Они работали на козлах и баранах, а впоследствии применили этот метод и к человеку, повидимому, не без успеха. Однако, теоретические соображения, которыми Воронов и Реттере пытаются опровергнуть Штейнаха, недостаточно вески. Во всяком случае, в настоящее время требуется еще серьезная экспериментальная и гистологическая работа, чтобы вопрос о „пубертатной железе“ мог быть решен окончательно.

Ряду работ, помещенных в сборнике (Мечников, Броун, Секар, Буэн и Ансель, Шарп, Штейнах, Пайр, Стиве, Реттере и Воронов) предпослана статья редактора сборника проф. Н. К. Кольцова.

Давши краткий, сравнительно-физиологический очерк явлений старости, автор останавливается на возможности борьбы с нею. Приведя соображения Мечникова, изложенные нами выше, проф. Кольцов считает, что Мечников „указал на одну из причин преждевременной (курсив автора) старости“. Отравление ядами кишечника, конечно, не может быть единственной причиной старения. Далее проф. Кольцов указывает еще на один метод борьбы со старостью—метод психический. (Создание усилием воли молодого, бодрого настроения, влияющего затем на состояние всего организма). „Война и в особенности революция состарила многих

из окружающих нас“,—говорит он, ссылаясь на тяжелые душевные переживания, как на причину старости. Нельзя забывать, что и здесь идет речь о причине преждевременной старости, и, главное, лишь об одной из ее причин.

Издан сборник „Омоложение“ недурно, хотя таблицы оставляют желать лучшего. Цена книги высокая.

Л. Бляхер.

Проф. А. К. ТИМИРЯЗЕВ.

КИНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАТЕРИИ.

Изд. Госиздата. 1923 г. 319 стр. 65 рис. Лекции, читанные в первом Московском Государственном Университете в 1917—1918 гг.

Книга проф. А. К. Тимирязева заполняет важный пробел в русской учебной литературе по физике. После того, как в течение последних двадцати лет западно-европейская и американская наука дала столько экспериментального и теоретического материала по вопросам молекулярной физики (строение атома, модели его, строение молекул, размеры их, явления теплопроводности, электропроводности, электронная теория металлов, явления ионизации и проч. и проч.), ощущалась настоятельная необходимость иметь сводку всего сделанного по этим вопросам, вопросам глубокой важности, касающимся существа наших представлений и понятий о материи. Как замечает автор, в настоящее время кинетическая теория газов развилась в кинетическую теорию материи. Вот такой сводкой всего достигнутого в этой теории и является книга проф. А. К. Тимирязева.

Книга разделена не на главы, а на лекции, числом двадцать, что давало автору, повидимому, большую свободу в относительном расположении материала, в установлении

параллелизма в решении разных проблем, в выражении весьма разных явлений частными решениями одного общего уравнения и т. д.

Для учащегося физика, чрезвычайно полезно проследить, как иногда весьма различные процессы и явления сближаются формально, а иногда и по их физическому существу посредством выражения их одинаковыми уравнениями или частными случаями одного общего уравнения.

В первой лекции проф. А. К. Тимирязев намечает план книги, указывая на те два течения в физике, „феноменологическое“ и „механистическое“, борьбу которых, борьбу в общем и целом для науки весьма плодотворную, нам приходится наблюдать и сейчас; здесь каждый успех одного направления физической мысли является стимулом, иногда направляющим и всегда ускоряющим работу мысли в другом направлении. Проф. А. К. Тимирязев в своей книге является последовательным и блестящим представителем второго течения, с точки зрения которого и излагает решение всех затрагиваемых проблем.

Изложение в книге всегда ясно, легко и логично; многочисленные математические выкладки при всех вспомогательных операциях вычислительного характера облегчают чтение книги для нематематика, а последовательно проведенное систематическое указание литературы в конце каждой лекции, сопровождающее краткой характеристикой каждой упоминаемой статьи или книги в отношении и ее содержания и ее качеств, делает книгу незаменимым пособием для всякого не только изучающего теоретическую физику но уже и работающего в ней самостоятельно.

Внешность издания обычная для издания Государственного Издательства 1922—1923 года; следует надеяться, что следующее издание,

которое потребуется, наверное, очень скоро в виду большого спроса на книгу, мы увидим сделанным уже на бумаге качества более подходящего к достоинствам книги. Желательно также в следующем издании в оглавлении поместить и содержание лекций, как это теперь сделано перед каждой лекцией.

Проф. И. Черданцев.

ЛЕФ.

ЖУРНАЛ ЛЕВОГО ФРОНТА ИСКУССТВ.

№ 1. Москва. Март 1923 г. Гос. изд. Стр. 252.

Появления этого журнала нельзя не приветствовать. Среди всей нашей литературной неразберихи выступление футуристского течения с вполне определенной программой будет несомненно содействовать большей выкристаллизованности вкусов и взглядов на задачи искусства, как среди читателей, так и среди самих пишущих. А „Леф“, — надо отдать ему эту справедливость — всячески стремится уточнить, как выражались стороны на процессе эсеров — свою позицию. В отделе „Программа“ мы узнаем и за что берется „Леф“, и в кого вгрызается „Леф“, и кого он предупреждает. А в конце журнала находим и дружеское предостережение самому Лефу со стороны Михаила Левидова, помещенное редакцией, очевидно, в виду согласия с выраженными в нем мыслями.

Итак, первое — за что борется Леф? Ответим по возможности его собственными словами: „Леф будет бороться за искусство — строение жизни“. Этим действенным искусством Леф будет агитировать массы, приобретая в них организованную силу. Он объединит фронт всех левых сил для взрыва старья, для драки за новую культуру.

Отсюда логически вытекает, „в кого вгрызается Леф“. Леф будет „бороться против перенесения методов работы мертвых в сегодняшнее искусство“... „Леф будет бить в оба бока: тех, кто со злым умыслом идейной реставрации приписывает акстарью (академическому старью) действительную роль в сегодня; тех, кто проповедует внеклассовое, всечеловеческое искусство; тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества“. Леф отгораживается („бьет в один бок“) от... „тех, кто неизбежную диктатуру вкуса заменяет учредительским лозунгом общей элементарной понятности; от тех, кто оstarяет лазерку искусства для идеалистических излияний о вечности и душе“. Леф обещает бороться против попытки „обратить искусство в оскар-уайльдское самоуслаждение эстетикой ради эстетики, бунтом ради бунта“, против пристрастия к трафаретам, против попыток омолаживания академизма.

„Сейчас мы ждем,—говорит Леф, лишь признания верности нашей эстетической работы, чтобы с радостью растворить маленькое „мы“ искусства в огромном „мы“ коммунизма“.

Конкретизируя свое отношение к вопросам искусства и другим художественным направлениям, Леф признает конструктивизм, но лишь поскольку тот стремится не ограничиваться конструктивистскими побрякушками, „а хочет стать высшей формальной инженерией всей жизни“. Соглашаясь с производственниками, Леф призывает их не увлекаться прикладничеством. „Уча рабочего, учитесь у рабочего... Ваша школа—завод“. Признавая формальный метод при изучении искусства, Леф напоминает, что этот формальный метод может дать не только интересные, но и нужные результаты только в том случае, если будет идти рядом с социологическим изучением искусства. И, наконец, об-

ращаясь к молодежи, Леф предостерегает против новаторства дилетантов. Только в мастерстве—право откинуть старье“.

Редакция Лефа состоит из футуристов Маяковского, Асеева, Каменского и других, к которым прикnuл на правах „попутчика“ старый марксист-коммунист Чужак. Последний следующим образом противопоставляет буржуазный и пролетарский подходы к искусству: „Искусство, как метод познания жизни (отсюда — пассивная созерцательность),—вот наивысшее и все же детально укороченное, содержание старой, буржуазной эстетики. Искусство, как метод строения жизни (отсюда—преодоление материи),—вот лозунг, под которым идет пролетарское представление о науке искусства... Искусство, как единый радостный процесс ритмически организованного производства товаро-ценностей в свете будущего,—вот та программная тенденция, которая должна преследоваться каждым коммунистом“. Именно под знаком действительного жизнестроения и принимает футуризм Чужак. „Футуризм есть не школа, а устремление,—пишет Чужак.—Диалектическое производственничество есть очередная задача футуризма“.

Но довольно о программе Лефа. Мы уже видим, что футуризм, которому до революции грозила участь превращения в декадентский выверт на потребу пресыщенному салону (что признают и сами футуристы), в эпоху революции отвернулся от борьбы на арене чистой эстетики, чтобы окунуться в стихию живой жизни, и поставил себе практическую задачу отразить борьбу революционного класса (см. статью Третьякова). Это устремление футуризма можно только приветствовать.

Другое дело—осуществление этой задачи. В этом отношении, конечно, писатели футуристы разнятся как талантом, так и степенью своего непосредственного приятия

пролетарской революции. Но их устремление в эту сторону не подлежит сомнению. И даже дальше всех, может быть, стоящий от революционных устремлений футуризма, Крученых, дал очень хорошие боевые стихи: „Траурный Рур“ и „Радостный Рур“.

Очень хорошее стихотворение „Интервенция веков“ дал Асеев.

Не нам тосковать и печалиться
по дому,
По дням отошедшим, в безмолвные
лет;
Мы—фабрик внимаем железному,
вотуму,
Разбившему прежнего времени
бред.

Поэма Маяковского про это в некоторых местах стоит на уровне лучших произведений этого поэта. К сожалению, недостаток места не позволяет нам сделать нескольких цитат.

Совсем неудачна повесть Брика „Не попутчица“. Любопытны воспоминания Петровского о безвременно погибшем поэте Хлебникове. Интересна статья Винокура „Футуристы—строители языка“.

И, наконец, чтобы дать общее представление о физиономии журнала, трудно удержаться от выписки из „Предостережения Лефу“. Мих. Левидова. „Так вот здравствуйте товарищ Леф. Поговорим. О вас великодушный *Маяковский*,—Лефдровский генерал, хищник, жадный, напористый молодой генерал, слепой и мощный в ударе, как таран, зрячий и острый, как свет маяка—в подготовке к удару; о вас, *Асеев*,—разгульный схимник, с неверной улыбкой на аввакумовских губах, жарящий бомбами по соловьям; о вас, *Третьяков*,—этакий охающий, долговязый резчик, такими неуклюжими, казалось бы, лопатами, создающий чертовски тонкие штучки, бурсак, вгрызающийся в эстетику, как медведь в молодую поросль; о вас, российский мальчик *Арватов*.

наскокистый, задорный петушок,—простите, бунтарь, Сен-Жюст Лефа; о вас, о *Брик*, о односложный кардинал, иронически схематизирующий мир в опьянении крепким вином своего здравого мысла, столь же прочного увестистого и окончательного, как и ваше имя—означающее по-английски кирпич; о вас, *Чужак*—на сем пиру госте случайном, русском мыслителе с германскими приемами кунктаторе „Лефа“...

К этой блестящей характеристике ничего не прибавишь. А проверить ее можно, только ознакомившись с Лефом, что мы и рекомендуем нашим читателям.

С. Г-ин.

КРАСНАЯ НОВЬ.

Литературно - художественный и научно-публицистический журнал. Книга 2-я. Март—Апрель 1923 г.

Последняя книга „Красной Нови“ открывается автобиографическим рассказом Горького „Мои Университеты“. Хорошо открывается. Это настоящий Горький: крепкий, увесистый, вдумчивый, ищущий света правды. Иногда режущим анахронизмом в нить рассказа врывается скептицизм современного Горького. Врывается и сейчас же исчезает в сутолоке изображаемой им жизни низов, жизни нелепой, безтолковой, жестокой и все же согретой огнем протеста и правдоискательства. Так мимолетно проскальзывают эти скептические ноты, что даже жаль, что редакция спешит выявить свою „правоверность“ и отгородиться от идеи Горького последней формации. Словно, кто-нибудь заподозревает революционную беспорочность редакции.

Страницей прошлого является рассказ А. Сикорского „Плюшевая головка“. Написан не без таланта, но после Горького—мелок. Очень уж в узком размере взята жизнь.

Революционный период представлен „Переменной“ Мариэты Шагинян и „Председателем“ А. Аросева. „Перемена“—это хроника борьбы революции и контр-революции на юге—в районе Ростова—интересная, меткая, хорошо написанная, но как-то не вполне передающая всю остроту и весь размах этой гигантской борьбы.

„Председатель“ А. Аросева, как и почти все вещи этого автора, написан внимательным и умеющим передавать свои впечатления наблюдателем. Хорошо выдержан тип поветствования. Короткими, отрывочными, фразами нанизываются одно за другим события. Описаний мало, но те, где есть, хороши. Кашевар Василий Егоров—впоследствии председатель Губисполкома—обрисован умело. Некоторые другие фигуры тоже. Масса солдатская, революционная—удается автору хуже. Дальше шаблонных фраз вроде „сиделись сплести одно слово, могучее, как набат“, и т. д.—дело не идет. Сразу чувствуется, что солдатскую массу автор воспринимает как-то извне, несколько не сливаясь с ней душой. Но вот выловил в массе кашевара Василия Егорова и любовно описал его. Аросев—бытописатель революции, но не революционный писатель.

Отдел научно-публицистический представлен двумя „покаянниками“ Майского и Мартынова, бывших меньшевистских лидеров. Майский вскрывает контр-революционную

подоплеку Самарского Комуча и зарождение колчаковщины, Мартынов продолжает свою „Великую Историческую проверку“ тяжбы между большевизмом и меньшевизмом за социалистические первородства. В свете событий революции поверяет он старые разногласия внутри российской и международной социал-демократии. Проверка эта очень интересная, и представляющая в частности большой интерес для красного студенчества, ибо дает возможность перенестись в атмосферу прошлого, лучше ознакомиться с историей партии.

В отделе критики и литературы статьи П. Когана „Современная литература за рубежом“ и Сергея Боброва „Лоскутья Победы“, в значительной степени совпадающие по теме (Отклики войны в мировой литературе), но не по манере. Коган—бесстрастно скучен, С. Бобров—относится к авторам и их героям с живой симпатией и антипатией—и читается приятно. „Литературные отклики“ А. Воронского посвящены на этот раз писателям альманахов „Круга“—Пильняка, Буданцева, Малышкина.

В общем—„Красная Новь“ становится советским „Вестником Европы“—таким же почтенным, основательным, с хорошим подбором имен и тем, и все же каким-то вялым и безличным органом. Но материала интересного там довольно много. Что и требуется.

С. Г-ин.

„ТЕХНОТКАНЬ“.

Правление: Ильинка, 3 Телефон 18-90.

Розничный магазин: Мясницкая, 13. Телефон 2-97-22.

ВЫРАБАТЫВАЕТ:

РУКАВА ПОЖАРНЫЕ:

ТКАНЫЕ РЕМНИ: из верблюжьей шерсти, хлопчато-бумажные (как тканые, так и шитые), льняные ремни, пассы.

ПРЕССОВОЕ СУКНО: из верблюжьей шерсти для маслобойных заводов.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТКАНИ.

МЕБЕЛЬНЫЕ и АВТОМОБИЛЬНЫЕ ТКАНИ.

КЛЕЕНКУ СТОЛОВУЮ и ТЕХНИЧЕСКУЮ.

Отпуск производится, как по заказу, так и из наличного запаса путем товарообмена.

„ТЕХНОТКАНЬ“ ПРИОБРЕТАЕТ СЫРЬЕ:

ШЕРСТЬ ВЕРБЛЮЖЬЮ,

Л Е Н,

ЛЬНЯНУЮ и БУМАЖНУЮ ПРЯЖУ,

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ,

ТОПЛИВО,

СМАЗОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ,

ПРЕДМЕТЫ ТЕХНИЧЕСК. ОБОРУД. и пр.

Председатель Правления И. И. Благов.

Член Правления С. Л. Варжанский.

Управдел К. К. Пантелеев-Киреев.

Всероссийский Текстильный Синдикат

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Ильинка, Б. Черкасск. пер. № 9. Тел. № 2-03-51, 2-95-21.

ВСЕМ!

ВСЕМ!

БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
ГОСОРГАНАМ, :: :: ::
:: :: :: КООПЕРАТИВАМ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ :: :: ::
:: :: :: ОРГАНИЗАЦИЯМ
И ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ.

ТЕКСТИЛЬНЫХ
ТОВАРОВ
ВСЕХ ТРЕСТОВ,
ВХОДЯЩИХ
В СИНДИКАТ.

БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ.

ИМЕЮТСЯ ВСЕГДА В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ:

ТКАНИ

ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ,
КАМВОЛЬНЫЕ, СУКОННЫЕ,
ШЕЛКОВЫЕ, ЛЬНЯНЫЕ и др.

ТКАНИ

ПЛАТКИ.

ТРИКОТАЖ.

НИТКИ.

ТРЕСТ

Богородско-Щелковских хлопчато-бумажных фабрик

ОБЪЕДИНЯЕТ ФАБРИКИ:

1. ГЛУХОВСКУЮ (бывшую К^о Богородско-Глухов. м-ры).
2. ИСТОМИНСКУЮ (бывшую Шибяевых).
3. СОБОЛЕВО-ЩЕЛКОВСКУЮ (бывш. Люд. Рабенек).
4. ПАВЛОВО-ПОКРОВСКУЮ (бывш. русско-франц. о-ва).
5. БАЛАШИНСКУЮ.
6. РЕУТОВСКУЮ.
7. ЮСУПОВСКУЮ (бывшую Шлихпермана).

Правление и оптово-товарная контора—в Москве.

Варварка, 20. Телефоны: 87—09, 1—56—79, 1—21—56, 1—95—21.

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ:

1. Тверская, 37. Тел. 2—21—05.
2. Угол Сухарев. пл. и мал. Спасской ул., д. 13/1. Тел. 95—89.
3. Арбат, 38/1. Тел. 95—90.
4. Таганская площадь, Советская ул., д. 2/3.
5. Гор. Богородск, Москов. губ., Московская улица.
6. Ст. Щелково, Сев. ж. д. при Соболево-Щелковской ф-ке.
7. Гор. Петроград, Проспект 25 октября, д. № 27.

Оптово-товарная контора продает за наличный расчет ТКАНИ, НИТКИ и ПРЯЖУ изделий фабрик Треста.

Трест принимает заказы на изготовление тканей по имеющимся образцам, а также по образцам заказчиков.

РОССИЙСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ.

Правление Общества: Москва, Старая площадь, д. № 6.

Условный телеграфный адрес: МОСКВА-СТАНДАРД.

Телефоны: 2-40-31, 2-46-32, 2-59-89, 1-27-31.

Доверенные правления: в Петрограде, Казани, Астрахани, Грозном, Ворсклеже.

РЕЗИНОТРЕСТ

(Государственный Трест Резиновой Промышленности)

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Маросейка, 12.

**ГАЛОШИ,
АВТО-ВЕЛО-ШИНЫ,
ПРЕДМЕТЫ СПОРТА
и изделия
по ХИРУРГИИ и ТЕХНИКЕ.**

Московское торговое отделение:

Маросейка, 12. Телеф. 16-62, 1-82-94, 1-82-84, 1-34-25.

Московские розничные магазины.

Маросейка, 12; Мясницкая, 15; Тверская, 67; Арбат, 53.

Торговые отделения и розничные магазины во всех крупных городах С. С. С. Р.

ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА 1923 г. и КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННАЯ
С ИНОСТРАННЫМ ОТДЕЛОМ.
ОТКРОЕТСЯ 15-го АВГУСТА.

**МАТЕРИАЛЫ СВЕЖЕНЫ,
ПАВИЛЬОНЫ СТРОЯТСЯ,
ЭКСПОНАТЫ ЗАГОТОВЛЯЮТСЯ.**

ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТ: Москва, Наркомзем, Боярский двор, 5/8.

ТЕРРИТОРИЯ ВЫСТАВКИ: Москва, Крымский вал—
Нескучный сад.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Публицистика.

	Стр.
А. Романенко.—О нашей учебе	3
В. И. Хотимский.—Речь на Съезде Совпартшкол.	10
Проф. М. В. Шулейкин.—Радиотехник к студентам.	20
Гр. Осипов.—По Европе (Международн. обозрение)	28
Б. Арватов.—Организация революционного праздника.	35
А. В. Луначарский.—Эрнст Трельяч (некролог).	38

II. Наука и техника.

А. Н. Бах.—Философия Бергсона и естествознание (продолж.).	42
Проф. М. М. Завадовский.—Пути биологии.	53

III. Литература и искусство.

Ив. Мукосеев.—Красноармейцу (стих).	74
Н. Ночуров.—Зеленя (рассказ).	75
Ян. Окунев.—Донбасс (очерки).	82
Сергей Володин.—В конном строю (стих).	99
А. Февральский.—Неугомонный Мейерхольд.	100
Ив. Приблудный.—Брат на брата (поэма).	103
Г. Беус.—Отклики (О первомайской литературе 1923 г.).	107
Ив. Приблудный.—Май (стих).	113

IV. Т р и б у н а.

Проф. А. Е. Чичибабин.—О значении специальных научных работ в системе высшего технического образования	114
Николай Тарабукин.—Искусство и пролетариат	125
А. Февральский.—Театр—пролетариату	136
М. Нирод.—Артем Веселый (опыт характеристики его творчества).	138

V. Академическая жизнь.

Е. Л. Зелинский (Боншицкий).—Год работы.	143
Ив. Струев.—Об использовании каникул партийного студенчества.	154
С. Веселов.—Пролетаризация высшей школы и наши очередные задачи.	157

	Стр.
Проф. И. В. Грибов.—Высшая техническая школа и промышленность.	165
Проф. И. А. Тищенко.—К пересмотру учебных планов (окончание).	170
Ф. И. Шабловский—Коммунистические ВУЗы и Совпартшколы в нашей рес- публике.	181
По ВУЗ СССР.	186
Студенческая периодическая печать.	191

VI. За рубежом.

Приветственная телеграмма Российского студенчества революционным китай- ским студентам.	197
Ответ на телеграмму.	198
М. М.—Студенческое движение в Китае.	200
А. Романский.—„Школа агитаторов“. Эмигрантская „паука“, как новая фаза эмигрантской истории.	203
А. Римский.—Фашизм.	207

VII. Спорт.

Спорт за границей.	212
Спортивная хроника.	214

VIII. Шахматы.

(Под редакцией А. Ф. Ильина-Женевского).

Задачи и этюды. Хроника.	218
----------------------------------	-----

IX. Библиография.

С. Гальперина, Надеждина, А. Романского, Л. Блехера, Проф. И. Черданцева и друг.	222
Сб'явления.	250

и х - 7898

КО ВСЕМ ПОДПИСЧИКАМ „ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА“

1. Предлагается организациям и отдельным подписчикам, желающим регулярно получать журнал, озаботиться скорейшей высылкой денег за № 1 и 2. В дальнейшем журнал будет рассылаться исключительно по предварительной подписке.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

До конца 1923 г. . . . . — 2 р. 50 к.

На 1 месяц. . . . . — 55 к.

Цена в отдельной продаже . . . . . 60 к.

Организациям, издательствам и др. оптовым покупателям скидка 15%.

2. Редакция просит все местные студенческие издательства высылать ей по 1 экземпляру всех выпускаемых ими печатных произведений.

3. Редакция обращается ко всем студентам и рабфаковцам высылать ей материалы, освещающие возможно полно жизнь местных вузов.

Статьи оплачиваются по ставкам Гос. Издательства.

Не принятые рукописи не возвращаются, поэтому авторам рекомендуется оставлять у себя копии своих произведений.

4. С № 3 в „Пролетарском Студенчестве“ будет открыт почтовый ящик, в котором будут печататься ответы на интересующие студенчество вопросы.

5. Корреспонденцию и денежные переводы направлять по адресу редакции—Москва, Страстной бульвар, 12, кв. 15. Кроме того, денежные суммы можно переводить на наш текущий счет № 60 в золотом исчислении в „Московский Городской Банк“, Москва, Ильинка, 12.

Следующий № 3 „Пролетарского Студенчества“ выйдет в первых числах июля.

6. Редакция доводит до сведения своих подписчиков, что они могут получать книги, выпускаемые Государственным Издательством, со скидкой в 20%, заказывая их через редакцию „Пролетарского Студенчества“. Пересылка и доставка по себестоимости.

ПРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМ СТУД

ДВ

